ТЕЛЬМАН ДЖАФАРОВ

Древняя Русь и тюрки

в литературных памятниках XII-XVII веков

Баку - Мутарджим - 2013

Научный консультант: Заслуженный деятель науки, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, доктор филологических наук, профессор **К.М.Абдуллаев**

Научный редактор: доктор филологических наук, профессор **М.К.Коджаев**

Редактор: кандидат филологических наук, доцент **И.М.Джарчиева**

Рецензенты: заведующий кафедрой мировой литературы государственного института русского языка им.А.С.Пушкина (г. Москва), доктор филологических наук, профессор **Н.С.Травников**;

заведующий отделом древнеславянских литератур ИМЛИ им. М.Горького РАН, доктор филологических наук, профессор **А.С.Дёмин**;

научный сотрудник Института истории НАН Азербайджана, кандидат исторических наук **Р.С.Меликов**

Т.Г. Джафаров. Древняя Русь и тюрки в литературных памятниках XII-XVII веков. Монография. - Баку: Мутарджим, 2013. - 344 стр.

Монография посвящена целостному анализу литературных памятников Древней Руси, отражающих славяно-тюркские контакты вплоть до конца XVII столетия, периодизации этих связей, а также подробному рассмотрению военно-политических, культурно-экономических, религиозно-этических и просто человеческих отношений этих народов, выявлению синтеза фактов материальной и духовной жизни славянских и тюркских этносов.

Особое значение имеет последняя глава книги, в которой славяно-тюркские контакты представлены в свете евразийских идей.

Книга предназначена всем, кто интересуется историей русской литературы, славяно-тюркскими связями и их отражением в литературных памятниках Древней Руси, проблемами евразийства.

ISBN:

© Т.Г.Джафаров, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора..... 5
ВВЕДЕНИЕ..... 7

ГЛАВА I. Ранняя история контактов восточнославянских и тюркских народов в литературе Древней Руси..... 20
Тюркские элементы в «Повести временных лет»..... 25
«Слово о полку Игореве» как русско-половецкий памятник. Тематическая и типологическая общность «Слова о полку Игореве» и «Книги отца нашего Коркута..... 44

ГЛАВА II. Описание монголо-татарского нашествия в литературе Древней Руси..... 71
2.1. Характеристика монголо-татар в русских повестях и летописях..... 91
2.2. Идейно-тематические и жанровые особенности воинских повестей монголо-татарского цикла 109

ГЛАВА III. Тюрко-татарская тема в исторических и в воинских повестях XV-XVII веков..... 152
3.1. Русско-турецкие контакты XV-XVI веков в «Повести о взятии Царьграда турками» и в произведениях Ивана Пересветова 158
3.2. «Казанская история» как историческая повесть XVI века..... 177
3.3. Правда и вымысел в повестях об Азове..... 209

ГЛАВА IV. Тюрко-татарская тема в русских хождениях и посольских повестях XV-XVII веков..... 245

ГЛАВА V. Древняя Русь и тюрки
в свете евразийских идей..... 288
5.1. Идеи евразийства в литературных памятниках
русского Средневековья..... 288
5.2. Евразийство и азербайджанство: точки
соприкосновения и перспективы сближения..... 297
5.3. Катарсис в героических эпосах Евразии (на
материале «Слова о полку Игореве», «Книги отца
нашего Коркута» и «Песни о Нибелунгах»)..... 304
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 313
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ..... 320

ОТ АВТОРА

Данная монография стала продолжением и логическим завершением наших исследований, проведённых в книгах «Древняя Русь и тюрки: в летописях, исторических и воинских повествованиях» (Баку, 2002), «Тюркские элементы в русской литературе XV-XVII веков» (Москва, 2003), «Славяно-тюркские связи в литературе Древней Руси» (Баку, 2003) и «Тюрки в русской литературе XV-XVII веков» (Анкара, 2010, на турецком языке).

Результатом наших поисков в этом русле стало учебное пособие для студентов гуманитарных вузов «Литература Древней Руси» (Баку, 2008) и сборник статей и переводов «Евразийские идеи через призму современности» (Баку, 2010) изданные на азербайджанском языке. За эти годы нами были опубликованы и некоторые статьи, среди которых хотелось бы особо подчеркнуть статью о сравнительном анализе азербайджанского эпоса «Книга отца нашего Коркута», германской «Песни о Нибелунгах» и древнерусского литературного памятника «Слово о полку Игореве». В ней рассматривалась проблема катарсиса, свидетельствующая об идейно-тематической близости и типологической идентичности средневековых героических эпосов, их мифопоэтических элементов. В статье «Евразийство и азербайджанство: точки соприкосновения и перспективы сближения», увидевшей свет также в научных изданиях России, Беларуси и Казахстана, было предложено рассмотрение и изучение проблем современного азербайджановедения в контексте евразийских исследований. В названной статье в основном мы опирались на выводы и научные результаты наших предыдущих работ.

В постсоветском пространстве рубеж веков ознаменовался возобновлением евразийских идей; появилась острейшая необходимость проведения новых исследований по евразийскому культурно-историческому ареалу, что послужило возникновению и распространению концепции формирования общего гу-

манитарного пространства, взаимодействию и взаимопроникновению национальных культур и языков, общих евразийских культурных и материальных ценностей. Все указанные наши исследования были проведены именно в этом плане. На наш взгляд, они могут способствовать написанию объективной и реальной истории России.

В представленной в данной книге статье о литературоведческом аспекте евразийства предлагается необходимость включения историко-литературных источников Древней Руси в орбиту евразийских исследований.

Исходя из нынешних реалий, а также дискуссий вокруг вопросов «Какая история нужна России?» и «Какой должна быть новая Россия?», хотелось бы внести свою посильную лепту в развитие новейших евразийских исследований.

ВВЕДЕНИЕ

В современной литературоведческой науке большое внимание уделяется вопросам сравнительного изучения истории и культуры народов мира, выявляются характер и особенности их исторических, культурных, экономических и человеческих контактов. Примечательны в этом отношении многовековые исторические связи славянских и тюркских народов, взаимосвязь и взаимовлияние которых не прошли бесследно для тех и для других. Соприкосновение, столкновение и противостояние славянских и тюркских племен в обширных евразийских степях способствовали появлению и формированию многих ныне живущих на этих территориях народов. «Многовековое взаимодействие восточных славян - позднее русских, украинцев, белорусов - и тюрков оставило заметный след во многих проявлениях жизни и деятельности названных славянских народов: в их этногенезе и культуре, архитектуре и орнаменте, в употреблении ими некоторых предметов домашнего обихода и одежды, в отдельных деталях быта и обычаев, в терминологии животноводства и соколиной охоты, в фамилиях и прозвищах, в топонимах и гидронимах и т.п.» (149, с. 3).

Согласно версиям древних источников, славяне появились на исторической арене еще до нашей эры и имели определенные контакты со скифами, а значительно позже, с гуннами. Славянские племена вели оседлый образ жизни и использовались гуннами как для снабжения войск, так и для ведения боев против какого-нибудь народа. Чуть позже были совместные походы гуннов и аваров со славянскими этносами. В VI-X вв. вместе с алтаеязыч-

ными племенами славяне представляли огромную опасность для Византии, величайшей империи того времени. Рассматривая древнейшую историю славянских племен - словен и антов - русские и зарубежные исследователи, ссылались на произведения Иордана, Прокопия Кесарийского, Аммиана Марцеллиана, Приска, Маврикия, Константина Багрянородного, на труды арабских и персидских географов и других и подчеркивали связь антов с восточными славянами, с населением Киевской Руси. «Как в территориальном, так и в культурно-этнографическом отношении анты представляют собою связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами...»(64, с.15), - отмечал акад. Н.С.Державин. При этом он опирался на вывод акад. Б.А.Рыбакова, подтверждавшего изумительную преемственность «культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским» и предполагавшего, «что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее» (64, с. 15). Допуская культурное влияние аваров на славян, акад. А.А.Шахматов в то же время не отрицал определенного воздействия первых на территориальное распространение и расселение антов. Цитируя известные строки «Повести временных лет» о покорении и порабощении антов и дулебов аварами, исследователь обращает внимание на длительное пребывание славянских племен под их господством, что в конце концов имело более благоприятные последствия для антов, занявших «южнорусское предстепье от Днестра до Днепра и дальше до Донецкого бассейна», нежели для аваров, «кто не оставил по себе ни племени, ни наследия», лишь передав свою историческую миссию гуннским полчищам, болгарам, хазарам, уграм, печенегам, торкам и половцам (265, с. 30).

История славянских и тюркских народов была полна неожиданностей. Один из натисков тюрков «привел... к смешению южных славян с алтаеязычными пришельцами, булгарами, и завершился сложением нового народа, который пользовался древнеболгарским языком - древнейшим из известных славянских языков. Ему было суждено стать литературным языком всего первоначального славянства и оказывать далекоидущее и долго длившееся влияние на родственные языки, на языки-потомки и даже на языки-соседи» (149, с. 21).

История Древней Руси и Великой Степи имеет бесчисленные точки соприкосновения, общие для той или другой сторон факты и цифры. Хотя Русь имела повседневные пограничные стычки с печенегами, торками, гузами и половцами, в то же время она противостояла Хазарскому хаганату, Византии и брала верх благодаря названным тюркским народам. Русские князья свои военные проблемы - ссоры и братоубийства, а также походы на соседние земли - решали не без помощи торков, печенегов, черных клобуков, половцев, монголо-татар.

После прихода Батыя в Великой Степи и на Руси установился другой миропорядок. Благодаря монголо-татарскому присутствию раздробленная на княжества Русь, несмотря на вассальную зависимость, спаслась от нашествия западных варваров - немцев, шведов, поляков и литовцев. Даже автор «Истории государства Российского» Н.М.Карамзин, известный своим негативным отношением к роли тюркских народов в исторической судьбе России, подчеркивал некоторые «благотворные следствия» (102, с. 27-82) монголо-татарского нашествия. Многие исследователи, развивая мысль Н.М.Карамзина, приписывали ордынцам создание единодержавия в Древней Руси (53, 88, 166, 208, 251). Целая эпоха древнерусской

литературы была посвящена двух-трехвековому монголо-татарскому присутствию на Руси. Воинские повести середины XIII-XV веков стали подлинной летописью военно-политической обстановки времени. Литература монголо-татарской эпохи приобрела нарочито религиозную окраску, обогащаясь не только воинскими, житийными повестями, апокрифами, патериками, хрониками, сказаниями, но и переводными произведениями самого различного содержания.

Огромный интерес вызывает история взаимоотношений Московской Руси с Османской империей, а также с Крымским, Астраханским и Казанским ханствами, Ногайской Ордой и их отражение в русской литературе XV-XVII веков. Исторические контакты, военно-политические и торговые отношения этих государств полностью отразились в летописях, воинских и исторических повествованиях, хождениях, посольских повестях, официальных посланиях и письмах. Особое значение приобрели произведения жанров хождения, путевых очерков и посольских повестей, в которых подробно освещались торгово-экономические и дипломатические связи Московской Руси с восточными странами, в то же время умело преподносилась историко-литературная информация о восточном мире. Древнерусские светские хождения, путевые очерки, посольские повести и разные сборники с богатыми географическими и историко-литературными сведениями об Османской Турции, Персии (Сефевидском государстве), Индии и других странах и народах послужили надежным и основным источником для официальных и деловых кругов Московского царства. И не случайно, большая часть этих произведений включалась в летописи и хранилась в собраниях самых известных собирателей древнерусских рукописей.

Литература данной эпохи сумела выйти за строгие рамки традиционных жанров. В основу повествования было положено мировоззрение древнерусского человека, описание его торговых, культурных и человеческих контактов с окружающими народами и странами, в том числе тюркскими. В этом плане немалый интерес вызывают пути проникновения тем, мотивов, сюжетов и образов произведений восточных авторов в древнерусскую литературу. Примечателен тот факт, что великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами в своих поэмах «Искендер-наме» и «Семь красавиц» преподносит ценные для восточного человека сообщения о древней культуре, воинском искусстве и мировоззрениях русов-восточных славян, об их контактах с тюркскими этносами и народами Великой Степи. По мнению азербайджанского востоковеда Р.Алиева, рассказы жены поэта, «гордой и красивой тюрчанки из кыпчаков Афак», нашли отражение в его поэмах (15, с. 9). На наш взгляд, сведения выдающегося представителя азербайджанского Ренессанса XII века Низами о русах-восточных славянах, об их воинском искусстве и отношениях со степняками являются историко-литературным материалом и нуждаются в специальном исследовании. Литературовед М.Садыхов, затрагивая тему древнерусских притч XVII века под названиями «От книг бытей татарских о разуме человеческом» и «Иная притча о том же царе», высказывается о том, что «первая притча восходит к «Семи красавицам» Низами, что касается второй, то она повторяет «Повесть о Хосрове Нушрване и его визире» из «Сокровищницы тайн» азербайджанского поэта»(209, с. 22-23).

Несмотря на большое количество научно-исследовательских работ по славяно-тюркским культурным и литературным связям, материалы об этих взаимовлияниях и

взаимодействиях не систематизировались и специально не изучались; эволюция тюркской тематики в русской литературе X-XVII вв. оставалась вне внимания литературоведческой науки. Это приводило к определенной неясности в области исследования литературных памятников, к разногласию между специалистами по древнерусской словесности, а также появлению в печати порой сенсационных и нетрадиционных для научных кругов предположений и гипотез. При этом следует отметить большое значение классификации форм и типа культурных связей Руси с тюркоязычными народами Востока, имевшей место в весомом труде видного исследователя древнерусской литературы А.С.Демина (60, с. 674-692). Предваряя свои наблюдения над заимствованиями разных видов, и подчеркивая их значение в развитии русской литературы древнего периода, исследователь считал необходимым объяснить, что «литературные результаты русско-тюркских связей были невелики и сводились к использованию в памятниках отдельных мотивов из устных сказаний и некоторых выражений и слов из документов и устной речи. Но эти в общем мелкие заимствования производились непрерывно, не прекращались практически никогда, были постоянно действующим фактором истории древнерусской литературы. Поэтому можно проследить, как в течение веков в русской литературе менялась смысловая роль заимствованных тюркских материалов. Их идейно-стилистические функции в памятниках древнерусской письменности четко различаются по периодам, что позволяет говорить о заимствовании разных видов» (60, с. 674-675). Замечания и наблюдения А.С.Демина во многом способствовали уяснению нашей позиции по данному вопросу. Но хочется отметить, что тюркская тематика, действительно, была «постоянно действующим

фактором истории древнерусской литературы» и сужать ее лексическими заимствованиями из тюркских языков нецелесообразно. Следует принять во внимание многовековые культурные и экономические связи славян с тюркским миром, исторические отношения Киевской и Московской Руси с тюркскими государствами. Актуальной проблемой современной литературоведческой науки остается необходимость реконструкции восприятия тюркских этносов и народов, сформировавшегося также на материале литературных памятников Древней Руси и ставшего важным элементом национального самосознания и культурного наследия русских.

Постановка данной проблемы в рамках настоящей книги обусловлена, прежде всего, недостаточной изученностью темы отражения славяно-тюркских связей в литературе Древней Руси в данной ее формулировке, связанной с комплексным анализом древнерусских произведений на тюркскую тему, системным рассмотрением их идейно-тематического и жанрово-стилистического своеобразия. Это позволяет проследить повторяемость и традиционность тем, мотивов, сюжетов и элементов поэтики, их эволюцию на разных этапах обогащения русской средневековой литературы тюркской тематикой.

Славяно-тюркские связи, самые различные вопросы культурного взаимообогащения восточных славян и тюрков активно изучались, начиная со времен Петра I. По А.Н.Кононову, впервые в русской историографии многие проблемы истории монголо-татар особенно в их отношениях с Русью обстоятельно рассматриваются в «Скифской истории» А.И.Лызлова, появившейся в конце XVII века (114, с. 23). Тюркский фактор в истории, культуре и литературе Древней Руси не обошли вниманием первые русские историографы - В.Н.Татищев,

Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, евразийцы Г.В.Вернадский, Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, историк Н.И.Костомаров и другие. Особенно плодотворными были лингвистические, в частности, этимологические исследования тюркизмов в «Слове о полку Игореве» и других популярных литературных памятниках Древней Руси. Проблемы ассимиляции и исторической необходимости адаптации восточных лексем в древнерусских произведениях, культурно-исторического контекста вхождения тюркских выражений, терминов и личных имен в язык этих литературных памятников основательно разрабатывались целыми поколениями русских, советских и зарубежных тюркологов, ученых-русистов. В числе данных исследований следует подчеркнуть труды В.В.Радлова, В.В.Бартольда, А.А.Шахматова, К.Г.Менгеса, С.Е.Малова, Н.А.Баскакова, Л.Г. Дмитриева, В.А.Гордлевского, И.Г.Добродомова, А.Н. Кононова, Л.Мюллера, Л.Нидерле, П.М.Мелиоранского, Д.С.Лихачева и других.

Вопросы этногенеза, этнографии и археологии Древней Руси и Великой Степи, русско-половецкого пограничья, тема места и роли тюркского элемента в политической и духовной жизни восточных славян, характер изображения тюркской тематики в отдельных литературных памятниках X-XVII вв. освещались П.В. Голубовским, П.Ф.Сумом, В.Г.Тизенгаузеном, Д.И. Иловайским, Н.И.Веселовским, Д.А.Расовским, Б.А.Рыбаковым, А.Н.Насоновым, В.А. Пархоменко, Л.Ю.Якубовским, А.С.Орловым, В.П. Адриановой-Перетц, А.Н. Робинсоном, А.А.Зиминым, М.И. Артамоновым, Л.Н. Гумилевым, А.П.Окладниковым, А.А.Новосельским, Л.Ю.Тугушевой, С.А.Плетневой и другими.

Поиски, разыскания и исследования евразийцев, а также авторов последних десятилетий прошлого столетия - О.О.Сулейменова, Л.Н.Гумилева, М.Э. Аджи,

Г.В.Носовского и А.Г.Фоменко, И.Б.Орловой, А.А. Бушкова, А.М.Буровского и других - звучали как возражение традиционной и официальной позиции русского и советского литературоведения в этом вопросе. Фальсификация фактов и событий официальными научными кругами, академическими изданиями и вузовскими учебниками, ложный патриотизм противников тюркского присутствия в русской истории и культуре порождали ошибочную точку зрения и нередко приводили к научно необоснованным выводам. Но последовавшие за тенденциозными научно-популярными книгами постсоветского времени исследования в аспекте изучения тюркских элементов древнерусской литературы, перевод и издание трудов зарубежных русистов Л.Мюллера, Р.Пиккио, Л.Нидерле, переиздание некоторых летописей и классических работ Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, А.А.Шахматова, Г.В. Вернадского, П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого и др. направили в правильное русло ход исследований и поисков современных ученых-литературоведов. Наряду с книгой А.С.Демина «О художественности древнерусской литературы» особое значение приобрели диссертационное исследование В.Н.Рудакова (207) , а также учебники и учебные пособия нового поколения, в числе которых «История русской литературы XI-XIX веков», в 2-х частях (М., 2000) (автор раздела по литературе XI-XVIII веков - А.С.Демин), «Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару» (автор Н.В.Трофимова, М., 2000) и другие. В постсоветское время появилось много научно-популярных, художественно-публицистических и исторических книг об отдельных русских князьях, о монголо-татарских ханах, взаимоотношениях Московской Руси с Золотой Ордой и Османской Турцией. Усилилась

тенденция пересмотра жизнеописания Ивана Грозного, при царствовании которого Московская Русь превратилась в огромное евразийское государство.

При этом по сей день отсутствует официальное научное мнение о тюркском факторе в жизни и культуре славянских народов, в частности русского, доминирует разобщенность мнений, отсутствует стремление сблизить разные взгляды славистов и тюркологов, литераторов и публицистов на эту проблему.

Данная книга посвящена целостному анализу литературных памятников Древней Руси, отражающих славяно-тюркские контакты вплоть до конца XVII столетия, периодизации этих связей, а также подробному рассмотрению военно-политических, культурно-экономических, религиозно-этических и просто человеческих отношений этих народов, выявлению синтеза фактов материальной и духовной жизни славянских и тюркских этносов.

Историко-филологический анализ текстов русских литературных памятников X-XVII веков требует комплексного рассмотрения вопросов исторической, духовной, культурной, этнографической, археологической и других сфер жизни древнерусского общества. По верному замечанию акад. Д.С.Лихачева, «филолог, чтобы быть хорошим филологом, должен быть одновременно и историком, а историк, имеющий дело с письменными документами, - филологом. Иначе что стоят выводы каждого!» (135, с. 90). Этот принцип стал ориентиром наших исследований в изучении тюркской тематики в литературе Древней Руси.

К исследованию привлекаются древнерусские произведения самых различных жанров: летописи, сказания и жития, переводные сочинения, воинские, историче-

ские, посольские повести, хождения, путевые очерки и др. Основным объектом изучения являются «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Повесть о Темир Аксаке», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками...» Нестора Искендера, «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова, «Казанская история», «Сказание о Железных вратех», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, повести об Азове, «Хожение купца Федота Котова в Персию», «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» и т.д. К анализу привлечен текст азербайджанского народного эпоса «Книга отца нашего Коркута», тематическая и типологическая близость которого со «Словом» не вызывает сомнений.

Цель настоящей работы - комплексное исследование тюркской тематики в русских литературных памятниках X-XVII вв. Особое внимание обращено на выявление синтеза славяно (русско)-тюркских духовных и культурных ценностей, на анализ художественных мотивов, сюжетов, тем и идей древнерусской литературы, обнаруживающих тюркское влияние, а также типологическую общность образов восточнославянского и тюркского эпосов, на освещение славяно-тюркских контактов на отдельных этапах развития литературы, периодизацию и систематизацию древнерусских произведений на тюркскую тему, на реконструкцию представлений о тюркских народах, сформировавшихся на материале литературных памятников Древней Руси.

Для достижения этой цели нами поставлены задачи:

- проследить раннюю историю славяно (русско)-тюркских контактов, выявить характер и степень отражения обсуждаемой темы в древнерусских летописях и других жанрах;

- обнаружить тематическую и типологическую общность в средневековом русском и тюркском эпосах, в мировоззрении и идеях, характеристике героев древнерусского литературного памятника «Слово о полку Игореве» и азербайджанского дастана «Книга отца нашего Коркута»;

- проанализировать литературные памятники Древней Руси «дополовецкого», «половецкого», «монголо-татарского» и «турецкого» периодов в целях выявления художественных особенностей и идейно-тематического своеобразия произведений каждой из указанных эпох;

- дать оценку военно-политическому, религиозному противостоянию Древней Руси и Великой Степи, его освещению в русских летописях, многочисленных исторических, воинских и житийных повестях XIV-XVII вв.;

- сгруппировать и систематизировать данные русской, советской и зарубежной историографии и литературоведения для создания полной и ясной картины взаимоотношений народов Древней Руси и Великой Степи;

- выявить место и значение восточных тем, мотивов, приемов, образов и сюжетов в обогащении древнерусской литературы, а также роль тюркского посредничества в переводе на русский язык шедевров восточных литератур;

- оценить трактовку средневековой истории славяно-тюркских контактов современной русской критикой и публицистикой, выявить позицию официальной науки и новейших исследований по обсуждаемым вопросам;

- прийти к объективным и научно обоснованным выводам о роли и месте тюркского фактора в исторических судьбах России, обосновать необходимость пересмотра позиций академической науки о роли и значении тюркских народов в развитии, формировании и обогащении древнерусской культуры и литературы;

- определить роль и значение древнерусских литературных памятников в выдвижении евразийских идей, в формировании евразийства как научно-теоретической школы, а также в создании евразийской концепции русской истории.

В книге предложена новая теоретическая и историко-литературная концепция рассмотрения тюркской тематики в литературе Древней Руси, заключающаяся в целостном охвате и систематизации славяно-тюркских контактов X-XVII вв., в научной обоснованности и осмыслении периодизации («дополовецкий», «половецкий», «монголо-татарский» и «турецкий») этих связей, в выявлении особенностей освещения тюркской тематики на разных этапах истории развития древнерусской литературы, а также идейно-тематического и жанрово-стилистического своеобразия отдельных произведений в жанре летописей, воинской, исторической, посольской повестей, хождений и др.

При исследовании поставленной проблемы основным руководством и ориентиром послужили классические работы известных русских историографов, языковедов, литераторов и культурологов, книги и статьи азербайджанских ученых по теме, труды зарубежных исследователей, в том числе русских, украинских и белорусских ученых-эмигрантов. В настоящей работе преобладает сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов, широкая полемичность в решении поднятых проблем и критическое отношение к имеющейся научной литературе по теме исследования. В книге широко применялся метод интерпретации отдельных литературных образцов Древней Руси при помощи герменевтического анализа текстов.

ГЛАВА I

РАНЯЯ ИСТОРИЯ КОНТАКТОВ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Изучение исторического прошлого и культурного наследия Древней Руси и Великой Степи придает особую значимость исследованию литературных памятников X-XII вв., являющихся едва ли не единственным источником отображения сложных и противоречивых контактов древних русов-славян с сопредельными народами, в том числе тюркскими. Об этих связях повествовали не только русские летописи, повести и произведения, трансплантированные с греческого и болгарского языков, но и восточные источники, западно- и восточноевропейские средневековые памятники. Характерной чертой большинства первоисточников по истории и культуре Древней Руси явилось изображение и представление ее тюркского населения неотъемлемой частью древнерусского общества. Как свидетельствуют памятники, сопредельные с Киевской Русью тюркские этнические группы и их государственные образования в силу обстоятельств, выполняя свою историческую миссию, невольно превращались в союзников русских князей. Постепенная ассимиляция тюркских племен и этносов привела к их вассальной зависимости от русских князей, расширению Киевской Руси в направлении южных и восточных пространств Великой Степи. Обширные территории между Доном и Днепром, на побережьях Черного и Азовского морей, бывшие земли Хазарского Каганата и Волжской

Булгарии с их народонаселением, материальными и духовными ценностями местных народов, огромным экономическим и культурным потенциалом регионов отошли к Киевской Руси.

«Человеческое общежитие, - пишет В.О. Ключевский, - выражается в разнообразных людских союзах, которые могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, - словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы» (106, с. 14). Так называемые «исторические тела», под которыми подразумеваются народы и этносы, переходя «один в другой», служили всему человечеству, развитию и формированию мировой цивилизации. Вряд ли кто-то осмелится противопоставить значение римской и византийской культурной миссии исторической роли кочевнических орд в Великом переселении народов. То же самое следует сказать о культурном влиянии Византии и Болгарии, о военно-политическом присутствии и воинском искусстве тюркских народов, сыгравших решающую роль в дальнейших судьбах Древней Руси. Наши рассуждения об историко-культурном процессе и общественно-политической обстановке в Древней Руси невозможно вести вне истории и жизни тех народов, которые вместе с ней пережили одни и те же исторические события. Прослеживая литературу о происхождении славян, об их культурных памятниках, невольно поражаешься тому, как тесно переплетены и взаимосвязаны народы Древней Руси и Великой Степи, их нравы, обычаи, материальные и духовные ценности. Русский писатель и историограф Н.М.Карамзин, перечисляя народы, заселявшие Древнюю Русь, при этом, недооценивая их культурную и духовную заслугу перед своим отечеством, отмечал:

«Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками» (101, с. 31). Клеймя народы Древней Руси (преимущественно тюркские) «дикими», историограф в угоду имперской политике, по сути перечеркивал тот пестрый исторический процесс, без которого немыслима сегодня многовековая русская история, культура и духовность. Десятилетиями велись неустанные исследования и поиски тюркологами-языковедами, историками-славяноведами, археологами и этнографами, в результате которых сформировалось другое мнение об исторической роли тюркских народов в военно-политической и культурно-экономической жизни древнерусского общества. Причину ложных представлений о древнерусской литературе евразиец Н.С.Трубецкой видел в том, что ее сравнивают с европейской культурой и судят о ней с этих позиций: «Реформы Петра Великого создали пропасть между допетровской и послепетровской Россией, и новые поколения, пришедшие после Петра, смотрели на все дореформенное как на варварское, примитивное и малоценное» (251, с. 544).

Основными источниками знаний об образе жизни, о духовности и мировоззрении древнерусского человека, о социальном облике славян, об их борьбе и сношениях с соседними народами и странами послужили летописи, литературные памятники различных жанров. Ученые, ставившие перед собой задачу изучения русской истории с древнейших времен, опирались на летописание X-XII вв., т.е. на «Повесть временных лет». В то же время они исходили из позиций римских и византийских хроник и летописей, сочинений Иордана, Тацита, Приска,

Прокопия, Маврикия, Константина Багрянородного, Александры Комниной и других авторитетных источников, где содержались первые сведения и о таких славянских племенах, как скловены, анты, венеды и другие. Прослеживая историческую панораму Древней Руси со второй половины IX - начала XII веков преимущественно по «Повести временных лет», русская историческая и литературоведческая наука свои наблюдения о дальнейшей судьбе восточных славян вела на материале древнерусских произведений последующих этапов. Не были обойдены вниманием факты исторических связей и отношений Древней Руси и Великой Степи, впоследствии оказавшихся в составе Московской Руси, потом же Российской империи. В специальных исследованиях не отрицается роль тюркских народов и этносов в формировании русского суперэтноса, в развитии древнерусского общества. Однако при рассмотрении этих исторических, военно-политических, культурных и человеческих контактов исследователи сгущают краски, в результате чего перед современным читателем возникает образ врага. Отметим, что некоторые современные исследователи, такие, как А.С.Демин, Л.Н.Гумилев, И.Б.Орлова и другие (63, 53, 166) отходят от официальной позиции русской историко-филологической мысли.

Сложность и пестрота исторических взаимоотношений славянских и тюркских народов Древней Руси, военно-политической обстановки в эпоху татарского ига и русско-турецкого военно-дипломатического и религиозного противостояния, а также неудовлетворительные способы описания этих и других многообразных контактов русскими историками привели нас к попытке периодизации исторических и культурных связей этих народов. В целях систематизации литературных памятников

Древней Руси, выявляющих тюркскую тематику на разных этапах развития русской литературы, к историко-литературному анализу нами привлечены отдельные произведения X-XVII веков.

Данная периодизация исторических связей во многом совпадает с периодизацией развития древнерусской литературы, предложенной акад. Д.С.Лихачевым (96, с. 7-8), что вполне объяснимо, так как «литературные изменения в основном совпадают с историческими» (96, с.7-8). В наших работах (66) выделяются и комментируются дополовецкий (IX-XI вв.), половецкий (XI - начало XIII в.), татарский (XIII-XV вв.) и турецкий периоды (XV-XVII вв.) славяно-тюркских контактов.

Научное исследование предшествовавших «Слову о полку Игореве» русских летописных сочинений способствует выявлению истинной роли гуннов, авар, угров, хазар, булгар, узов (торков), печенегов и других представителей степного суперэтноса в создании и утверждении материальных и культурных ценностей, религиозных и государственных символов и традиций древних русов-славян. Исходя из текста «Повести временных лет» и данной в ней хронологии событий, с учетом данных римских и византийских источников, а также русской историографии и фундаментальных исследований русских ученых (16, 21, 36, 60, 64, 89, 147, 148, 202, 214, 230, 238, 264, 274), нам удалось выделить в качестве самостоятельного этапа древнейший - дополовецкий - период русско-тюркских контактов. Основными силами данного этапа выступали перечисленные выше тюркские народы, которые, активно ассимилируясь со славянскими племенами и становясь частью древнерусского общества, стояли у истоков создания единой и своеобразной евразийской культуры. Наличие целого ряда общих черт дополовецкого и поло-

вецкого периодов позволяет рассмотреть эти два периода в их тесном единстве. Основным объектом изучения является один и тот же источник - «Повесть временных лет», вобравший в себя исторические факты, предания и сказания о более ранних событиях древнерусской жизни.

1.1. Тюркские элементы в «Повести временных лет»

Становление русской литературы в конце X-начале XI века связано с «Повестью временных лет», которой предшествовали другие летописные своды. Придав начальной летописи идейно-тематическую законченность и назвав ее «Повестью временных лет», летописец Нестор совершил великое чудо. Древняя Русь, еще совсем недавно в связи с определенными событиями исторического и культурного характера не владеющая письменностью, получила возможность зафиксировать свое прошлое, начав оттуда, «откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть» (176, с. 22). Являясь своеобразной исторической энциклопедией Древней Руси, «Повесть временных лет» вобрала в себя все основные события и факты жизни русов-славян, а также их сложные и неоднозначные отношения с народами Великой Степи, принимавшими самое активное участие в политических и военных делах русских князей.

Как известно, первая редакция «Повести временных лет» до нас не дошла. Вторая ее редакция, составленная игуменом Сильвестром в 1117 году и подвергшаяся незначительной обработке, сохранилась в составе Лаврентьевской летописи 1377 года, а также в других более поздних летописных сводах. Текст этой редакции публикуется в

Памятниках литературы Древней Руси (176) и рассматривается нами в данном разделе. Вместе с тем, реальность и достоверность фактов и событий, касающихся совместной исторической судьбы народов Древней Руси, не совсем адекватны данным новейших исследований по этому вопросу. Представленная вниманию современного читателя редакция «Повести временных лет» (Радзивиловский список) была обнаружена лишь при Петре Великом и подвержена ощутимой переделке, что от подлинного древнерусского памятника мало что дошло до наших дней. В процессе переписывания были «сглажены» многие исторические моменты и факты, указывающие на тесную связь Древней Руси с Великой Степью (161). Эти и другие новейшие исследования по истории Древней Руси, увидевшие свет в московских издательствах (4, 53), убеждают нас в фальсификации тюркских элементов «Повести временных лет» и целого ряда литературных памятников X-XVII веков. Возникает все больше и больше аргументов и фактов в пользу мнения о целенаправленном сглаживании и стирании следов степной культуры и отрицания ее влияния в русских летописях и повестях. Искажение первоначальных текстов в результате переписываний и переделок XVI-XVII веков, может быть даже более раннего периода, привели к немотивированным и непонятным эпизодам и сюжетам, что осложняет прочтение тех или иных событий, понимание исторической сути взаимоотношений древних этносов, заселявших Древнюю Русь и Великую Степь. Переписчики «Повести временных лет» всячески старались «утопить» в обширном художественном полотне летописи тюркское присутствие или придать отношениям русских князей с хазарами, аварами, торками, гузами, печенегами и половцами эпизодический характер. Но это им не удалось, ибо ис-

ключение из летописи всех тюркских элементов означало бы уничтожение собственно истории Древней Руси, тесно сплетенной с народами Великой Степи. В связи с этим следует обратить внимание на дискуссии тех ученых-историков, которые стояли у истоков создания официального мнения об истории Древней Руси, о роли других народов в формировании восточных славян. В «Курсе русской истории» В.О.Ключевский приводит два взгляда на начало русской истории. Автором первого взгляда являлся знаменитый немецкий исследователь Шлёцер, чье мнение в дальнейшем разделяли Карамзин, Погодин и Соловьев. Критически относясь к мнению Шлёцера о том, что до половины IX в., т.е., до прихода варягов на территории Древней Руси, «все было дико и пусто, покрыто мраком...» и «в эту обширную пустыню, заселенную бедными, разбросанно жившими дикарями, славянами и финнами, начатки гражданственности впервые были занесены пришельцами из Скандинавии варягами около половины IX в.», В.О.Ключевский недоумевает и по поводу противоположного мнения. Профессора Московского Университета Беляев и Забелин, анализируя процесс формирования единого общерусского союза до прихода варягов, рассматривают начальную историю Древней Руси «вне времени и исторических условий» (106, с.104). Оспаривая и вторую точку зрения, В.О.Ключевский, на наш взгляд, имел в виду величайшие события раннего Средневековья - натиск алтаеязычных народов, а также историческую миссию сменивших друг друга Гуннской, Аварской, Хазарской и Булгарской империй. Названные русские историки, отмечая господство то одного, то другого кочевого народа в обширном пространстве древнерусских степей, своими выводами отрывались от почвы, на которую сами же опирались. Порой их заключения не

исходили из текста «Повести временных лет». Обратимся к древнейшему летописанию: «Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣх кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма» (176, с. 34-36). Если русские историки признают историческую роль пришельцев из Скандинавии, то предается забвению другая миссия хазар, которые не только брали дань с большей части славянских племен, но и покровительствовали им, создавая единое торгово-экономическое и военно-административное пространство с перечисленными народами.

Как следует из летописи, варяги взымали дань со славян еще до 862 года, пока они не были изгнаны последними за море. Но изгнав варягов, славянские племена стали воевать друг с другом и вынуждены были обратиться к тем, чьими данниками они до сих пор являлись и кто у них прежде наводил порядок. Далекие от границ Хазарского каганата северные славянские земли и их население - чудь, славяне, кривичи и весь, которые, не имея особого военного искусства и опыта государственности, - искали спасение в близких соседях - варягах, блиставших тогда своими походами и военной мощью: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами» (176, с.36). Русскими историками умалчивается роль хазар в исторической судьбе других славянских этносов, упомянутых в «Повести временных лет»: полян, северян, вятичей, радимичей и других. Утверждение о малоразработанности вопроса о русско-хазарских отношениях в IX-X вв. справедливо звучит и по сей день (274). Так как сами русы-славяне и многие из перечисленных в летописи народов были подвластны Хазарскому кагану и их будущие контакты с Русью зависе-

ли от военно-политической и экономической ситуации в каганате, скудность сообщений об этом в «Повести временных л Святославъ козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю взя. Иет» вызывает удивление: «В лѣто 6473 (965) иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ ясы побѣди и касогы» (176, с. 78).

Опираясь на сведения арабских, персидских и византийских авторов ал-Масуди, Марвази, Ибн Русте, Ибн Фадлан, Гардизи, Константина Багрянородного и др., А.Ю.Якубовский приводит веские доказательства в пользу связей русов-славян со Степью и Кавказом, большая часть территорий которых находилась под контролем Хазарского каганата. «На юго-западе в состав хазарских владений входила большая часть Крыма, так называемые хазарские климаты, а также Керченский пролив; в степях между Доном и Днепром кочевали мадьяры, против которых и выстроена была хазарами в 835 г. крепость Саркел на левом берегу Дона (Цымлянское). На восток, в степях Азии, между Яиком и Эмбой, кочевали печенеги, а за ними находились огузы (в арабской транскрипции гузы). На север от хазар в районе Волжской равнины - буртасы, а еще выше - болгары», - пишет историк (274, с. 461). Сопоставляя сообщения «Повести временных лет», а также Ибн Хаукаль по поводу известного похода Святослава, А.Ю.Якубовский определил его маршрут так: «1) поражение хазар на Дону и взятие Белой Вежи (Саркел); 2) выход Святослава на Волгу - разгром Итиля и Болгар, а заодно и области, занятой буртасами; 3) поход Святослава против аланов и черкесов и 4) разгром богатого города Семендера» (274, с. 471). Предпринята также попытка восстановить определенные пробелы и пропуски в тексте «Повести временных лет». Исследователя удивляет и тот

факт, что «Повестью временных лет» умалчиваются походы русов-славян на южные берега Каспийского моря в 913-914 и 943-944 гг. К сожалению, русская летопись не обнаруживает сведений и о походе на азербайджанский город Барду, который так широко освещен восточными источниками.

Наверняка, прав сегодня выдающийся итальянский славист Риккардо Пиккио, указывающий на давно утвердившееся мнение о том, что «при всем своем художественном единстве «Повесть временных лет» представляет собой сборник, или «корпус» (по-русски - «свод») следовавших друг за другом компиляций», что «от ядра отпочковывались новые тексты, наслаиваясь на первоначальный и постепенно образуя повествовательные блоки, отвечающие требованиям историографии в каждый специфический момент культурной и политической жизни Руси» (174, с. 77). Нет сомнения, что создаваемые Никоном, Иларионом, Нестором, Сильвестром и другими первоначальными книжниками редакции «Повести временных лет» при создании «новых текстов», отвечающих требованиям идеологов русской православной церкви, либо авторов нормандского происхождения Руси, либо западников, подверглись сокращениям и изъятию отдельных эпизодов.

Не случайно, что еще в ранних исследованиях, посвященных истории взаимоотношений тюркских народов со славянскими, их местопребыванию, нравам и обычаям, отмечалась неполная достоверность сведений, представленных в «Повести временных лет»: «Так как мы имеем только неполные извлечения из Нестора, то и не можем положиться на него...» (238, с. 10).

Некоторые сокращения, эпизодичность сообщений, необоснованные повторения и другие недочеты в тексте «Повести временных лет» дают основание для превра-

ного понимания и осмысления истории Древней Руси в рамках данного источника. Соседство тюркских народов с русами-славянами истолковывается как «выход нечистых народов» и «наказание за грехи». «Уподобление половцев измаильтянам дало основание говорить, что бедствия, которые принесли с собой половцы-измаильтяне, - это божья кара, ибо явление нечистых народов, согласно апокрифу, происходит по воле Бога, в наказание за грехи и в ознаменование последних времен» (150, с. 25). Отсюда следует, что так называемые «наследники Агари и ее сына Измаила» («измаильтяне»), к которым причисляет древнейшая летопись печенегов, торков, гузов, куман, половцев и др., присутствуют в «Повести временных лет» лишь ради вышеупомянутой «смыслозначимой идеи» (150, с. 26). Ход же событий в летописи доказывает другое.

Составитель «Повести временных лет» Нестор, упоминая события 898 года, указывает, что угры, шедшие мимо Киева, «...наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ словѣны, покорившe я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплѣниша землю Фрачьску и Македоньску доже и до Селуня....» (176, с.40). Из данного эпизода вытекает, что южная Русь после хазар переходит в руки угров, а те в свою очередь, «покорив их себе», включают в свои военные походы, вместе с ними воюют против Византии. Эти сведения из «Повести временных лет» не совсем обоснованны, так как угры и булгары еще в V веке завладели южнорусскими степями, включая Киев. В этом смысле любопытны заметки Н.М.Карамзина, сделанные на основе византийских хроник: «Угры и болгары, по сказанию Греков, единоплеменные с Гуннами, и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где

еще обитали некоторые Готфы, принявшие Веру христианскую), и с 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия Константинопольские» (101, с. 40).

Более четырех столетий отделяют друг от друга эти два похода угров. Мы попытаемся предположить следующую версию. Во-первых, угры и булгары, долгое время притесняемые хазарами к Уральским горам, после их ослабления могли продвигаться по маршруту, известному их предкам. В этом случае сообщение «Повести временных лет» не вызвало бы никакого сомнения. Во-вторых, имея в виду факт заимствования ряда многих исторических событий и преданий из византийских хроник, легко объяснить эпизодичность этого сообщения. Так или иначе, заметно стремление автора летописи подчеркнуть пребывание в IX веке многих славянских племен под властью кочевников.

Рассмотрение дальнейшего хода событий в «Повести временных лет» дает возможность утверждать, что Южная Русь и населявшие ее славяне еще долго находились под влиянием угров, булгар и печенегов. Наняв печенегов, князь Игорь совершил свой знаменитый поход на Царьград. Будучи в мире с уграми и печенегами и, действуя вместе с ними, варяг Игорь сумел умело использовать подвластные ему славянские племена. Если в VI веке славяне шли на Империю с уграми, булгарами и антами, то в IX - начале X века они действовали под предводительством призванных из-за моря варягов, хитростью загубивших киевских князей Аскольда и Дира. Убийство князя Игоря древлянами, его сына, князя Святослава, печенегами носило политический характер, так как неутомимые в походах и преуспевающие в сборе дани русские князья нарушали условия мирного сосуществования со степняками, стали действовать более самостоятельно, угрожая

их интересам. Датский историограф, автор статьи о печенегах, написанной в 1766 году и переведенной в 1843 году на русский язык, рассказывая о могуществе и нравах этого воинственного народа, ссылается на императора Константина, как на наилучшего и почти единственного знатока печенегов: «Они граничат и с руссами, и часто вторгаются в Русь, и причиняют в ней ужасный вред, если Руссы не хранят мира с ними. Почему Руссы стараются теперь иметь с ними мир; ибо они покупают у них быков, лошадей и овец, потому что такого скота нет в России... Сверх сего Руссы не могут вести войны с чужеземными народами, не имея мира с Пацинаками... Руссы стараются всеми силами иметь его с собою в своих войнах. Руссы не могут так же ездить в Константинополь как для войны, так и для торговли, не имея с ними мира...» (238, с.16-17).

Почувствовав угрозу своему влиянию на славянские племена, печенеги, а чуть позже половцы развернули повсеместные походы на русские княжества. Разошлись интересы печенежских орд и славянских племен, руководимых варягами. Стали делить степь и обозначать границы. В представлении древнерусских авторов границей между русскими и половецкими землями выступает река Дон, что четко выражено в «Слове о полку Игореве»: «... рече Игорь къ дружинѣ своей: ... всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону» или же «быти грому великому, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго» (о половецкой угрозе) (227, с. 4-5). При всем этом печенеги, торки, половцы продолжают традиционные родственные связи с русскими князьями, служат у них, совершают совместные походы. Но чем дальше, тем хуже становятся эти взаимоотношения, а с усилением власти великого киевского князя печенеги и половцы вытесняются из Степи, некогда славившиеся орды оставляют свои юрты, отходят

к своей прародине или же к берегам Азовского и Черного морей, а часть из них, спасаясь от полного уничтожения, двигается в сторону северных границ Византии или же в центр Восточной Европы. Оставшиеся в степях печенеги, торки и половцы подвергаются ассимиляции. Наши наблюдения опираются на текст «Повести временных лет», где, к счастью, все еще возможно обнаружить историческую последовательность противоречивых взаимоотношений русов-восточных славян и тюркских народов.

Первое появление печенегов на Русской земле летопись относит к 915 году: «В лѣто 6423. Приидоша печенѣзи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю...» (176, с.56). Последующее сообщение о печенегах повествует о союзнических отношениях Игоря с печенегами, когда в 944 году, идя на греков, русский князь нанимает их. В дальнейшем рассказывается об осаде печенегами Переяславля (968 г.), Белгорода (997 г.), Киева (1036 г.). При описании событий 968 года летописец повторяется: «Приидоша печенѣзи на Руску землю первое... И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ...» (176, с.78).

Несколько раз повторяющееся замечание летописца: «Приидоша печенѣзи на Руску землю первое...» позволяет нам предположить более ранние контакты русов-славян и печенегов, которые, освещались, наверно, в недошедших до нас страницах «Повести временных лет».

Начиная с 915 по 1054 год, летопись повсеместно сообщает о печенегах. Кроме осад русских поселений, особый интерес представляют эпизоды, в которых рассказывается о печенежской помощи отдельным русским князьям и о том, как те, привлекая печенегов на свою сторону, с их помощью нередко решали княжеские ссоры. Обратимся к сведению 1018 и 1019 годов: «...И поиде Ярославъ на Свято-

полка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы...»; «Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и изыде противу ему на Льто» (176, с.158).

Побежденные русскими князьями печенеги и торки к середине XI века уже не представляли собой большой опасности.

В 1054 году, когда Всеволод пошел на торков и победил их, сообщается о другом важном событии, связанном с приходом половцев, с которыми был заключен мир, после чего и те возвратились «назад, откуда пришли». Хотя о происхождении половцев, об их родственности с печенегами летопись не повествует, заметна та же манера описания поведения, образа жизни и военного искусства новых пришельцев, что обнаруживалось в рассказах о печенегах. Однако половцы преподносятся несколько иначе: «В лѣто 6569. Придоша половци первое на Русьскую землю воеватъ; Всеволодъ же изиде противу имъ мѣсяца февраля въ 2 день. И бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных врагъ...» (176, с.176). Половцев обзывают «... безбожными врагами», на них сваливают всю вину князя Олега, который находясь во вражде с князем Владимиром, «в третий раз навел ... поганых на землю Русскую». Текст «Повести временных лет» начинает приобретать религиозную окраску. И это объясняется тем, что во время княжения Владимира Русь приняла христианство; тем или иным событиям летописцы стали придавать религиозное значение.

В летописи представлены обильные сведения о торках (гузах), об их тесных связях с русскими князьями. В «Повести временных лет» сообщается о союзе сына Святослава - Владимира с торками (гузами) в 985 году, об их совместном походе на булгар. Удару войск Владимира и

торков были подвержены также и хазары. Для уточнения названия данного тюркского этноса (торков) отметим, что в некоторых эпизодах летописи и других древнерусских источниках торки сначала назывались гузами (огузами - Т.Дж.). Так как источники знали о тюркском происхождении печенегов и торков, первых называли «тюркскими печенегами», а вторых - тюрками (торками) (175, с.10). Те же торки, способствовавшие русским князьям в ослаблении сильных и богатых Волжской Булгарии и Хазарского каганата, еще долгое время продолжавшие с Русью сношения, в 1060 году были побеждены и отогнаны в степь сыновьями Ярослава - Изяславом, Святославом и Всеволодом: «...торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомъ ини же моромь и судомь божьимъ. Тако богъ избави хрестьяны от поганыхъ» (176, с.176). Использование одних кочевников против других было характерно для политики русских князей. В таком случае они чаще и больше всего прибегали к помощи торков, известных в летописи и под названием «черные клобуки». По справедливому замечанию В.Т.Пашуто, прикрыв Русь кольцом военных поселений тюркских конфедератов - черных клобуков, киевские князья противопоставили их натиску другие кочевые народы, в первую очередь половцев (172, с.107).

Известно, что торки не исчезли с лица земли. Они вместе с определенной частью печенежских орд попали в мощное движение Сельджукидов. Любопытно замечание исследователя С.А.Плетневой, угадавшей истинную цель торков и примкнувших к ним печенегов, для которых важнее всего было объединиться с основным потоком огузских племен: «С русскими дружинами торки старались не сталкиваться: во-первых, потому, что русские

земли лежали в стороне от их пути (они шли по степям); во-вторых, торкам выгодно было добрососедство, так как они берегли силы для войн с империей» (175, с.24). Но связь торков с Русью не затерялась. Оставшиеся в степях торки вместе с печенегами перешли «на службу к русским князьям, за которую им были выделены земли для кочевок на пограничных со степью землях» (175, с.25).

При всем этом во взаимоотношениях русских князей и половецких ханов просматриваются эпизоды, характерные для родственных связей самих князей. Традиционные родственные связи русских князей с печенегами распространяются и на половцев. В 1094 году, сотворив мир с половцами, Святополк взял в жены дочь половецкого хана Тугоркана. Вслед за этим летопись сообщает о событиях 1095 года, когда князья Святополк и Владимир предательски умертвили пришедших к ним мириться ханов Кытана и Итларя. А в 1096 году Боняк и Тугоркан напали на Киев и Переяславль. Княжеские распри и споры между Владимиром, Святополком и Олегом, ослепление требовольского князя Василька Святополком после съезда в Любече также происходят на фоне русско-половецкого противостояния. Летописец, будучи свидетелем и тех и других событий, призывает воздержаться от злых дел. А половецкая угроза, существовавшая более чем два века, выступает стержнем объединения и мотивом примирения враждебных друг другу русских князей. Владимир, огорченный ослеплением Василька, обращается к Давыду и Олегу Святославичам со словами: «...да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земьли и в насъ, в братьи, оже ввержень в ны ножь. Да аще сего не правимь, то болшее зло встанет в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую» (176, с.254).

Вместе с тем в самый разгар русско-половецкого противостояния, к концу XI века летопись обнаруживает совместные походы русских князей и половецких ханов на поляков и венгров. После возвращения из Польши Давыд направляется в Половецкую землю и просит Боняка вместе пойти на венгров. Это одна из самых верных сцен описания тактики боя и разведки половцев, их стремительного нападения на врагов. Нам думается, что подобных описаний половцев и их совместных удачных походов с русскими князьями в тексте данной воинской повести было достаточно много. Переписывания летописей, а порой умышленное вытеснение из них тюркских, в частности, половецких мотивов лишили нас важных сведений о военном искусстве половцев. Чтобы проверить это, следует полностью привести следующий эпизод из «Повести временных лет»: «...Давыдъ бо в то чинь пришедъ из Ляховъ и посади жену свою у Володаря, а сам иде в Половцѣ. И устрѣте и Бонякъ, и воротися Давыдъ, и поидоста на угры. Идущема же има, сташа ночлѣгу, и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха от вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Бонякъ же приѣхавъ повѣда Давыдови; яко «Побѣда ны есть на угры заутра» И наутрия Бонякъ исполчи вои своѣ, и бысть Давыдовъ вой 100, а у самого 300; и раздѣли я на 3 полкы, и поиде къ угром. И пусти на воропъ Алтунапу въ 50 чади, а Давыда постави подъ стягом, а самъ раздѣлися на две части, по 50 на сторонѣ. Угри же исполчишася на заступы, бѣ бо угръ числом 100 тысящь. Алтунопа же пригна къ 1-му заступу, и стрѣливше побѣгнуша предъ угры, угри же погнаша по них. Яко бѣжаще минуша Боняка, и Бонякъ погнаше сѣка в тылъ, а Алтунопа възвратяшеться вспять, и не допустяху угръ опять, и тако множицею убивая, сбиша ѣ в мячь. Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ...» (176, с.263).

Ознакомившись с данным отрывком текста «Повести временных лет», начинаешь сомневаться во враждебных отношениях русских князей и половецких ханов, пристрастно освещенных во многих эпизодах данной летописи. Отрывок этот напоминает нам также текст «Слова о полку Игореве». Если «Слово о полку Игореве», обнаруженное лишь в конце XVIII в., избежало излишних переделок, и будучи художественным произведением, благодаря метафоричности и изящности своего языка, мастерству автора сохранило свое своеобразие, то совершенно другая участь постигла летописные источники, в том числе и «Повесть временных лет». Удивительно, что приведенный нами отрывок уцелел и дошел до нашего времени.

В этом эпизоде внимание привлекает еще два существенных момента. Во-первых, нападение на венгров и ведение боя осуществляются под начальством не русского князя, а великого стратега, половецкого хана Боняка, выставившего против стотысячного венгерского войска несколько сотен воинов. Во-вторых, поражает читателя детальное описание хода боя, в котором, несомненно, участвовал сам летописец, или же пересказал все со слов очевидцев.

Анализируя истоки жанра воинской повести в древнерусской литературе, исследователь Н.В.Трофимова считает, что «Повесть временных лет» «представляет первый этап формирования воинского повествования в двух его разновидностях: погодной записи батального содержания и воинской повести» (250, с.37). Подобные приведенному выше описанию эпизоды из воинских повестей Н.В.Трофимова называет «реально-историческим типом воинских повествований» (250, с.36-67). Множество воинских повестей с развернутым сюжетом повествования о

походах русских князей на половцев и набегах половцев на русские земли относится ею к междоусобным битвам князей.

Говоря об этом эпизоде из «Повести временных лет», необходимо подчеркнуть, что рассказ о Боняке и совместном походе половцев и русского князя Давыда на венгров - это яркий образец высокой художественности текста памятника и метафоричности мыслей его автора. В нем обнаруживаются присущие фольклору антропоморфизм и предсказание, здесь мы находим образное оформление развития сюжета, пестрящего как сравнениями «во множестве избивая их, сбили их в мяч», «сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок», так и воинскими формулами и выражениями «исполчил воинов своих», «разделил их на три полка и пошел на венгров», «исполчились в несколько рядов», «рубя с тыла», «погнались за ним» и др.

Русские князья хорошо осознавали необходимость примирения с половцами до тех пор, пока не было достигнуто единение между отдельными княжествами. Только сообща и с согласия всех русских князей было возможно одолеть и вытеснить половцев. В свою очередь половцы предощущали надвигавшуюся угрозу и также просили мира. В 1101 году братья Святополк, Владимир, Давыд, Олег и Ярослав собрались на Золотче. На просьбу половецких ханов о заключении мира они ответили так: «Да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова» и створиша миръ с половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день и разидошася разно» (176, с.266).

Однако через два года, в 1103 году русские князья нарушили условия мирного соглашения и по инициативе князя Владимира задумали поход на половцев. Половцы не были готовы к этому походу, и русские князья застали их врасплох: было убито двадцать половецких

ханов, многие были взяты в плен. После такого сокрушительного удара со стороны князей некоторые русские города и поселения подверглись натискам Боняка и старого Шарукана. Походы то одной, то другой стороны описываются летописцем на протяжении всей «Повести временных лет». После одного из очередных перемирий в 1107 году Владимир взял за Юрия Аепину дочь, а Олег за своего сына - дочь другого половецкого хана, Гиргеневу внучку. «Со своей стороны князья считали половецкое поле самим богом предназначенным служить источником разнообразного дохода, ради этого они легко нарушали русско-половецкие союзы, заключенные ими самими или их политическими противниками по борьбе за гегемонию на Руси...», - справедливо отмечает исследователь В.Т.Пашуто (172, с.98-99).

Исторический ход событий доказал, что ослабление половцев, включая печенежские и торческие орды, также гонимые русскими князьями, имело отрицательные последствия для дальнейшей судьбы Древней Руси. Половцы, заслонившие собой южные границы Киевской Руси, будучи дезорганизованными, не смогли послужить щитом перед монголо-татарским нашествием. Разрозненные действия князей, их ошибочная степная политика лишили Древнюю Русь половецкой поддержки. В результате чего половцы и другие степняки превратились в союзников родственно близких им пришельцев, монголо-татар.

Немало противоречивых и эпизодических сообщений о тюркских этносах обнаруживается в византийских и древнеболгарских хрониках, арабских, персидских и других источниках. Преднамеренная попытка представить степняков под разными именами приводит к смещению событий и неправильной оценке роли заключенных с Русью военных союзов. Та же тенденция присуща летописным описаниям, трактовке и толкованию этих

текстов такими историками, как Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский и другими. Необходимо отметить, что объективный анализ Л.Н.Гумилевым этногенеза народов Древней Руси и Великой Степи, их этнических контактов, археологические и этнографические наблюдения С.А.Плетневой о печенегах и половцах, куманах и кимаках, в последние десятилетия ставшие достоянием широкого круга читателей, изменили картину восприятия сложнейших историко-политических событий IX-XII веков. Если исходить из позиции С.А.Плетневой о том, что «... куманы, половцы и группы вливавшихся в их орды печенегов, гузов, болгар и других этносов постоянно перемешивались друг с другом, ходили в общие походы, заключали общие миры и, естественно, были неотличимы для постороннего, еще мало привыкшего к ним взгляда современника» (175, с.44), то можно понять всю сложность оценки и восприятия тогдашних взаимоотношений и передвижений народов Древней Руси и Великой Степи.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует подчеркнуть, что изучение исторического прошлого и культурного наследия народов Древней Руси и Великой Степи невозможно проводить без уважительного отношения к каждому из народов и этносов, в течение нескольких столетий общими усилиями создававших величайшую историю и культуру Евразии. Несомненно, что местное славянское население (русы-восточные славяне) веками испытывало влияние скифской, гуннской и аварской цивилизаций. По мнению Л.Н.Гумилева, после нападения аваров на антов-восточных славян в 602 году «исчезло славянское единство, потому что обры отделили южных, балканских славян от ее северных, или прибалтийских, - венедов. Остатки антов, по-славянски полян, объединились с этносом русов... Слияние полян

и русов в единый этнос осуществилось лишь в X в., что проявлялось в образовании государства, называемого в наше время «Русь в узком смысле», потому что оно не включало в себя большинство славянских племен Восточной Европы, завоеванных и покоренных позднее...» К такому заключению исследователь приходит, суммируя выводы Брайчевского, А.Н.Насонова, Б.А.Рыбакова, М.И.Артамонова (53, с.37).

Несомненно, что восточнославянские племена, обитавшие на северо-западных территориях Древней Руси, до призвания варягов-скандинавов сохраняли своеобразную культуру и вид занятий. Русы-восточные славяне стали противостоять другой части Древней Руси, также населенной славянскими народами, но окруженными Хазарским каганатом и Волжской Булгарией и тесно переплетенными с торческими, печенежскими, а чуть позже, половецкими ордами. При всем этом древнерусское государство оставалось славянским, унаследовав от русов название этноса и династию Рюриковичей. А гунны, авары, хазары, печенеги, торки и половцы, являясь союзниками древнерусского государства в разные времена, ограждали его от всевозможных угроз великих империй.

«Повесть временных лет» является своеобразным отражением исторических отношений восточнославянских и тюркских народов. Только объективный анализ событий прошлого послужит восстановлению логического хода исторических процессов, осознанию роли того или иного народа в создании нынешней цивилизации и существующего миропорядка. Отличие России от западноевропейских стран и народов исследователи видели в том, что «русская культура представляет из себя квинтэссенцию (основу) многих культур» (270, с.32). Эта мысль, выдвинутая турецкими учеными, совпадает

с высказыванием Д.С.Лихачева, косвенно признававшего и участие тюркских народов в создании самобытной культуры Древней Руси: «Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседей... чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее. Русской культуре (и литературе, разумеется) очень повезло. Она росла на широкой равнине, соединенной с Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее корни не только в собственной почве, но и в Византии, а через нее в античности, в славянском юго-востоке Европы (и прежде всего в Болгарии), в Скандинавии, в многонациональности государства Древней Руси,.. в тюркских народах» (137, с.111-112). Ярким свидетельством тому служит «Повесть временных лет». В «Слове о полку Игореве» же отображается синтетическая культура и духовность Древней Руси. Многовековые контакты и человеческие отношения восточных славян и тюрков так явственны и понятны, что легко обнаруживаются в параллелях между «Словом о полку Игореве» и величайшим тюркским (азербайджанским) памятником «Книга отца нашего Коркуда».

1.2. «Слово о полку Игореве» как русско-половецкий памятник. Тематическая и типологическая общность «Слова о полку Игореве» с «Книгой отца нашего Коркута»

Величайший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» вобрало в себя важные события целой эпохи в истории Древней Руси. В основе сюжета этого произведения лежит поход русского князя Игоря

на половцев. Осведомляя читателя об исторических фактах, о духе и настроении времени, неизвестный автор проливает свет на малознакомую историю народов Великой Степи, умело описывает некоторые стороны взаимоотношений Древней Руси со степняками. Не случайно многие исследователи подчеркивают, что «Слово о полку Игореве» - это общий памятник восточнославянских и тюркских народов, представляющий собой уникальный сплав культур и мировоззрений, языческих верований названных этносов.

Как известно, поход князя Игоря на половцев в 1185 году освещается в трех источниках - Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, а также в «Слове о полку Игореве». В отличие от «Слова о полку Игореве», являющемся высокохудожественным отражением русско-половецких отношений XII века, общественно-политической и духовной жизни древнерусского общества, указанные летописи содержат строго историческое описание трагического похода Игоря. На наш взгляд, изучение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей ставит перед исследователем задачу рассмотрения подробностей этого похода, обстоятельств и причин, вынудивших Игоря и близких ему князей пойти на Половецкую землю, выяснения сложных отношений, сложившихся между печенежскими ханами и русскими князьями. При такой постановке вопроса стоит выдвинуть на передний план социально-политические и экономические мотивы совершенного без ведома и согласия великого киевского князя Святослава и других князей крупномасштабного нападения на половцев, что вызывало серьезное противостояние Русской и Половецкой земель, доведя их отношения до предела. В этой связи предмет наших исследований и разысканий ограничится рассмотрением политической панорамы вокруг Поля и

взаимоотношений перечисленных ханов и русских князей, а также анализом и оценкой летописцами событий, предшествовавших походу Игоря. Летописные повести о походе князя Игоря оцениваются как продолжение рассказов «Повести временных лет», «Поучения Владимира Мономаха», «Киево-Печерского патерика» и др. о русско-половецких связях X-начала XII века. Для более глубокого постижения неудачного похода Игоря и трагической гибели его дружины, междуусобных отношений русских княжеств, для понимания сути русско-половецкого противостояния требуется осмысление этих вопросов с позиций самого князя Игоря: «Помянухъ азъ грехы своя перед господомь богомъ моим, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ город Глѣбовъ у Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьяни: отлучаеми отець от рожений своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружий своихъ, и дщери от материй своихъ... И та вся створивъ азъ, - рече Игорь, - не достойно ми бяшеть жити! И се нынѣ вижю отместье от господа бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи? гдѣ мужи храборьствующеи?.. И связана преда мя в рукы безаконьнымъ тѣмь. Се возда ми господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ господь, и прави суди его зѣло...» (90, с.356). В этой исповеди Игоря находим настоящую оценку действиям русских князей, которые стали «про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати» (226, с.378). Дележ Русской земли перекинулся за ее пределы и стал распространяться на территории союзников - печенежских ханов. Игорь и другие князья начали

пожинать плоды порочной идеи - «Се мое, а то мое же» (226, с.378). Приведенные из летописи и из «Слова о полку Игореве» примеры свидетельствуют о том, что основной проблемой исторической и художественной версий похода и поражения Игоря была не только трагическая гибель дружины удельного Новгород-Северского князя, но и давно накопившееся зло - княжеские ссоры и междоусобия, послужившие причиной разорения русских земель печенегами, половцами и другими иноземцами. Актуальность данной проблемы была настолько высока, что авторы литературных сочинений, а также летописцы «заставляли» главных героев - князей прийти к самопризнанию и самоочищению.

В этом плане Ипатьевская летопись, более подробная версия похода Игоря на половцев, выглядит правдоподобней и объективней, чем «Слово о полку Игореве». Если у летописца ясная и четкая задача отражения истории похода Игоря 1185 года, да и событий ближайших лет, то «Слово о полку Игореве» по своей значимости и художественности выходит за рамки конкретной эпохи. «Ведь в древнерусской поэме рассказывается не столько собственно о военном столкновении, во всяком случае, не оно составляет ее основное содержание, сколько представляется столкновение идей, мировоззрений и вер. Именно потому так остро она и вспоминается в такие периоды, что с большей внятностью, чем новые слова, говорит о сути происходившего и происходящего...» (245, с.7-8). «Слово о полку Игореве» в великой русской литературе - произведение ни с чем не сравнимое. Это такое творение духа, которое не просто помнится, но, несмотря на свою, более чем восьмисотлетнюю давность, продолжает жить по каким-то таинственным законам духовной преемственности» (245, с.9-10).

Нам кажется весьма вероятным появление целого ряда подобных «Слову о полку Игореве» литературных памятников, (не обязательно таких же высокохудожественных), но также повествующих о княжеских ссорах и усобицах, о русско-половецких отношениях XII - начала XIII веков. Эта тема могла иметь место и в последующие периоды русской истории. Однако вмешательство монголо-татар в историю и жизнь русского народа, кардинально изменило существующую ситуацию. Половцы в качестве враждебной силы и инструмента вмешательства в княжеские ссоры и войны, идя со сцены русской истории, уступили свое место монголо-татарам, осуществившим давнишнюю мечту русских авторов - объединение русских земель и подчинение их великому князю. Этим же обосновывается переплетение мотивов «Слова о полку Игореве» с произведениями монголо-татарского цикла - «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщины» и т.д.

«Слово о полку Игореве» - это внелетописная воинская повесть, имеющая своеобразную структуру, поэтику и стиль повествования. Оригинальность памятника заключается в том, что план его написания твердо подчинен художественному замыслу и воображению автора. Будучи свободным от историчности и религиозности русской средневековой литературы, автор «Слова о полку Игореве» тяготеет к образному мышлению, художественному осмыслению и перевоплощению событий 1185 года. Это единственное художественное произведение древнерусской литературы, автор которого не обременен религиозной задачей и подвластен типу мышления и поэтической символике мирового Средневековья. Сопоставление с текстом Ипатьевской летописи, легшим в историческую основу «Слова о полку Игореве», свидетельствует

о литературной неоднородности памятников Древней Руси, по-разному повествующих об одном и том же походе русских князей на половцев по-разному. Автор, «как и другие создатели героической поэзии, выражал свои идеи при посредстве весьма сложной поэтической символики» (206, с.120). «Оригинальность «Слова» определяется его важными древнерусскими особенностями. В «Слове» по сравнению с «Песнью о Роланде» и «Песнью о моем Сиде» значительно слабее выражены религиозные мотивы борьбы христиан с «погаными» (язычниками). Герои «Слова» - христиане, хотя эпическая идеализация еще прочно связывает их со славянской языческой стариной, даже в плане мифологической генеалогии («внук» Велеса, «внук» Даждьбога, «внуки» Стрибога) Игорь и его союзники воюют с кровнородственными им половцами (в большинстве своем - шаманистами)... (206, с.120). Преимущество «Слова о полку Игореве» перед другими воинскими повестями Древней Руси заключено в том, что оно без каких-либо натяжек, прямолинейности и схематичности воссоздает события русской средневековой жизни, так тесно переплетающейся с историей соседних стран и народов. Традициями героической эпики, языческим и анимистическим мировосприятием, поэтической символикой своих произведений авторы «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о взятии Царьграда турками», «Казанской истории», «Поэтической» и «Сказочной» повестей об Азове обязаны «Слову о полку Игореве». При героически-христианском характере повествования они сумели частично сохранить образное мышление древнерусской поэмы XII века. Хотя по этому поводу выдвигалось мнение, «что образы народной устной поэзии, которые привлекал памятник, становятся уже несколько чуждыми и непонятными для книжников

более поздней эпохи... Спустя три века эти образы были уже мало доступны пониманию подражателей Слова (Мамаево побоище); они, поэтому, даже не решались повторить лучших его картин, или, находясь в рабском подчинении у них, искажали их и употребляли не у места. Прошло еще три века - и автор поэтической редакции Повести об Азовском осадном сидении почти совершенно отрешился от поэтических образов известной ему Задонщины, воспользовавшись выражениями современной ему народной поэзии. Вообще я думаю, что устная поэзия значительно изменила свою оболочку за время от создания Слова о полку до Задонщины и от создания Задонщины до Азовских сказаний» (164, с.3-4). Мы также склонны разделить мнение о том, что поздние воинские повести Древней Руси «не решались повторить лучших картин» «Слова о полку Игореве», ибо, имея перед собой определенную задачу, диктуемую государственной и церковной идеологией, авторы XIII-XVII веков воспользовались поэтическим арсеналом памятника XII века в рамках идейно-тематических и жанрово-стилистических возможностей создаваемых ими произведений. Стремление обойти определенные идеологические препоны с помощью традиционной образности и символики нередко приводило их к тем или иным «искажениям».

Восприятие «Слова о полку Игореве» в качестве общего культурного достояния восточнославянских и тюркских народов содействовало расшифровке и раскрытию некоторых «темных» мест памятника, избавив его исследователей от надуманных и необоснованных гипотез. В этом плане неоценимы заслуги всемирно известных тюркологов П.М.Мелиоранского, В.А.Гордлевского, И.Г.Добродомова, А.Н.Кононова, К.Г.Менгеса, Л.Н.Гумилева, Н.А.Баскакова и др. В толковании и пропаганде тюрк-

ских и восточных элементов «Слова о полку Игореве» особое значение имели научно-публицистические работы О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», М.Аджи «Полынь половецкого поля» и др. Усилиями этой группы ученых-исследователей и писателей-публицистов удалось рассеять туман, столетиями окутывавший половецкие реалии «Слова о полку Игореве». Точка зрения К.Г.Менгеса о том, что «многовековое взаимодействие восточных славян - позднее русских, украинцев, белорусов - и тюрков оставило заметный след во многих проявлениях жизни и деятельности названных славянских народов» (149, с.3), стало своеобразным возражением традиционному толкованию русскими исследователями идейно-тематического содержания «Слова о полку Игореве». Долгие изыскания Л.Н.Гумилева, в частности, его величайший труд «Древняя Русь и Великая Степь» (Москва, 1989, 2000), исследования С.А.Плетневой, ее ценная книга «Половцы» (Москва, 1990) и другие научно-исследовательские работы положили конец бессмысленному спору двух лагерей - противников и сторонников тюркских элементов «Слова о полку Игореве». Самопризнание акад. Д.С.Лихачева, что концепция Л.Н.Гумилева «смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор...» (138, с.10), открыло новые перспективы изучения не только «Слова о полку Игореве», но и целого ряда воинских, исторических и публицистических повествований X-XVII вв., обнаруживающих славяно-тюркские контакты. Была «возвращена» читателям книга О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (Алма-Ата, 1975), изданная и на языках тюркских народов бывшего СССР. Логическим продолжением дискуссий вокруг «Слова о полку Игореве» и других древнерусских памятни-

ков, имеющих тюркские элементы, стало издание книг М.Аджи «Полынь половецкого поля» (Москва, 1994) и «Европа, тюрки, Великая степь» (Москва, 1998), «Кипчаки» (Москва, 1999). В этом плане определенное значение имел выход в свет книги Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко «Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима» (Москва, 1995), в которой приводятся неопровержимые факты «переделки» и «пересмотра» истории Древней Руси, в частности, ее беспорных связей со Степью, монголо-татарами и Турцией. Авторы книги убедительно доказывают наличие искажений, имеющихся в древней русской истории при Грозном, и подчеркивают «роль» Романовых-Захарьиных-Юрьевых в фальсификации отечественного летописания. Приподнятие завесы над этими историко-литературными фактами и последовавшее за этим одобрительное молчание традиционно активных исследователей Древней Руси приводят нас к мысли, что это только начало открытий и признаний, и что пришел конец ложной трактовке многовековых контактов тюркских и славянских народов. Настало время сказать всю правду о влиянии тюрков на образ жизни, мышления и мировоззрения человека Древней Руси.

В центре всех этих дискуссий и споров долгое время стояла появившаяся в середине 70-х годов прошлого столетия книга О.Сулейменова «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» и последовавшая за ней критика в адрес автора. Особенно настойчиво выступал акад. Д.С.Лихачев, благодаря которому «Слово о полку Игореве» приобрело литературный статус одного из шедевров мирового Средневековья. Именно в этом памятнике Д.С.Лихачев искал истоки несостоявшегося русского Возрождения. Мировоззрение древнерусского человека отчасти отражалось в «Слове о полку Игореве», где пред-

ставлялись взгляды идеолога единой Киевской Руси. Делить это культурное достояние между восточными славянами и тюркскими этносами русские авторы не желали. Так рассматривая выводы О.Сулейменова в книге «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» акад. Д.С.Лихачев недоумевал: «Как оказывается, «Слово о полку Игореве» - памятник двуязычный, русско-половецкий. Автор «Слова о полку Игореве» не был настроен антиполовецки. Половецко-русскую вражду 1185 г. автор считал не более чем междоусобной ратью между своими...» (133, с.317). Но с нашей точки зрения, правдивость заключений О.Сулейменова косвенно доказывалась находками и исследованиями Л.Н.Гумилева, С.А.Плетневой, которые приводили многочисленные примеры участия печенегов, половцев, гузов, черных клобуков, торков в междоусобных войнах русских князей. Летописцами подчеркивались факты использования степняков отдельными князьями друг против друга. Были случаи, когда побежденные половцами торки и печенеги приходили на Русь под защиту русских князей. В политической панораме эпохи «Слова о полку Игореве» имели большее место княжеские ссоры и раздоры, нежели русско-половецкие столкновения. К этому времени уже были забыты разрушительные набеги половецких объединений, возглавленных Боняком, Шаруканом, Тугорканом, Урусобой и др. Перед походом Игоря, в 1183 году, половцы потерпели страшное поражение от великих киевских князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича и, по свидетельству летописи, в плен были взяты, помимо Кобяка, два его сына, много других влиятельных половецких ханов, убили «и инѣхъ бещисла» (90, с.347). О казни самого известного и энергичного хана того времени Кобяка узнаем из строк «Слова о полку Игореве»: «А поганаго Кобяка изъ луку

моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли» (226, с.378).

Теперь в условиях развития культур и литератур суверенных тюркоязычных государств, бывших советских республик, ученые-литературоведы стали все чаще обращаться к проблемам, на изучение которых был наложен запрет. В числе таких проблем были и вопросы, связанные с историей написания и открытия «Слова о полку Игореве», поэтикой и источниками этого литературного памятника. Известно, что после доклада А.И.Робинсона на VII Международном съезде славистов, где выдвигалась серьезно аргументированная гипотеза о «Слове о полку Игореве» как о памятнике культурного пограничья между Русью и Половецкой Степью (205), казахский поэт-публицист О.Сулейменов осмелился искать веские доводы в пользу тюркских элементов, чему серьезно возражал акад. Д.С.Лихачев: «Меня, как русского, очень трогает стремление О.Сулейменова вложить в «Слово о полку Игореве» черты своего, тюркского эпоса. Трогают меня и другие проявления любви О.Сулейменова к «Слову о полку Игореве» (133, с.327). Хотя, на наш взгляд, не все размышления и выводы О.Сулейменова, автора книги «Аз и Я», глубоко аргументированы и строго обоснованы, но его мнение о типологической и даже идейно-тематической общности «Слова о полку Игореве» и тюркского эпоса не вызывает серьезных возражений. Это же признали последние исследования по «Слову о полку Игореве»: «Изучение тюркских элементов в тексте памятника, долгое время остававшееся в пределах лексикологических и этимологических разысканий, в настоящее время переходит к постановке более широкой проблемы жанровых и культурных влияний» (45, с.10). Исследователь поэтики «Сло-

ва о полку Игореве» имел ввиду работы А.Н.Робинсона и О.С.Сулейменова, в которых выявляются новые перспективы изучения текста памятника и ставятся вопросы мировоззренческого характера. Древнерусская поэма XII века рассматривается в поэтическом контексте мирового Средневековья, в сопоставлении с западным и восточным героическими эпосами. История изучения «Слова о полку Игореве» русскими и иностранными авторами знает множество аналогичных исследованию О.Сулейменова работ. Толкование казахским поэтом-ученым темных мест и невидимых тюркизмов «Слова о полку Игореве» («тулы поганых тлъковинъ», «без кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ», «кликну Карна, и Жля», «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!», «изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя», «ходына Святъславля» и др. (237, с.10-172) рассматривается нами как продолжение наблюдений самих русских авторов над текстом данного литературного памятника. Спустя менее пятидесяти лет после открытия «Слова о полку Игореве» профессор Казанского университета Ф.И.Эрдман утверждал, что автор произведения почерпнул его «изъ живаго родника Азіатского своего быта» (269, с.20). Его же рассуждения по поводу азиатских выражений «Слова о полку Игореве» («Туръ», «Буй-Туръ», «Яръ-Туръ», «харалужный», «обида дѣва», «времена жирныя», «шереширы» и др. (269, с.19-46) легли в основу будущих исследований горячих сторонников тюркских элементов древнерусского памятника. В отрывке из «Слова о полку Игореве»: «Тому вѣщий Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, Суда Божіа не минути», - исследователь обнаружил «идею совершенно Азіатскаго предопредѣленія» (269, с.41), что, по нашему мнению, присуще любому героическому и любовному эпосу тюрк-

ских народов. В «Предпослании» азербайджанского эпоса «Книга отца нашего Коркута» читаем: «Не будь написано на роду, и рабу не попасть в беду» (109, с.18).

Нами выявлены параллели между «Словом о полку Игореве» и азербайджанским эпосом «Книга отца нашего Коркута», где налицо совпадение мотивов борьбы с внешним врагом, славы и плача, междоусобия и т.д. Сравнение образов отца Коркута, Баяндур-хана, Салур Казана, Бурла хатун с героями «Слова о полку Игореве» способствует более глубокому пониманию тематических и жанровых особенностей обоих произведений Средневековья. Типологическая и тематическая близость азербайджанского героического эпоса и русской воинской повести заключается не только в схожести тем, идей и характеристики героев, но и в употреблении воинской лексики, описании природы, гибкости, динамичности и многозначности поэтических средств, отражающих языческие элементы памятников.

Наши наблюдения над текстами азербайджанского народного эпоса «Книга отца нашего Коркута» и древнерусского памятника «Слово о полку Игореве» показывают, что огузские и восточнославянские народы создали дошедшие до нас версии этих шедевров мировой литературы на одном и том же этапе их исторического развития. И не случайно, что оба памятника далеки от религиозных предрассудков, им присуще очеловечение рек и морей, природных стихий, гор и лесов, трав, цветов и деревьев, зверей, образное мышление авторов, мифологическая символика повествования и т. д. Появление же в памятниках религиозных мотивов должно объясняться поздними списками и переписываниями их текстов. При изучении и сопоставлении данных произведений обнаруживается, что ни «Слово о полку Игореве», ни «Книга отца нашего

Коркута» не порывали с языческим наследием славянских и тюркских народов, и, будучи выдающимися образцами раннефеодального эпоса, выступали как явления христианской и мусульманской культур. Целесообразно, чтобы исследователи «Слова о полку Игореве» исходили из позиций В.М.Жирмунского, в трудах которого эпические традиции Запада и Востока рассматриваются как две ветви единого культурно-исторического процесса (80, с.81).

Осознавая всю ответственность наших высказываний о типологической и тематической общности древнерусских и тюркских литературных памятников, и помня историю обсуждения и восприятия книги О.Сулейменова в научных кругах теперь уже бывшего СССР в 1970-е годы, будем руководствоваться постулатами теоретика сравнительного литературоведения В.М.Жирмунского. По его мнению, «сравнение не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, исторической); напротив, только с помощью сравнения, т.е., установления сходств и различий, можно определить, в чем заключается эта специфика» (82, с.67). Представляется необходимым истолкование «Слова о полку Игореве» и его многих древнерусских «современников» в сравнении с литературными памятниками тюркских народов. Проведенные нами параллели между «Словом о полку Игореве» и «Книгой отца нашего Коркута» легко обнаружить и в других героических сюжетах, в частности, в сказаниях об Алпамыше, бытующих в разных версиях почти у всех тюркоязычных народов. Имея широкую географию бытования, начиная с предгорий Алтая до Средней Волги, Южного Урала, Закавказья и Северного Кавказа, Малой Азии, этот древнейший героический эпос не мог не повлиять на мифические и устнопоэтические представления соседних народов, в том числе восточных славян. К

сожалению, обращение О.Сулейменова к художественной структуре «Слова о полку Игореве», и интерпретация текста древнерусского памятника в пользу его тюркских реалий, встретив серьезную критику русских ученых, не повлекли за собой постановку тех проблем мировоззренческого и теоретического характера, ориентиры которых определились в книге «Аз и Я», хотя его оппоненты и обещали более серьезное и профессиональное изучение поднятых вопросов, научное рассмотрение культурных понятий и реалий Востока в «Слове о полку Игореве» и других произведениях Древней Руси (68, с.133, 162).

В своих замечаниях о «текстологическом треугольнике» - «Слове о полку Игореве», Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 году и «Задонщине» - Д.С.Лихачев, опровергая сомнение проф. Дж.Феннелла по поводу близости этих памятников, справедливо указывал: «Текстологический анализ не должен ограничиваться анализом текста как такового. В текстологическом анализе важны не только совпадения или различия слов, но и сопоставление содержания общих сюжетных положений, мотивов, образов и т. д. Текстологический анализ имеет дело не только с чисто текстовыми явлениями, но также и с ситуационными соответствиями» (133, с.298).

Остановимся на деталях памятников, выражающих образ мыслей и поведение героев, душевное состояние воинов и настроение людей, на манере и стиле описания тех или иных событий и явлений.

Герои древнерусских произведений не отступают перед видимой опасностью, жизнь или пленение они предпочитают смерти и позору. Таков Игорь Святославич в «Слове о полку Игореве», князь Юрий Ингваревич в «Повести о разорении Рязани Батыем», князь Дмитрий Иванович в «Задонщине». «... Игорь възрѣ на свѣтлое

солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти...»; «Хощу бо, - рече, - копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (226, с.374).

Эта же воинская мораль присуща была огузским бекам. Обратимся к двенадцатой песне из «Книги отца нашего Коркута» - «Об отложении дальних огузов от ближних огузов и убиении Бейрека поведает». Аруз, обманом и хитростью пригласивший к себе Бейрека, заставляет его поклясться "в отложении" от Казан-хана. Он подумал, что у взявшего в жены невесту из дальних огузов и явившегося к нему безоружным Бейрека нет выбора, но в ответ услышал слова:

Казана щедротами я ль не кормился?
Скажу, что не так, поперек горла встанут!
На добрых коней его я ль не садился?
Скажу, что не так, они гробом мне станут!
В кафтан его пышный не раз одевался.
Скажу, что не так, пусть мне саваном станет!
В шатре его пестром сидел - прохлаждался,
Скажу, что не так, пусть темницей мне станет!
Чтоб я от Казана теперь отложился?
Вовеки Бейрек в этом клясться не станет!

«Или крови своей желаешь?», - спрашивает Аруз. Бейрек отвечает: «... Я за Казана голову свою отдам! Не отложусь от него, ей-ей! Разруби хоть на сто частей!» (109, с.212-213).

В том и в другом случаях мы становимся свидетелями героических поступков, отстаивавших не только честь

воина, но дружины и племени. Главные герои совершают героические поступки не без помощи и участия дружины и огузских воинов. «Слово о полку Игореве», имеющее множество микросюжетов и эпизодов о подготовке к предстоящим боям, о ходе и конце военных действий, о героических поступках русских князей, как воинская повесть начинается с характеристики бойцов князя Всеволода Святославича: «А мои ти куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конец копия въскръмлены; пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворены, сабли изъострени. Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ» (226, с.374). В этом кратком и точном описании портрета воинов обнаруживается их моральная и психологическая подготовка, осознание ими значения предстоящего похода. Подобная характеристика подходит и воину-половчанину, а также героям восточных героических сказаний: «конец копия въскръемлены», «скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ». «Книга отца нашего Коркута», как героический эпос, уделяет большое внимание описанию боевого настроя огузских беков и богатырей, соратников Салура Казана. «С белым на лбу пятном, на своем жеребце гнедом Дондар гарцевал. На соловом своем быстроногом коне брат Казан-хана Кара Гюне поскакал. Шир-Шемсетдин, тот, кто врагов Баяндур-хана вспять обратил, на белом коне, быстроногом своем скакуне гарцевал. Улетевший, как птица, из Байбурской темницы крепости Пара-Сары на сером своем жеребце сидел бек Бейрек... Всех называть - конца не видать, беки великих огузов коней оседлали» (109, с.41). Выражением «беки великих огузов коней оседлали» сказитель указывал на готовность воинов к походу и охоте за дикими зверями.

В том и другом эпосе проповедуется идея единения перед вражеской опасностью. Великий киевский князь Святослав избавление от половецкого зла видит в призыве к помощи и единению и свое обращение к князьям заканчивает словами: «В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую... Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой» (226, с.383). Перечисление доблестных русских князей, рассорившихся и разъединенных из-за междоусобиц, и гневное осуждение автором этого зла вселяет надежду в читателя. Оставшись в одиночестве с Караджук Чобаном, Казан хан чувствует себя в смешном положении. Узнав о беде Казан хана, о разорении его дома гяурами, прискакали величайшие мужи огузов с возгласами: «Бей мечом, отец Казан, я пришел!» Сильны огузские беки, когда они вместе. Историю о разорении дома Салур Казана Дэдэ Коркут завершает афористическими словами:

Где вы, герои воспетые и победившие?
Где они, мой весь мир говорившие?
Смерть забирает, земля сокрывает.
Кому бренный мир остается? Кто знает?
О мир, где приход и уход в свой черед!
О жизнь, где и жизни конец настает!

(109, с.58)

В «золотое слово» великого князя Святослава вложена правда, судя по которой молодые русские князья «не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили». Был нарушен мир между Русской и Половецкой землями, связанными родственными узами. И в словах Дэдэ Коркута выражено беспокойство о бессмысленных ссорах и распрях, о непонимании амбициозными главарями быстротечности и бренности людской жизни.

В данном случае следует говорить о катарсисе (трагическом очищении) в том и другом памятнике. «Слово о полку Игореве» рассматривает события 1185 г. как результат ошибок всех русских князей. «Катарсис «Слова о полку Игореве» - это катарсис лирический, в который втягивается, помимо Игоря, вся русская история и все русские князья - современники» (133, с.208). В приведенном выше отрывке из «Книги отца нашего Коркута» Дэдэ Коркут как бы предвидит отложение внешних огузов от внутренних, трагическую гибель мужественного огузского богатыря Бейрека. После трагических и бурных событий «Слова о полку Игореве» и «Книги отца нашего Коркута» авторское повествование ведет нас к нравственному умиротворению и духовному очищению. Несмотря на всякого рода предсказания и предупреждения, герои памятников не отступают от задуманного и при этом жестоко наказываются. Авторам же памятников остается взывать к всеобщему сознанию в надежде на то, что это горе послужит жестоким уроком для дальнейших поколений.

Наши наблюдения над текстами «Песни о Нибелунгах» и сравниетльное изучение его с «Книгой отца нашего Коркута» показали, что катарсисом проникнуты многие эпизоды и германского эпоса. Как и в азербайджанском и русском эпосах, к трагическому очищению ведёт здесь основная сюжетная линия памятника. Главная идея и этого известного произведения Средневековья в том, что жизнь быстротечна и бренна, нужно сделать так, чтобы герои и защитники родной земли не пали и пропали попусту, как это случилось с дружиной Игоря, Бейреком и другими огузскми беками, Зигфридом и Хагеном (277).

Для обоих памятников характерны присутствие и помощь мифических сил. «Золотое слово» великого киевского князя обходит всю Русскую землю. Д.С.Лихачевым

подчеркнута «перекличка», которую ведут мифические существа и действующие лица в «Слове о полку Игореве»: «Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля - на крепостной стене, над заливными лучами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. Девицы поют на Дунае, их голоса вьются через море до Киева (133, с.43). Обращение Казана к воде с вопросом о своем разоренном доме, по мнению известного исследователя азербайджанского эпоса К.М.Абдуллаева, не случайно. В мифологических системах мира воде, реке, морю придается значение таинства и святыни. Перешагнув воду, герои достигают своей цели. Вода - это процесс протекания, символ перемен, избавление от хаоса (1, с.16). Нагроможденный мифическими образами эпос «Книга отца нашего Коркута» ученым уподобляется айсбергу, прочтение им невидимых слоев и непонятных сторон которого удачно осуществляется не только на фоне отдельных песен «Книги отца нашего Коркута», но и в контексте известных восточных и западных сюжетов (1, с.90-148).

Одной из удивительных особенностей «Слова о полку Игореве» считается его языческий облик, проявляющийся в языке и стиле повествования, характеристике русских князей и половецких ханов, в описании их действий и поступков, авторской оценке событий. Известный исследователь «Слова о полку Игореве» А.Н.Робинсон в статьях на эту тему большое внимание уделяет солнечной символике памятника, так как с самого начала и до конца сюжета «солнце» сопутствует героям: затмение солнца перед походом Игоря; черные тучи, покрывающие четыре солнца, светлое и пресветлое солнце - последняя надежда Ярославны; солн-

це светит на небе - князь Игорь в Русской земле и т.д. Соответственно течению событий и духу повествования «распределяются» и роли между силами природы. «Сначала против героев выступают ночь, гроза, тучи, молнии, гром, а также анимизированные животные (волки, лисицы, орлы). Потом печалятся о героях растения (деревья, трава, цветы), помогают Игорю птицы (сороки, вороны, галки, дятлы, соловьи). Сами герои в эпических ситуациях действуют, как звери и птицы: и русские - Боян, Игорь, Всеслав, и половцы - Кончак, Гзак, Овлур бегут «волком». Боян еще парит «орлом», Игорь летит «соколом», скачет «горностаем», плывет «гоголем» (206, с.125), - пишет А.Н.Робинсон.

Взаимодействие сил природы с героями «Книги отца нашего Коркута» также встречается во всех песнях эпоса. В песне «О разорении дома Салура Казана поведает» главный герой рассказывает про свой «зловещий сон», по которому «сокола... побивают другие птицы», «небесная молния в беловерхий шатер ударяется», «из тучи из черной снег и ливень на орду проливается», «взбешенные волки в шатер клыками впиваются» и т.д. Салуру Казану противостояли не только гяуры, но и птицы, побивающие его «сокола», сына Уруза, небесная молния, черная туча и взбешенные волки, олицетворяющие воинов Шюкли-Мелика, хотя в тексте сон Казана имеет другое толкование. Картину разрушенного и разоренного стойбища дополняет «ворон», в небе летающий, «да пес одичавший» (109, с.45). В этой же песне идущий на плаху Уруз говорит дереву:

Вот повесит враг на тебе меня,
ты ж не стерпишь того сломаешься!
Если стерпишь - знай, не пройдет и дня,
за мученья мои поплатишься!

(109, с.53)

В песне «О пленении сына Казан-бека Уруза поведает» разящий врага на сцене боя Уруз уподобляется «граду», который «на тропинку упал», «соколу», попавшему, «в гусей черных стадо» (109, с.98). Готовый к вступлению в бой Казан также «поражает» врага «молнией», «ясным огнем»:

В небесах стану тучей я черной,
могучей и громом врага оглушу!
Стану молнией белой летучей
и мигом врага поражу!
Стану ясным огнем и врага,
как камыш, подожгу!

(109, с.106)

Изобилие сравнений и эпитетов «Книги отца нашего Коркута», свидетельствующих о мифологической основе памятника, о роли анимизированной природы в системе образного мышления азербайджанского эпоса дает основание говорить об общих свойствах героической эпики тюркских и славянских народов. Сравнение «Книги отца нашего Коркута» со «Словом о полку Игореве» вынуждает нас признать, что благодаря небольшому объему текста, сжатости метафор, более удачному применению комплекса взаимосвязанных представлений типа «солнце-золото-огонь-светтьма» анимизация природы в древнерусской поэме «достигает наибольшей концентрации и эмоциональной напряженности» (206, с.125).

Эти два памятника сближают также и женские образы. В «Слове о полку Игореве» Ольге Ярославне отведена большая роль - она не только мать и жена, но и олицетворение русской земли, нуждающейся в защите. Ее плач по убитым и плененным русским князьям и воинам, обращение к Дунай-реке, ветру, Днепру Славутичу, солнцу создают

значительную для небольшого объема «Слова о полку Игореве» сюжетную линию. Значительность образа русской женщины, выражающей тоску и печаль изнывающей под половецким игом родной земли, неотрицаема. Сюжетную нагрузку несут и плачи, усиливающие художественную характеристику образов.

С точки зрения типологии женских образов, сходство «Слова о полку Игореве» и «Книги отца нашего Коркута» несомненно, хотя в азербайджанском героическом эпосе образ женщины представлен более широко. Известные фольклористы Х.Г.Кероглы и А.М.Набиев, характеризуя образ Бурла-хатун, отмечают: «Она олицетворяет собой идеал средневековой женщины как в нравственном (II песня), так и в ратном (IV песня) отношении» (115, с.64). Но в этом ракурсе Бурла-хатун не одинока. Так же высоконравственны и воинственны невеста Бамси-Бейрека Бану-Чичек (III песня) и Сельджан-хатун, невеста Кан-Туралы (VI песня). В самый разгар боя Сельджан увидела своего возлюбленного Кан-Туралы в окружении гяуров, «кровь ее огнем запылала. Словно сокол на стаю гусей налетела, истребив их с конца одного, на другой полетела.

Видит Кан-Туралы, что за странное дело? Перед ним рать гяурова поредела. Кто-то гонит их прочь, и они отступают...» (109, с.138).

Но вместе с тем огузская женщина покорна мужу, считает его главой семьи и племени. Та же Сельджан, угадав мысли возлюбленного, говорит ему:

Бек-джигит!
Похвальба - только мужу да льву подстать.
Похваляться бабе - на себя клеветать.
Похваляясь, бабе мужем не стать!

(109, с.140)

Думается, что будь участником похода Игоря, Ольга Ярославна могла бы проявить себя так же воинственно, как Бурла-хатун и Сельджан-хатун. Но оставаясь вдали от Половецкой земли, ей остается уподоблять себя чайке, прилетевшей к раненому мужу: «Полечю, - рече, - зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ» (226, с.384).

Героини обоих эпосов описываются в тесном общении с природой; своим горем и стенаниями, душевными переживаниями они обращены к горам и рекам, цветам и деревьям. Но это не простая символика, а образ мышления и поведения, сформировавшийся под влиянием мифических и языческих представлений предков. Ярославна, вступая в диалог с Днепром Славутичем, просит: «Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано», и в поражении Игоревой дружины она винит светлое солнце: «Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче» (226, с.384).

Мать Бугач-хана, увидевшая своего сына в крови (I песня), причитала, проклиная Казылык-гору:

Что, Казылык-гора, твои воды текущие
Все текут еще? Век не течь бы им!
Что, Казылык-гора, твои травы цветущие
Все цветут еще? Век не цвесть бы им!
Что, джейраны, по склонам бегущие,
Все бегут еще? Окаменеть бы им!..

(109, с.34)

Подобные сравнения, с одной стороны, характеризуют женские образы, с другой - доказывают общность анимистических взглядов авторов восточнославянского и огузского памятников.

Как и в большинстве героических эпосов, отдельные песни «Книги отца нашего Коркута» начинаются с восхваления огузских джигитов, беков, с описания неудач и бед огузских племен; огузские земли оплакиваются матерями, сестрами, женами и невестами, в концовке же сюжетов появляется отец Коркут и прославляет воинов-богатырей. Традиционная схема повествования присуща «Слову о полку Игореве», произведению, сочетающему в себе жанры «славы и плача», где, как и в азербайджанском эпосе, преобладают печальные ноты.

Между «Словом о полку Игореве» и «Книгой отца нашего Коркута» имеются и другие черты типологической близости: вещие сны, приметы, перечисление военной добычи, описание сцен боев и т.д.

Художественно значимы вещие сны Святослава и Салур Казана, почти совпадающие по содержанию. Зловещие сны предупреждают героев о случившейся беде, постигшей родную землю и о необходимости избавления от вражеской угрозы. Эти сны предвещают угрозу не только воинам, родной земле и ее богатствам, но и золотому престолу, чести и славе его держателей. Восточная манера описания и истолкования вещих снов, их взаимодействие с основным сюжетом произведений сближают «Слово о полку Игореве» и «Книгу отца нашего Коркута». Киевский князь Святослав рассказывает свой тревожный сон боярам: «...Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска на болоньи, бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю» (226, с.378). Рассказ Салур Казана о его зловещем сне как будто взят из того же контекста: «...Видел, как сокола моего, что качается на боевой руковице, побивают другие птицы... Как небесная молния в мой беловерхий шатер ударяется...

Как из тучи из черной снег и ливень на орду мою проливается... Как взбешенные волки в шатер мой клыками впиваются...» (109, с.45). В обоих эпизодах силы природы соответственно художественной функции снов предрасположены ко злу. Но следует подчеркнуть, что в большинстве эпизодов «Слова о полку Игореве» и «Книги отца нашего Коркута» природа, как бы выражая авторскую позицию, содействует удаче героев или, наблюдая победу добра над злом, торжествует.

В этом плане для памятников типичны образы волка («босого волка») и «соколов». Если в «Слове о полку Игореве» «босый волк» выступает только в роли сравнения («Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ...»; «А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, възвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ...» (226, с.384)); в «Книге отца нашего Коркута» «волк» и «босый волк» в то же время - добрая примета. В IV песне, расказывающей о пленении сына Казан-бека, Уруза, потерявшая своего сына мать Бурлахатун «приговаривала и выла» (109, с.103). В II же песне Салур-Казан, ишущий свою «орду», встретившись с волком, говорит: «Если волк повстречается - к счастью» (109, с.46).

Подводя итог сопоставлению двух известных памятников, подчеркнем необходимость более тщательного анализа близости и сходства русского и тюркского эпосов и в дальнейшем. Исследователям «Слова о полку Игореве» не следует забывать о величайшем огузском памятнике «Книга отца нашего Коркута», когда они перечисляют его литературные современники («Витязь в тигровой шкуре», «Песня о Роланде», «Песня о Сиде»,

«Песня о Нибелунгах»). Если тюркские племена, перечисленные в «Слове о полку Игореве», ко времени его написания уже имели в своем устнопоэтичеком арсенале песни о Дэдэ Коркуте, то с тем же успехом они могли бы участвовать в создании единого славяно-тюркского памятника, каковым является «Слово о полку Игореве». По этому поводу справедливо замечает И.Б.Орлова: «Самое пристальное изучение всего комплекса источников: летописей, материалов по истории соседних стран, записей путешественников и др. дает возможность переосмыслить традиционную и однозначную трактовку взаимоотношений Руси и, например, половецкой степи как вечной истребительной войны и увидеть, что для отношений между русскими княжествами и половецкой степью более характерными и нормальными были не война и набеги, а интенсивный товарообмен» (166, с.53). Сказанное выше позволяет нам утверждать, что наиболее существенным и важным в исторических отношениях Древней Руси и Великой Степи был процесс взаимопроникновения и взаимообогащения культур. Вот почему мы не можем согласиться с тем мнением, что соприкосновение с Востоком происходило "через торговцев и завоевателей в первую очередь» (137, с.115). Ярким примером взаимопроникновения духовных ценностей восточных славян и тюркских народов, отражением отдельных эпизодов многовекового сожительства Древней Руси и Великой Степи послужило величайшее произведение русского Средневековья – «Слово о полку Игореве».

ГЛАВА II

ОПИСАНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Тема монголо-татарского нашествия занимает в русской литературе одно из центральных мест. Монголо-татарское присутствие на Руси, многовековое сожительство Древней Руси и Орды, их военно-политические, торгово-экономические и человеческие контакты повлияли на стиль письма и образ мышления целого ряда поколений древнерусских авторов. Современного читателя поражает многообразие жанров, в рамках которых освещались восходящие к периоду монголо-татарского ига нашествия и широко были представлены факты тех или иных событий из истории взаимоотношений ордынских ханов и подвластных им русских князей.

Письменности монголо-татарского периода присущи особенности домонгольской литературы. Как ни странно, монголо-татарское нашествие не прервало литературное развитие Древней Руси. На фоне разорений Рязани и других городов Владимирской земли, двухвековых натянутых отношений татарских ханов и русских князей появились замечательные литературные памятники: «Слово о погибели русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Житие Александра Невского», «Галицко-Волынская летопись», «Задонщина» и многие другие. И для названных произведений были характерны черты стиля «монументального историзма». Как правило, в этом плане рассматриваются такие литературные

шедевры домонгольской поры, как «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Киево-печерский патерик» и др., относящиеся к начальному периоду развития русского «монументального историзма». Монголо-татарский период истории русской письменности оказался естественным продолжением тех литературных процессов, которые имели непосредственное отношение к идее укрепления княжеской власти и единения русских земель перед внешней угрозой. Литература не поменяла своей ориентации, своей идейно-тематической направленности. Это же способствовало литературной преемственности тем, идей, образов, сюжетов и мотивов произведений половецкого и монголо-татарского этапов. «На Руси в это время, в отличие от южных славян, покоренных турками, сохранились господствующие классы и сама государственная организация - княжества, - платившие дань Орде. Утрата национальной независимости не сопровождалась здесь утратой национальной государственности, как это было в случае с южными славянами. Все это наряду с назреванием процесса борьбы за национальную независимость... способствовало постепенному нарастанию динамики в общекультурной жизни» (128, с.28). Расширение связей Древней Руси с Востоком и Западом, возрастание политической воли Московского княжества, усиление роли церкви в государственных делах и духовном развитии народа, возрождение культурной миссии балканских славян предопределили судьбу русского Предвозрождения. Хотя в это время и не было ярких писательских имен и вся нагрузка литературного промысла легла на плечи летописцев, редакторов-капиляторов и монахов-книжников, тем не менее уже намечалось многообразие тем, разветвленность сюжетов, пестрота

художественных текстов, мотивация и аргументация деталей и эпизодов, непринужденная связь с фольклором, стремление авторов избежать схематичности. Конечно же, речь здесь идет не о всех «повестях», «сказаниях» и «словах». Неисчислимое количество этих произведений служат отражением того или иного конкретного исторического факта и происшествия, связанного с пришествием татар, не претендуя однако на роль цельного художественного творения.

В задачи настоящего исследования входит систематизация и обобщение произведений монголо-татарского цикла, рассмотрение основных литературных памятников данного периода с точки зрения выявления их идейно-тематического и художественного своеобразия, а также историко-литературного значения для правдивого освещения монголо-татарского присутствия на Руси. Произведения монголо-татарского цикла - это не только художественное видение событий, но и отражение духовной жизни древнерусского общества, мировоззрения и интересов человека Древней Руси, активно встающего на защиту родных земель и городов, религиозных святынь, за восстановление разрушенных и осквернённых поселений и церквей и объединение русских княжеств. Это не просто призыв к борьбе и единению, а деятельное участие героев в спасении, восстановлении и сплочении русских земель. Таковы простые люди из «Повести о разорении Рязани Батыем», «Жития Александра Невского» и «Задонщины», а также русские князья, готовые пожертвовать собой за русскую землю и христианскую веру. Вспомним героические поступки Евпатия Коловрата, князей Юрия и Федора Рязанских, простолюдина, служителя церкви - Никона, перенесшего икону Святой Богоматери из Корсуни во Владимирскую землю, плач смоленского князя

Игваря Игваревича, вместе со своей дружиной восстановившего разрушенное Рязанское княжество («Повесть о разорении Рязани Батыем»).

Зачастую за историческую основу описания событий монголо-татарского нашествия принимаются летописные своды и литературные памятники различных жанров, которые не избежали частичных изменений, начиная с эпохи Ивана Грозного.

Выделение нами литературы монголо-татарского периода в отдельный цикл продиктовано тем, что она отличается от предшествующей не только в идейно-тематическом, но и в жанрово-стилистическом, общественно-политическом и нравственно-эстетическом отношениях. Это даже не тематическая характеристика древнерусской культуры, ее литературы и духовности, сколько целостное восприятие неделимого временного и пространственного культурного явления Древней Руси со всеми его своеобразными, но противоречивыми особенностями. Было бы несправедливо оценивать данное культурное явление как статичное, аморфное и безжизненное. Будучи зеркалом общественно-политических перипетий и идейно-нравственных исканий древнерусского общества, литература данной эпохи послужила информационно-познавательным источником, историографическим материалом для осознания, восприятия, оценки сложнейшего отрезка истории Древней Руси. Монголо-татарское нашествие приходится в тот период русской истории и духовности, когда остро стояла проблема единения раздробленной на княжества Русской Земли («Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской Земли») и кончается в то время, когда русские князья, да и большая часть золотоордынских сил, стекались под единый флаг централизованной Московской Руси («Задонщина», «Сказание о

Мамаевом побоище»). Л.Н.Гумилев отмечает: «На Куликово поле пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и т.д., а вернулась рать русских, отправившихся жить в Москву, Владимир, Суздаль и т.д. Это было началом осознания их себя как единой целостности - России. Таким образом, мы можем датировать толчок великорусского этногенеза началом XIII века, инкубационный период - XIII-XIV веками, а осознание русскими себя как целостности - 8 сентября 1380 года» (50, с.21-22). Эти слова известного историка опровергают мысль о так называемом духовном кризисе древнерусской культуры, связанном с монголо-татарским нашествием и приостановленном с уходом монголо-татар.

При монголо-татарах и в последующие столетия взаимосвязь и взаимовлияние Древней Руси и Великой Степи приобретают такое важное значение, что качественно отличает их от предыдущих традиционных контактов славянских и тюркских этносов. В отличие от печенегов, гузов, торков, половцев, черных клобуков и других, принимавших самое активное участие в жизни древнерусского общества и не имевших политической власти над Русью, монголо-татары, жители величайшей империи Чингисхана, ранее не контактировавшие с русскими князьями, завладев их землями, принудили их стать своими вассалами и подчиняться воле монголо-татарских ханов. Если в половецкий период русско-тюркских отношений большинство тюркских племен и народов были вассалами киевского и новгородского князей и вместе со славянами и другими этносами составили пеструю политическую структуру древнерусского общества, то при монголо-татарском режиме сама Древняя Русь выступала провинцией одного из четырех улусов великой монгольской империи - Золотой Орды. Древняя Русь с ее людскими

ресурсами, торгово-экономическим потенциалом, общественно-политическими институтами была в ведении Великой Монголии. В течение монголо-татарского присутствия на Руси стало формироваться единое культурное пространство, характеризующееся взаимопроникновением элементов быта, нравов, обычаев и включительно обрядов, взаимообогащением памятников литературы, живописи и духовности. В этих взаимосвязях больше «повезло» Древней Руси, впоследствии ставшей наследницей Великой Монголии не только в административно-политическом, но в и культурно-экономическом и духовном отношениях. К сожалению, в XV-XVI веках идеологи политической теории «Москва - III Рим», абсолютизируя идею принятия московским князем символов царского достоинства от византийских императоров, стали игнорировать совсем недавние, проникшие в сознание и быт русских людей отношения с тюркскими народами. В рукописной аннотации на собственную книгу «Древняя Русь и Великая Степь» Л.Н.Гумилев, определяя суть исторической науки, подчеркивает: «История - наука гуманитарная, т.е. - чтение источников и изложение их содержания, причем каждый автор неизбежно привносит в интерпретацию свои личные особенности. При этом отсутствует критерий истинности, поскольку из многих решений выделить правильное невозможно. Однако, установление самих фактов - несомненная заслуга науки истории» (53, с.8). Л.Н.Гумилев, обладая воображением не только ученого, но и художника, не ограничивается своим тезисом об установлении фактов, предлагает реконструкцию русской истории IX-XIV вв., что приводит его к строго аргументированным и обобщающим выводам.

Как свидетельствует опыт исторической науки, в источниках Древней Руси говорится одно, но в научных

исследованиях излагается совсем другое. Аналогичный подход к историко-литературным источникам наблюдался еще в XVIII веке, во времена первых русских историографов, чем можно было бы объяснить нынешний разлад между историческими фактами и их официальным комментированием в определенных научных кругах. Хотя и неподвластная идеологии Российской Империи и Советского Союза историко-филологическая мысль, опираясь на те же факты литературных памятников, всего духовного наследия Древней Руси, утверждала совсем обратное: «Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной европейской России (царство волжско-камских болгар и царство хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, - то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев. Между тем до сих пор мы мало заботились об этом; мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента» (251, с.141). Рекон-

струкция русской истории евразийцами (Г.В.Вернадский, Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий), Н.И.Костомаровым, Л.Н.Гумилевым, О.Сулейменовым, современными исследователями (Г.В.Носовский, А.Г.Фоменко, М.Аджи и другими) оправдана тем, что она соответствует установлению и восстановлению фактов, без которых немыслимо реальное изучение истории и литературы, столетиями преподносимых с перегибами, фальшью и приукрашиванием. Акад. Д.С.Лихачев, автор «Поэтики древнерусской литературы», «Человека в литературе Древней Руси», десятков монографий и ценных публикаций о жизни и духовности древнерусского общества, в конце концов признал и одобрил опыт реконструкции русской истории IX-XIV вв. Л.Н.Гумилевым: «Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование. Если идти вслед за бедными источниками, посвященными этому времени, устанавливать только то, что может быть установлено с полной достоверностью, то все равно мы не гарантированы от непонимания истории, ибо историческая жизнь, несомненно, богаче, чем это можно представить только по источникам. И все-таки любое, самое строгое, следование за источниками невозможно без элементов реконструкции» (53, с.9). В подобной реконструкции нуждается вся русская история.

Проблема значения и роли монголо-татарского нашествия для дальнейшей истории Руси стала предметом бурных обсуждений после выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина.

Широко и настойчиво ставился этот вопрос в работах выдающегося историка Н.И.Костомарова, горячо убежденного в положительных последствиях монголо-татарского влияния на Русь. Примечательно, что объектом исследований, споров и дискуссий этих и последующих

русских историков стали литературные источники, известные повести и летописные своды о приходе татар и столкновениях русских с ними. Дальнейшие поиски и исследования русских и зарубежных ученых опирались на археологические и этнографические данные, а также на сведения русских летописей.

Основу противоречивых и взаимоисключающих друг друга мнений о монголо-татарском иге заложил Н.М.Карамзин, по которому «нашествие Батыево ниспровергло Россию», в то же время «благотворные следствия этого несомнительны», что благодаря монголо-татарскому присутствию на Руси и политике ордынских ханов возникло «величайшее благодеяние для России - Великое Московское княжество» (102, с.27-82).

Монголо-татарское нашествие, его последствия для дальнейших судеб России были одной из актуальных тем и проблем русского летописания, а начиная с XVIII в. - русской историографии. Перенесение данной темы из летописания в историографию, тщательное комментирование и толкование текстов летописных сочинений видными историками В.Н.Татищевым, Н.М.Карамзиным, С.М.Соловьевым, В.О.Ключевским, Н.И.Костомаровым, евразийцами и последующими поколениями ученых-археологов, этнографов, литературоведов имело огромное значение для объективного освещения истории и культуры Древней Руси и Великой Монголии. Ни одна из европейских стран, некогда входивших в состав Золотой Орды, одного из улусов Великой Монгольской империи, не сохранила и не сберегла столько фактов о монголо-татарах, о жизни величайшей империи XIII-XV вв., как это сделали русские летописцы и историографы. Под рукой ученых оказались русские летописи и воинские повести о монголо-татарах. Поход монголо-татар на Европу, в ре-

зультате которого была уничтожена военная сила Польши, Венгрии, Тевтонского ордена, парализована армия Чехии, Сербия, Болгария и Молдова попали под вассальную зависимость, а Византия была побеждена князем Ногаем, не нашел должного описания в трудах европейцев. «О монголах у западных народов, несмотря на то, что они от них столько претерпели, почти ни у кого не имеется более или менее обстоятельных исторических трудов, кроме описания путешественников в Монголию Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло. Между тем, в Азии о монголах имеются обстоятельные труды многих восточных историков-современников, как персидско-арабских, так и китайских писателей. Монголы также имели тогда своих историков.

Это объясняется тем, что тогда еще молодая Западная Европа стояла на низшей ступени своего развития, чем древняя Азия, во всех отношениях, как в области духовной, так и материальной культуры.

На Руси, а в особенности у балканских славян, тогда грамотность была только в монастырях, и то в зачаточной степени своего распространения», - объективно отмечает Э. Хара-Даван (253, с.215).

В размышлениях и доводах об отрицательной роли монголо-татарского ига на Руси за основу бралось утверждение о том, что монголо-татарское нашествие повергло южнорусские земли в запустение, преградило дорогу южных княжеств в Восточную Европу, прервало связи с Болгарией и Византией, что способствовало отсталости Древней Руси, татарскому характеру его государственного устройства. В этом вопросе преуспели польские ученые, пытавшиеся обосновать и оправдать польско-шляхетскую экспансию на Востоке (88). Великий ученый-историк В.О.Ключевский, в отличие от них,

объективно отметил много факторов, определивших ход исторических процессов в Киевской Руси (106). По его мнению, запустение Южной Руси и Приднепровья началось задолго до прихода татар, население этих земель возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками еще в XII веке, на Западный Буг, в область верхнего Днестра и верхней Вислы, а также на окрестные Галицкое и Волынское княжества. Татарским погромом 1240 года это запустение лишь завершается. Эту мысль подчеркивает и украинский археолог В.О.Довженок, по которому запустение Киевской Руси началось 200 лет до монголо-татарского нашествия вследствие крестовых походов (74). Л.Н.Гумилев пишет: «Отнюдь не все русские города погибли во время Батыева набега, как «принято считать», принято потому, что «в этом сказалось господствующее представление историков о судьбах края», т.е. предвзятое мнение, «самая жестокая язва науки», и Батыю, напавшему на отступающую орду хана Котяна, Венгрию и Германию, «был нужен обеспеченный тыл и снабжение», а не запустение юго-западной Руси (53, с.536-538). Как известно, местом для форсирования захвата Европы и длительного базирования войск Батыя были избраны южнорусские степи, впоследствии превратившиеся в надежный караванный и торговый путь между Востоком и Западом, которые до тех пор служили землями для кочевки и перекочевки степняков, их непрекращающихся вылазок на Киевскую Русь и Византию. «Если монгольское владычество и привело к некоторому сокращению сношений России с Западной Европой, то, с другой стороны, оно открыло русским людям пути на Восток и содействовало их знакомству с восточными народами. С представителями этих народов наши князья и лица их свиты встречались в ставке ордынского хана в Сарае, а также в столице ве-

ликого императора в Каракоруме; в соприкосновение с теми же народами приходили и русские, служившие по набору в ханских войсках и принимавшие участие в экспедициях и походах в Азии в составе вспомогательных отрядов, поставленных князьями по требованию хана... Есть много указаний, что русские воины и целые русские части состояли на службе у ханов даже в такой отдаленной стране, как Китай…» (253, с.230).

Ссылаясь на папского миссионера Плано-Карпини, В.О.Ключевский утверждает, что по опустевшим степным границам Киевской Руси бродили остатки ее старинных соседей - печенегов, половцев, торков и других инородцев. Но историк забывает подчеркнуть другую важную деталь, что «опустевшие степные границы Киевской Руси» некогда принадлежали половцам, которые, будучи вытесняемыми из Волжской Булгарии, прикаспийских степей татарами, также возвращались на прежние места. Вместе с тем нужно отметить и разноречивость мнений о так называемом запустении Киева и его окрестностей. Если верить рассказу Плано-Карпини и комментарию Г.Ю.Ивакина, то никакого запустения не было: «Население города занималось ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. Продолжал оставаться Киев и крупным международным торговым центром. Через него шли торговые пути из Европы на Восток» (87, с.16). Об этом свидетельствуют и такие факты, как назначение ханом Ярослава и его сыновей Александра Невского и Ярослава Ярославича великими князьями и вхождение Киева в их владения, перепись населения 1257 года, усилия Киевского митрополита Кирилла, направленные на русско-ордынское сближение против католичества и крестоносцев.

Нам известно и отношение Батыя, его преемников к православному христианству, служителям церкви. Рус-

ская церковь была наделена большими полномочиями при ордынском режиме. В этом плане примечательно распоряжение хана Узбека, по которому принадлежащие русской церкви, митрополиту и прочим служителям «грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, села, виноградыы, сады, мельницы, хуторы свободны от всякой дани и пошлины: ибо все то есть Божие; ибо сии люди молитвою своею блюдут нас и наше воинство укрепляют... Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое; кто дерзнет порицать Веру Русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, да умрет!..» (102, с.225). Данный отрывок летописи цитируется Карамзиным-историком и Карамзиным-писателем, которому, несомненно, были очевидны противоречивые факты и необоснованные описания многих литературных памятников Древней Руси. Удивительно, что при такой щедрости ханов, русская церковь и монахи - авторы летописей и разных повестей, называли татар безбожниками и проклинали их. Прослеживая историю отношений золотоордынских ханов и московских князей в XIV-XV веках, по которой русская митрополия при Узбек хане была перенесена из Владимира в Москву, а брат московского князя Ивана Калиты, князь Юрий был женат на сестре хана, а сам Иван Калита в целях подчинения и присоединения других русских княжеств к Москве и покорения черкесских князей великому хану получил от Узбек хана военную поддержку в количестве пятидесяти тысяч татарских воинов. Известный турецкий ученый-историк А.Зеки Велиди Тоган недоумевает по поводу неправдоподобного описания данных событий русскими исследователями. По утверждению турецкого ученого, благодаря ханской военной помощи и женитьбе русского князя на Кончаковне, Иван Калита получил титул «собирателя Земли Русской». В результате

наделения русской митрополии со стороны хана и ханши большими полномочиями, а Ивана Калиты правом сборщика дани с русских княжеств был приостановлен контроль татарских «баскаков» над Русью, что превратило ее в самостоятельное государство (246, с.356-357).

Н.М.Карамзин пишет: «Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место» (101, с.20). Так и поступил историк: всему указал свое место, но ошибся в распределении мест. В написанной им истории России татары произошли «в степях неизвестных», покорили окрестные народы и страны, от Китая до Венгрии, в том числе Русь; опустошили русские города, утопили в крови тех, кто противился и отказывался от платежа дани, от выполнения заветов Чингисхана и законов Монгольской империи. Иного отношения и интереса к татарам в «Истории» Карамзина не было: они были, присутствовали, однако исчезли, не сыграв никакой роли в российской истории. В распределении мест им досталось самое последнее. Причину такого отношения Л.Н.Гумилев видел в следующем: «Сложность состоит в том, что ни об одном историческом явлении не существует столько превратных мнений, как о создании монгольского улуса в XIII веке. Монголам приписывается исключительная свирепость, кровожадность и стремление завоевать весь мир. Основанием для такого мнения, предвзятого и неверного, служат антимонгольские пасквили XIV века, принимаемые доверчивыми историками за буквальное описание событий» (50, с.12).

Заслуживают внимания дореволюционные исследования украинских авторов, чье объективное отношение к монголо-татарскому присутствию на Руси

вызвало критику современного русского исследователя (88,с.142-145). Приведенная Г.Ю.Ивакиным точка зрения Б.В.Антоновича и М.С.Грушевского об истинной причине запустения южной Руси и Киева и упадка княжеско-дружинного строя не одобряется исследователем в угоду советской шовинистической идеологии. На наш взгляд, цитирование автором работ дореволюционных исследователей обнаруживает противоположное мнение о монголо-татарском присутствии на юго-западе Древней Руси.

Г.Ю.Ивакин, выполнив большой объем работы, смог проследить историографические, литературоведческие, археологические и этнографические исследования русских и зарубежных ученых по теме, сумел привлечь к анализу и обобщить труды русских, украинских, белорусских, польских эмигрантов и показать их противоположную советской научной мысли позицию по данному вопросу. Однако выводы ученого остались незавершенными и необоснованными, порою даже противоречивыми. Мы склонны считать мнение М.Г.Флоринского, М.Рена, А.Г.Мазура, У.Уолша о положительных результатах монголо-татарского завоевания Руси правильным (88, с.143-144) и утверждать, что территория Украины и Белорусии, северо-западные русские земли находились под влиянием Польши и Литвы и, по существу, золотоордынские ханы ограждали Русь и русскую церковь от посягательств этих стран, которые, в отличие от Золотой Орды, старались присоединить русские земли к своим территориям и насаждать там католицизм.

Если руководствоваться концепцией Г.В.Носовского и А.Г.Фоменко о едином государственном устройстве Руси и Орды, при котором русские князья занимались государственными и хозяйственными делами, а ханы отстаивали военные интересы Золотой Орды, то следует

подчеркнуть, что даже при такой политико-административной ситуации ханы не вынуждали православное население обратиться к мусульманской вере и не вмешивались во внутренние дела княжеств, не осуществляли реформ в пользу изменения политической структуры русского общества. Весь интерес золотоордынских ханов заключался в сборе татарской дани. Однако эта политика ханов и их взаимосвязь с русскими князьями изменила военно-политическую и социально-экономическую панораму Руси, способствовала формированию нового русского характера. Эти тенденции развития не были присущи восточнославянским землям, не попавшим под монголо-татарскую власть (161, с.131-182).

Особый энтузиазм в изучении роли и значения монголо-татарского нашествия для Древней Руси проявляли евразийцы, в частности, Н.С.Трубецкой, Г.В.Вернадский, П.Н.Савицкий и Э.Хара-Даван, калмык по национальности, автор книги «Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера», также принявший евразийскую платформу. По мнению, Н.С.Трубецкого, «в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» (251, с.213), и после нарушения единства монголо-татарской империи «русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» (251, с.216). А Г.В.Вернадский отмечал, что положительные последствия монголо-татарского завоевания выразились в упадке свободных политических институтов Киевской Руси, восприятии русскими военно-административной и политической системы монголов. Будучи евразийцем, Г.В.Вернадский считал русско-

татарские отношения постоянным фактором в развитии русской истории вплоть до XVIII века; взятие Казани и Астрахани, расширение Московского царства в восточном направлении рассматривались им как основание русской евразийской империи. Г.В.Вернадский справедливо отмечал: «На новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступили в роли наследников Чингисхана, только монголы в свое время начали свое нашествие на Русь с востока и двигались на запад, русская же экспансия шла в противоположном направлении, с запада на восток» (34, с.10). При этом Г.В.Вернадский, исходя из вышеуказанной гипотезы своего единомышленника Н.С.Трубецкого, заявлял: «С геополитической точки зрения русское царство базировалось на восстановлении политического единства территории Монгольской империи. Только на этот раз центром объединения была Москва, а не Каракорум» (35, с.10). Позиция евразийцев достаточно четко выражена П.Н.Савицким, который пишет: «Монгольским завоеванием Русь была втянута в общий ход евразийских событий, в дальнейшем выяснилось, что северовосточная ее часть в лице Руси Московской, способна к выявлению той силы и духовного напряжения, которые делают наследницей монголов и позволяют этому оседлому народу принять на себя общеевразийскую объединительную роль, которую до сих пор выполняли... исключительно степные, кочевые народы» (208, с.35). В этом смысле П.Н.Савицкий вполне согласен с Н.С.Трубецким, который отмечает, что «...с ослаблением Золотой Орды произошло перенесение ханской ставки в Москву. Скифский, гуннский и монгольский периоды общеевразийской истории были продолжены периодом русским...» (208, с.37). Конечно же, отдельные высказывания евразийцев исходят из общеизвестной концепции о «соотношении леса и степи» (Древней Руси и Вели-

кой Степи - Т.Дж.), которая гласит: «В монгольский период (1238-1452 гг.) «степь» победила «лес». Но уже с середины XV в. «лес», превратившийся в Московское царство (1452-1696 гг.), взял реванш над «степью», и закончилось все это объединением «леса» со «степью» (1696-1917 гг.) (35).

Как и сто лет назад, на рубеже XX-XXI веков вновь стали злободневными вопросы евразийской концепции развития России. Но сегодня это проблема не одной только России, но и целого ряда государств и регионов, некогда входивших в состав Золотой Орды, потом Российской империи, и до недавнего времени - СССР. И не случайно, на современном этапе евразийство трактуется с точки зрения и русских, и тюрков, и монголов.

Необходимо учесть тот факт, что именно благодаря Чингисхану и его последователям впервые стали возможными политическое единство, торгово-экономическое сотрудничество и духовная близость Европы и Азии, реальность которых до создания единой монголо-татарской империи были далекой исторической перспективой. Восприняв систему управления и дух монгольской государственности, придав этой идее новое религиозно-нравственное, национальное значение (при поддержке монголо-татарских ханов) и воспользовавшись военно-политическим, религиозным кризисом монголо-татарского общества, Московская Русь превратилась в центр новых объединительных процессов, а также христианской религиозной пропаганды, которая стала возможной еще при татарах. Почти все произведения монголо-татарского цикла: летописи, воинские повести, жития святых, переводы с греческого и болгарского языков больше всего сосредотачивали внимание читателя не на военной теме, а на личном покаянии человека Древней Руси, его духовном очищении через молитву. Сопровождаемое

религиозным подъемом объединение русских земель вокруг Москвы, падение Константинополя и византийской православной церкви создали почву для новой политической теории «Москва - III Рим». Но восприняв религиозную миссию Запада, Московская Русь вплоть до царствования Ивана Грозного так и не отказалась от военно-административной системы монголо-татар. Если «Сказание о Вавилоне», «Сказание о князьях Владимирских», «Послание о Мономаховом венце», «Повесть о белом клобуке» и другие преподносили Московскую Русь как новый центр мирового христианства, то авторы «Повести о взятии Царьграда турками» и «Сказания о Магмет-салтане» призывали русского царя не отказываться от наследия монголов и тюркских народов, управлять страной так, как это умели великие монгольские ханы и великий турецкий султан Магмет.

Концепция евразийцев близка к истинному положению дел и исходит из реалий русской истории. Евразийская концепция русской истории имеет точки соприкосновения с воззрениями выдающегося историка Н.И.Костомарова. Во-первых, оригинальная концепция исторического развития России, принадлежащая Н.И.Костомарову, так же, как и концепция евразийцев в корне отличалась от господствовавших в науке воззрений. Во-вторых, она, не ставя перед собой специальную задачу выделения роли монголо-татар в русской истории, сумела объективно и всесторонне показать влияние монголо-татарского нашествия на политическое развитие России: «...Прежде над Русью не было единого господина - теперь он явился впервые в особе грозного завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружием, стала его военною добычею, его собственностью; все русские, от князя до холопа, стали его рабами без исключения. В

этом-то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумалась в период свободы». Углубившись в данные рассуждения, Н.И.Костомаров подчеркивает, что вследствие вышеизложенного исчезло «чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство перед высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души. Падению свободного духа и отупению народа способствовало то, что Русь постоянно была в разорении, нищете и малолюдстве» (118, с. 47). Прослеживая отечественную историю XIII-XVII вв., истребление народа при царе Иване Васильевиче Грозном (18), автор ищет ответ на вопрос: «В чем истоки покорности русского народа?». Ученый отмечает: «При периодических посещениях татар, при нередких набегах литовцев, а вдобавок, при частых княжеских усобицах русское народонаселение было малочисленно, бедно и приучено к вечному страху за свое существование, а потому сделалось способным к безгласному и бессмысленному повиновению грозе и силе и составляло готовый материал для единодержавия» (119, с.47-48).

Эта мысль историка Н.И.Костомарова примечательна не только с целью выявления положительной или отрицательной роли монголо-татарского влияния на развитие и формирование русского характера. Она прежде всего необходима для объективной оценки и правильной интерпретации исторического хода событий, для понимания значения литературных источников при рассмотрении и осмыслении монголо-татарского нашествия. Требуется беспристрастный, научно-объективный анализ литературных памятников, едва ли не единственных источников о жизни Древней Руси, более двух столетий являвшейся одной из провинций великой империи монголо-татар.

Краткий очерк описания русской историографии и литературной мысли о монголо-татарском присутствии на Руси, выявление разноречивых научных мнений о последствиях и политической перспективе золотоордынского ига предопределяет рассмотрение летописных сводов и воинских повестей монголо-татарского цикла в историческом аспекте, анализ идейно-тематических, художественных и стилистических особенностей данных памятников в целях объективного восприятия важнейших событий русской истории шести-семивековой давности, оказавших благотворное влияние на дальнейшую судьбу русского народа. Следы этого влияния легче искать и обнаруживать в более и менее уцелевших произведениях литературы, а также летописных сводах, нежели в трудах историографов и учебниках истории.

Исходя из этого, в последнее время мы заговорили о литературном аспекте евразийства, что привлекло бы древнерусские литературные памятники в орбиту новых исследований, подчернкуло бы их значимость в изучении и сохранении материальных и духовных ценностей евразийского культурно-исторического ареала (278).

2.1. Характеристика монголо-татар в русских повестях и летописях

Объектом нашего исследования являются те летописи и древнерусские повести, которые не подвергались, на наш взгляд, переделке и переписыванию. Следует подчеркнуть, что целые тексты или отрывки из известных летописных повествований, воинских и житийных повестей, содержащих отрицательную характеристику монголо-татар, в целом, обычаи и обряды, религиозные

традиции, а также военное искусство, административную систему управления, процедуру присвоения титула великого князя русским князьям и другие факты познавательного характера о «враге незнаемом» в первоисточниках, так и остались незатронутыми. Это соответствовало литературным интересам древнерусских авторов, нашедших в лице монголо-татар отрицательный образ русской литературы XIII-XV вв. Негативно освещались и те русские князья, которые находились в стане монголо-татар и помогали им. «Летописная повесть о Куликовской битве» называет Олега Рязанского «поборником бесерменским», «лукавым сыном», а литовского Ягайлу «диаволю съвѣтникомъ, отлученнымъ сына божиа, помраченымъ тмою грѣховною и не въсхотѣ разумѣти» (126, с.112). Автор «Задонщины» Сафоний-рязанец, осознавая вину своих земляков, поддерживающих Мамая, подчеркивает их тяжелую участь. Как будто «за обиду великого князя Дмитрея Ивановича» (126, с.104) все беды свалились на сообщников золотоордынского хана: «И в то время по Резанской земле около Дона ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но толко часто вороны грают трупу ради человеческаго, грозно бо бяше и жалостъно тогды слышати; занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася» (126, с.104).

Было бы несправедливым считать, что все русские историки руководствовались антимонгольскими настроениями древнерусских произведений. Особая заслуга в изучении военного искусства монголо-татар, их привычек, обрядов и поверий, взаимоотношений с другими народами, а также законов и нравов, одним словом, всего образа жизни ордынцев, принадлежит «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева. Заметки и выводы тонкого историка, касающиеся монголо-татар, опирают-

ся не только на данные русских летописей, но и на описания известных западных путешественников Плано-Карпини и Рубруквиса, очевидцев событий, происходивших в самой Орде, а также на мифические, фольклорные и религиозные представления монголо-татар. В отличие от В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина С.М.Соловьев пытается внести ясность во многие эпизоды русских летописей, с непониманием и односторонне комментируемых и последующими поколениями ученых-историков, литературоведов. С.М.Соловьев пишет: «Сильно верят гаданиям и чарам; думают, например, что огонь все очищает, и потому иностранных послов и князей с дарами их проводят сперва между двух огней, чтоб они не могли принести хану какого-нибудь зла... мир заключают они только с теми народами, которые соглашаются признать их господство, потому что Чингисхан завещал им покорить по возможности все народы. Условия, на которых татары принимают к себе в подданство какой-нибудь народ, суть следующее: жители подчиненной страны обязаны ходить с ними на войну по первому востребованию, потом давать десятину от всего, от людей и от вещей, берут они десятого отрока и девицу, которых отводят в свои кочевья и держат в рабстве, остальных жителей перечисляют для сбора подати. Требуют также, чтобы князья подчиненных стран являлись без замедления в Орду и приводили богатые подарки хану, его женам, тысячникам, сотникам...» (231, с.144-145). Русским историком широко комментируются такие известные мотивы русских летописей и воинских повестей, как описания военных примет, военных и дипломатических способов взятия городов и крепостей, взаимоотношений воинов, своеобразного кодекса поведения бойцов при наступлении и отступлении, других особенностей военного устройства Орды.

С.М.Соловьев объективно показывает народ, который отличался по своим религиозным воззрениям (шаманизм). Он высоко оценил волю и политическое умение ордынских правителей подчинять и удерживать в орбите влияния другие народы. Эта традиция исходила еще от Чингисхана. Политическую дальновидность московские князья унаследовали от времен монголо-татарских ханов, но усвоили ее лишь в конце XIV-середине XV веков.

Высокий культурный уровень монголо-татар, их уважительное отношение к другим народам, по мнению Соловьева, проявляется в их необыкновенной терпимости к чуждым вероисповеданиям, а также в освобождении служителей всех религий от платежа дани. Русский историк, ссылаясь на путешественника Рубруквиса, упоминает любопытный спор, происходивший по ханскому приказанию «между проповедниками трех религий - христианской, магометанской и языческой» (231, с.145). Этот спор перед ханом Мункэ напоминает тайную беседу Искендера с семью мудрецами из поэмы «Икбал-намэ» Низами. По мнению Э.Хара-Даван, «сам основатель империи в то жестокое, насыщенное людской кровью время, сумел оставить изречение, заслуживающее быть причисленным к лучшим достижениям человеческой культуры: «Уважаю и почитаю всех четырех (Будду, Моисея, Иисуса и Магомета) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником» (253, с. 233). Слова Чингис-хана цитируются по книге С.Ф.Платонова «Лекции по русской истории» (СПБ., 1915; Пг, 1917). Такая веротерпимость монголов послужила завоеванию ими 4/5 территории Старого Света, многовековому существованию Великой Монгольской империи.

Представляя монголо-татар как высококультурный народ с богатыми духовными ценностями, высоким воин-

ским искусством и духом, историк С.М.Соловьев нарушил устоявшуюся традицию предвзято изображать ордынцев как дикую, свирепую и беспощадную массу людей, появившихся неизвестно откуда и живших изолированно от всего мира. Были восстановлены, дополнены и обоснованы немотивированные эпизоды летописей, повествующих о быте и нравах, поверьях и обычаях, военных приметах, религиозных представлениях монголо-татар, общественно-политической обстановке в Орде.

XIII-XV вв. - это особый период в жизни Древней Руси, характеризующийся бурными военно-политическими событиями, культурным ростом и религиозным развитием общества, расширением кругозора древнерусского человека, повышением литературного мастерства книжников, авторов художественных сочинений различного рода и содержания. Освобождение древнерусского автора от прежних стереотипов описания неславянских народов, их происхождения, быта, обрядов и верований привело к расширению круга реальных знаний читателя. Исследователь А.С.Демин подметил в большинстве воинских повестей и летописей XIII-XV вв. глубокий интерес русских авторов к внутренней жизни Орды, ее богатствам и искусству, военной тактике и военным приемам монголо-татар. Перечисляя такие известные и широко исследованные памятники, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Житие Михаила Черниговского», «Галицко-Волынская летопись», «Новгородская первая летопись», «Повесть о нашествии Тохтамыша» и другие, А.С.Демин (63, с.191-195) заострил внимание на фактах и деталях названных произведений, позволяющих рассмотреть монголо-татар в несколько ином аспекте - не только в образе дикого и свирепого врага, но и воинственного народа, обладавшего своеобразными обычаями, богатыми

материальными и духовными ценностями. В «Повести о разорении Рязани Батыем» исследователь обращает внимание на перечни татарских чинов, в «Житии Михаила Черниговского» и «Галицко-Волынской летописи» описывает татарские обряды поклонения солнцу, луне, земле, мертвым, ритуалы проведения приезжих меж двух костров и питья кумыса. В русских летописях и повестях нередко упоминается о татарском богатстве - дворах, шатрах, вежах, юртовищах, телегах, наполненных многочисленными товарами, татарских узорочьях, доспехах, конях, волах, верблюдах и других, сообщается о живущих в Орде мастерах, седельниках, лучниках, кузнецах железа, медниках и ювелирах. Подробное изображение обрядов, роскоши и богатства, образа жизни монголо-татар А.С.Демин оценивает как этническую зоркость древнерусского общества (63, с.193).

Данный интерес к монголо-татарам обоснован не только этнической зоркостью, но и торгово-экономической потребностью древнерусского общества, вполне понятной любознательностью русского человека к политической структуре и атмосфере империи, куда отправлялись русские князья за великим княжением и разрешением споров и их сопровождало огромное количество людей, в том числе и купцов с большими партиями русских товаров, дарами. Из Империи русские купцы возвращались с ордынскими товарами. В центр Империи, ее столицу Каракурум собирали мастеров из подвластных монголо-татарам стран и земель, в том числе русских княжеств, обеспечивавших войска Орды современным оружием и снабжением. Русские князья, будучи вассалами ханов, нередко выступали против Литвы, Польши, Венгрии, а также против Тимура в составе монголо-татарского войска. Шел процесс взаимоузнавания, благодаря которому обо-

гащались представления о монголо-татарах. Если в летописях XIII века русские авторы ужасались бесчисленности монголо-татарских войск и их беспощадности, то в произведениях XIV-XV вв. преобладала военная характеристика противника, описание тактики ведения боя татарами. Но еще в XIII веке автор «Повести о разорении Рязани Батыем» выделил своеобразную тактику ведения боя монголо-татарами: «Царь Баты окааный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду к Резани. И обьступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремѣно бьяшеся. И многих гражан побиша, а инѣх уазвиша, а инии от великих тродов изнемогша. А въ шестый день рано приидоша погани ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инѣи со тмочисленными лѣствицами, и взяша град Резань...» (184, с. 188-190). Более подробное описание военного искусства татар находим в произведениях конца XIV - середины XV веков. В «Повести о нашествии Тохтамыша» татары проявляют себя искусными воинами и хитроумными предводителями: «Ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще изучени суще, инии на конѣ борзо гоняще на обѣ руцѣ, а пакы и напред и назадъ скорополучно без прогрѣхы стрѣляху. А друзии от них, створше лѣствици и присланяюще я, лазяху на стѣны. Гражане же воду в котлех варяще кипятню и льяху на ня, и тако възбраняхуть им. Отшедшим же симь, и пакы приступлышимъ» (182, с.196). Не справившись с москвичами, защищавшимися без великого князя, царь Тохтамыш сумел обмануть горожан и пришедшего им на помощь литовского князя Остея лживыми речами о мире и войти в город. Умение монголо-татар хитростью и обманом превзойти врага особо подчеркивалось в воинских повестях Древней Руси относительно позднего периода. Авторы этих повестей

хорошо усвоили тактику и стратегию татарских ханов: «Аще бо когда не мнози обрѣтаются, то лестно и злоковарно честьми окладають князей наших и дары украшають, и тѣм злохитрьство свое потаают, и миръ глубокъ обѣщавают имѣти съ князми нашими, и таковым пронырьством ближняа от любве разлучают, и усобную рать межи нас съставляють» (217, с.244). Опыт борьбы с татарами привел к победе над Ахмет-ханом на Угре, окончившейся возрождением независимости Русской Земли.

Военная характеристика монголо-татар в литературных памятниках эпохи включает также описание их морального облика, рыцарской доблести, воинской чести. Это нередко проявляется при изображении образа хана Батыя, полководца, высоко оценившего политическую мудрость, достойное сопротивление, гордость и несгибаемую волю некоторых русских князей и богатырей. Не случайно хан Батый выбрал себе союзником князя Александра, который, заключив взаимовыгодный военный договор с монголо-татарами, сумел отстоять северо-западную Русь от претендовавших на русские земли и города шведов, немцев и литовцев. А благодаря сыновьям Ярослава Всеволодовича Батыю удалось перебороть Гуюка и посадить на престол своего сторонника Мункэ. Вспомним сцену из «Повести о разорении Рязани Батыем». Будучи свидетелем героического поступка русского богатыря Евпатия Коловрата и его дружины, хан Батый посылает за своими мурзами, князьями и санчакбеками, чтобы все они стали «дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству» (184, с.192). Высокая оценка героизма и мужества Коловрата («Аще бы у меня такий служилъ, - держал бых его против сердца своего» (184, с.192) и приказ Батыя похоронить убитого богатыря, отпустив оставшихся в живых его людей, свидетельствует о высокой рыцарской морали и чести татарского хана.

Летописи и воинские повести сообщают о свирепости и зверствах монголо-татар, происходивших в результате неподчинения русских князей законам империи, заветам Чингисхана, неуважительного отношения к поверьям и обычаям ордынцев: «Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогающи от великых ран, и хотя его изврачевати от великых ран, и на свою прелесть возвратити. (Здесь подразумевается шаманизм - Т.Дж.). Князь Олег Ингворевич укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьанска» (184, с.188).

Самым трогательным среди древнерусских произведений на монголо-татарскую тему является «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора». По настоятельному требованию татар: «Не подобаеть жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившеся има» (215, с.229), - князь Михаил со своим боярином Феодором отправляются в Орду, где и происходит их убийство.

Автор статьи «О религии татар по русским летописям» Н.Веселовский обнаруживает в русских источниках описание таких известных ритуалов и поверий монголо-татар, как очищение огнем, поклонение огню, поклонение солнцу и луне, поклонение кусту, поклонение идолам. Н.Веселовский приводит рассказ Плано-Карпини о том, как Михаил Черниговский, будучи истинным христианином, отказался поклоняться Чингис-хану, «изображению мертвого человека», отмечая: «с грустью приходится сознаться, что погиб он со своим боярином Феодором по печальному недоразумению и потому напрасно» (36). Трагическое недоразумение между великим князем Михаилом, не пожелавшимся принять чужую веру, и ханом Батыем-шаманистом, в действительности не враждебным христианской вере, исследователь прокомментировал

следующим образом: «Батый не касается христианской религии, он хочет обезопасить себя огнем, т.е. заботится только о себе, и все повинуются ему, лишь князь Черниговский отказывается исполнить это требование. Батый посылает стольника своего Елдегу уговаривать князя; но тот пуще стоит на своем, стало быть он, по мнению Батыя, таит злой умысел в виде какого-то колдовства и не хочет от него отказаться. Значит, помимо ослушания, великий князь Михаил является еще человеком крайне опасным, тем более опасным, что чары могут действовать и на некотором расстоянии. Батый не мог быть спокоен за себя и прибег к казни русского князя вместе с его единомышленником, боярином Феодором» (36, с.89-90). Великий князь был казнен за свой ответ: «Не хощю токмо именемь христьянъ зватися, а дѣла поганых творити» (215, с.232), что означало неподчинение хану и законам, установленным Уложением Чингисхана. Характер отношений ханов к подвластным им народам, в том числе к русскому населению также определяется их шаманистическими взглядами: «Освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от податей и повинностей, происходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить» (36, с.82-83).

Русское летописание середины XIII-XIV вв. в основном сосредоточило внимание на борьбе отдельных князей за право быть великим, выступить наместником золотоордынских ханов на Руси, что повлекло за собой разорение и запустение таких центральных русских княжеств, как Московское, Рязанское, Тверское, Суздальское, Новгородское и другие. В яростной схватке за великое княжение наместники ханов - великие князья предавали своих соседей, приносили в жертву своих братьев и сы-

новей. Из-за постоянного противостояния московских и тверских князей и по их наущению вся Владимирская земля, особенно Рязанское княжество, подвергались опустошительным набегам золотоордынских войск, а чаще всего сам великий князь, воспользовавшись поддержкой хана, разорял непослушных соседей. Чтобы оправдать себя и превзойти соперника, претендовать на великое княжение и закрепиться там, русские князья отправлялись в ханскую ставку с большим караваном даров и угощений, одаривали ханов и ханш, ханских полководцев, даже ханскую прислугу. Сославшись на русские летописи, историк Н.И.Костомаров вносит большую ясность в характеристику взаимоотношений монголо-татар с русскими князьями. «К концу XIII века уже перестали посылать баскаков, кроме исключительных случаев, и сбор дани был везде возложен на князей. Самый размер дани был неравен и зависел от сделки, заключенной князем в Орде. Понятно, как должна была подняться и усилиться власть князя над народом: от него зависело распределить дань… Таким образом, князьям стали нужны татары, потому, что в случае столкновения с прежними вечевыми началами могли подать им помощи против народа. Князья входили в дружеские сношения с завоевателями, женились на ханских дочерях, служили ханам против их неприятелей и испрашивали татарской помощи в своих междоусобиях» (118, с.46).

Прослеживание литературных памятников XII-XIV вв., рассмотрение каждого сказания, повести или летописного сочинения в отдельности, а также всего цикла выявляет неоднозначное отношение древнерусских авторов к событиям так называемого «трагического века» в истории России, которое содержится в самих текстах. Даже поздние реконструкции оригиналов, целенаправ-

ленные попытки многих исследователей, ссылаясь на тексты, преподнести батыевщину как национальную трагедию великоруссов, не смогли завуалировать подлинный облик древнерусских памятников.

Величайшим произведением этой эпохи является «Галицко-Волынская летопись», по значению и роли не уступающая «Повести временных лет». Эта летопись, отражая истинное положение вещей и более детально воспроизводя исторические события и факты восьмивековой давности, стала своеобразным продолжением «Повести временных лет». Главным героем «Галицко-Волынской летописи» является Даниил Романович, сын Романа Мстиславича, внук Мстислава Изяславича, праправнук Мстислава Великого и прапраправнук главной литературно-исторической фигуры «Повести временных лет» - Владимира Мономаха. В «Галицко-Волынской летописи», как и в «Повести временных лет», преобладает мотив княжеских ссор, присутствия половецких ханов в княжеских делах, использования их как против самих русских князей, так и ляхов, чехов, венгров, литовцев. «Повесть временных лет» изобилует батальными сценами; невозможно обойти вниманием ее заслугу в формировании жанра воинской повести в древнерусской литературе. Несмотря на редкое присутствие монголо-татар в летописи, их военная тактика, боевая подготовка, неисчислимое вооружение и войско, страшные сцены взятия ими городов и крепостей описаны достаточно подробно: «Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву в силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомь силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарьская, и бысть град в обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обсѣдяху град. И не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания от гласа стадъ конь его, и бѣ испол-

нена земля Руская ратныхъ» (44, с.294). Или: «Потом же придоша к Судомирю, и объступиша и со всѣ сторонѣ, и огородиша и около своимъ городомъ, и порокъ поставиша. И пороком же бьющимь не ослабно день и нощь, а стрѣламъ не дадущимъ выникнути изъ заборолъ, и бишася по четырѣ дни, в четвертый же день сбиша заборола с города. Татаровѣ же начаша лествицѣ приставливати к городу и тако полѣзоша на город. Наперед же возлѣзоста два татарина на городъ с хоруговью и поидоста по городу сѣкучи и бодучи...» (44, с.352).

«Галицко-Волынская летопись» опровергает аргументы и доводы исследователей, которые отрицают византийские, болгарские, польские связи русских княжеств и называют батыевщину основной причиной запустения юго-запада Древней Руси. Как явствует из текстов «Галицко-Волынской летописи» и «Жития Александра Невского», юго-западные и северные области Древней Руси почти не испытали на себе монголо-татарского нашествия. Как далеки были от монголо-татар Венгрия, Чехия, Польша и Литва, так же не сильно ощутили их гнета и присутствия названные русские земли. Но юго-запад и север Древней Руси никогда не имели такую военную и политическую силу, которую имели при батыевщине. Монголо-татарами были захвачены и в скором времени оставлены многие чешские, ляшеские, немецкие города и поселения.

Являясь подданным Батыя, великий русский князь Даниил Романович практически осуществлял его западную политику. Монголо-татары десятилетиями оказывали политическое давление на западные королевства. Судя по «Галицко-Волынской летописи», посредниками между ханами и европейскими правителями выступали именно русские князья. В разрешении многих военно-политиче-

ских споров немецкие, угорские, чешские, ляшеские короли и литовские князья доверялись Даниилу Романовичу, его брату и сыновьям. Примечателен в этом отношении отрывок из текста летописи: «Въ лѣто 6760. Присла король угорьскы к Данилу, прося его на помощь, бѣ бо имѣ рать на бой с нѣмци. Иде ему на помощь и приде къ Пожгу. Пришло бо бяху посли нѣмѣцкыи к нему ... Данила же приде к нему, исполчи вся люди своѣ. Нѣмьци же дивящеся оружью татарьскому, бѣша бо конив личинахъ и в коярѣхъ кожаныхъ, и людье во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску. Бѣ бо конь под нимь дивлению подобенъ, и сѣдло от злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оловира грѣцького и круживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцем же зрящимъ, много дивящимся» (44, с.320). Удивительно, что князь Даниил шел на немцев во главе татарского войска; он и его полки представлены в стиле описания монголо-татар. При всем этом, являясь подданным Батыя и его преемников, Даниил Романович получил от Папы Римского титул Короля. Папа Иннокентий путем присвоения великому русскому князю королевского сана стремился укрепить позиции католичества на востоке, а Даниил Романович, принимая титул короля, хотел освободиться от татарской дани и отказаться от «чести татарской». Вспомним слова летописца, описавшего пребывание русского князя в ханской ставке: «О злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ И Галичемь со братом си, инѣи странами, ньнѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться!» (44, с.314). Верную оценку политической ситуации на Руси и

действиям князя Даниила Романовича по отношению к Золотой Орде и соседним европейским государствам дал историк С.М.Соловьев: «Даниил мог немного утешиться немедленным полезным следствием своей поездки к хану: король венгерский, испуганный не столько Ярославскою победою, сколько благосклонностью Батыя к Даниилу, тотчас же прислал к последнему с предложением мира и родственного союза, который прежде отвергнул... Но чем спокойнее было княжение Даниила внутри, чем славнее становился он между соседними государями европейскими, тем тягостнее была для него злая честь татарская, и он стал искать средства к свержению ига. ... сломить могущество татар, отбросить их в степь можно было только с помощью новых крестовых походов, с помощью союза всей восточной ее половины...» (231, с.170).

Присутствие монголо-татар на Руси, подчинение всех русских земель единому хозяину - золотоордынскому хану - повлияло и на стабилизацию внутриполитического положения отдельных княжеств. При татарах это было характерно и для Галицко-Волынской Руси: «Опираясь на военную поддержку татар, князья Галичины и Волыни начинают чувствовать себя независимыми от воли и поддержки местных общин: татары становятся для князей «действенным орудием при проведении внутренней политики...». Княжеская власть начинает приобретать монархические черты, боярство мало-помалу отделяется от общины и переходит под эгиду князя, превращаясь в военно-служилое сословие» (141, с.612). Опираясь на это заключение исследователя, сделанное на материале Галицко-Волынской летописи, следует сказать, что изменение общественно-политического устройства большинства древнерусских земель под воздействием татар привело к будущему собиранию княжеств вокруг

Москвы. Подчинение Твери, Пскова, Новгорода Москве стало возможным в результате этих объединительных процессов.

Более привлекательна политическая фигура современника Даниила Романовича - Александра Невского, чьи отношения с Золотой Ордой отличались стабильностью и искренностью. Не случайно «Житие Александра Невского» преподносит его как идеального князя, завоевавшего полное доверие Батыя и отстоявшего Псков, Новгород и другие русские города от немцев и шведов, а православное христианство - от католичества.

Сравнивая великого русского князя с выдающимися людьми разных эпох - Александром Македонским, Ахиллесом, Девгением Акритом, императором Веспасианом, Иосифом Прекрасным, Самсоном, Давидом, Моисеем, Иисусом Навиным, «Житие Александра Невского» удачно сочетает в себе элементы агиографической и воинской повестей и возводит героя в ранг святых. Подобного жизнеописания князей русская литература не знала. Именно при Батые стали реальными могущество и святость великого русского князя.

Официальная русская историография, исследования по литературным источникам, повествующим о жизни и деяниях Александра Невского, его отца, сыновей и внуков преподносили и преподносят их как дальновидных русских князей, нашедших в Батые и его преемниках своих союзников, благодаря которым им удалось долгое время отстаивать северо-западную и юго-западную Русь от натисков немцев и шведов, литовцев, поляков и венгров. Полное доверие русским князьям в сборе дани, отсутствие татарских баскаков на Руси, поддержка московских князей тверичами, рязанцами и другими привели к превращению Москвы в центр объединительных процес-

сов и, конечно, способствовали победе Дмитрия Донского над Мамаем. Однако в последние годы русскими исследователями высказываются сенсационные и нетрадиционные мнения об истинной роли князя Ярослава, его сына Александра, их преемников в судьбах Древней Руси (31, с.98-248).

Полное недоумение вызывают утверждение и гипотеза А.А.Бушкова о «вымышленной фигуре» Батыя, которому «частью приписаны деяния Ярослава, частью - Александра», и о том, что никакого «татарского нашествия», «никаких пришельцев» не было, а Русь находилась под игом Ярослава, «приемного сына» Батыя - Александра, его сыновей, племянников и внуков (31, с.143-161).

Хотя гипотезу А.А.Бушкова в целом нельзя принимать всерьез, но его обращение к «документированным» фактам - описаниям летописей дает повод для определенных размышлений вокруг «злодейств» самих русских князей, приписываемых татарам. Определяя местонахождение Каракурума «не в Монголии и не в Китае», а где-то на Волге, и назвав татар не «пришельцами», а «жителями Заволжской орды», А.А.Бушков выдвигает правдоподобную, но не вполне обоснованную версию, близкую трактовке событий Г.В.Носовским и А.Т.Фоменко, по которой Древняя Русь имела своеобразную военно-политическую структуру, состоящую из политической (административной) власти русских князей и военной диктатуры Орды (161, с.131-182).

На наш взгляд, взаимоотношения Древней Руси и Золотой Орды должны рассматриваться в контексте многовековых контактов и сожительства «леса» и «степи», традиционных связей восточнославянских и степных (тюркских) народов. Слова автора Лаврентьевской летописи «явишася языци, их же никто же добрѣ ясно не вѣсть, кто

суть, и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ. И зовут я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенѣзи» (127, с.132) подсказывают ответ на многие вопросы и недоразумения, связанные с подлинным характером монголо-татарского нашествия на Русь. Ведь русскими летописями примерно так же представлялись и другие степняки. Логически ответ вытекает из самой истории взаимоотношений Древней Руси и Великой Степи: откуда явились хазары, огузы, булгары, печенеги и половцы, оттуда же и монголо-татары, ставшие мощной военной силой империи Чингисхана, а чуть позже вершителями военно-политической судьбы Джучиевого Улуса, куда входили подчиненные золотоордынским ханам земли Киевской, а в дальнейшем Московской Руси.

Тщательный анализ текстов «Галицко-Волынской летописи», «Жития Александра Невского», «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», летописных повестей о монголо-татарском нашествии, а также предвестников надвигающейся грозы - «Слова о погибели Русской земли», «Слов» Серапиона Владимирского» - выявляет, что памятники XIII века не подверглись существенным исправлениям и уцелели от правок книжников-церковников. Все названные памятники литературы рассматривают чужеземное иго как прямое следствие «вражды» князей между собой. В них и «внешнее поражение Руси воспринималось как следствие ее внутреннего неблагополучия» (134, с.23). А что касается сцен разорения и захвата русских городов, истребления населения, беспощадного обращения монголо-татар с религиозными и культурными памятниками, то это было характерно не только для русско-татарского противостояния, но и для военных столкновений русских князей со шведами, поляками, немцами, литов-

цами, а также для усобиц между Москвой и Новгородом, Москвой и Тверью, Новгородом и Псковом. Литературные памятники монголо-татарского периода - это отражение исторических фактов и духовных ценностей не одной только Руси, но и своеобразных нравов и обычаев, религиозных обрядов и бытовых навыков монголо-татар. Это летопись жизни названного евразийцами особого географического, этнического и культурно-исторического мира, России-Евразии, не принадлежащей ни Востоку, ни Западу.

2.2. Идейно-тематические и жанровые особенности воинских повестей монголо-татарского цикла

Повесть является одним из древнейших жанров русской литературы. У истоков этого жанра стоят два величайших памятника Древней Руси - «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве», оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие русской литературы, на ее идейно-тематическое обогащение и художественное оформление. Как оригинальные, так и переводные повести Древней Руси отличались жанровым разнообразием, свойственными им композиционными приемами и изобразительно-выразительными средствами. Древнерусские авторы широко применяли литературную обработку исторических событий, при этом обогащая свой язык устно-поэтической образностью.

Русская литература X-XVII веков изобилует разными по тематике и жанровым особенностям повестями: житийными, агиографическими, воинскими, историческими, нравоучительными, сатирическими и др. В «Повести

временных лет» легко обнаруживаются самостоятельные сюжетные линии, так называемые повести или повествования об исторических событиях, житиях, военных походах и столкновениях, мученической смерти русских князей. «Повесть временных лет» стала не только первым произведением данного жанра в литературе Древней Руси, но и вобрала в себя множество житийных, летописных, воинских, исторических сюжетов и тем самым выявила возможности и перспективы развития жанра повести. «Конечно, древнерусские повести представляли собой нечто, весьма отличное от повестей новой русской литературы», - отмечает в своем исследовании Б.С.Мейлах (146, с.5). В свою очередь Я.С.Лурье подчеркивает в них «эмоциональное восприятие» событий и стремление авторов показать события в движении, что было свойственно «и историческим (летописным и внелетописным), и житийным повестям Древней Руси (139, с.24).

Сама жизнь Древней Руси, ее неровные отношения с соседними странами и народами, а также противостояние Великой Степи, а в дальнейшем монголо-татарам и туркам, расширение и укрепление Московской Руси определили характер русского летописания X-XV веков, стиль и тематику литературных памятников Средневековья. В большей части древнерусских повестей и летописных сводов преобладала военная тема. Но если в литературе домонгольского периода таких произведений насчитывалось единицы, то на последующем этапе (во времена монголо-татарского нашествия) появилась сотня повестей, а также летописных сочинений, отражающих военное противостояние русских князей и монголо-татарских ханов. Однако, как первые, так и последующие повести о монголо-татарском присутствии на Руси не отошли от литературных традиций X-XII веков, строго следуя стилю пере-

водных и оригинальных древнерусских произведений, обнаруживающих наличие военной тематики. Попытки авторов «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщины» ввести в текст указанных повестей мотивы «Слова о полку Игореве», отталкиваться от его художественного плана и полотна, сохранять тот же эмоциональный настрой и патриотические нотки очень удачно сочетали настоящее с прошедшим, обеспечив не только последовательность и преемственность существовавших литературных канонов, но и адекватное восприятие противоречивых и взаимоисключающих друг друга исторических событий и фактов, демонстрацию бесспорной внутренней связи между эпохами. Древняя Русь и Великая Степь стали ареной военных противостояний десятков славянских, тюркских и других племен и этнических групп, в результате чего народы ассимилировались, появлялись новые этносы, унаследовавшие материальные и культурные ценности исчезнувших или переименованных. Однако стиль и манера описания военных стычек, боевых действий, характеристика противника не менялись в течение долгих столетий. Незначительны различия в описании хазар, тюрков, гузов, печенегов и половцев в русском летописании X-XII веков и в изображении турок в воинских произведениях XVII века - повестях об Азове. Тематически и типологически тождественны «Повесть о разорении Рязани Батыем», относящаяся к середине XIII века, и воинские повести конца XIV - середины XV веков о приходе на Русь Тимур-Аксака и Едигея. В одном из первых произведений о монголо-татарах, в «Повести о битве на реке Калке» дан образ былинного героя Алеши Поповича, участника совместного сражения русских и половцев против монголо-татар. Сюжет о героическом поступке богатыря Евпатия Коловрата

имеет особую смысловую нагрузку в «Повести о разорении Рязани Батыем». Использование фольклорных мотивов, усиление роли представителей народа в защите родных земель и городов, описания религиозных святынь подчеркивали всенародный характер борьбы, которая велась не только против монголо-татар, но и тех удельных князей, по вине которых так легко разорялись и сдавались русские города и поселения. Первые русские повести о монголо-татарах не ограничивались оплакиванием всеобщего горя, изображением душераздирающих сцен захвата городов, нередко сопровождающихся набегами князей; в них на передний план выдвигались молитвы за христианскую веру и русские земли, за отпущение грехов тем, кто бесконечными ссорами и распрями наводили на Русь иноземцев.

Эти первые повести служили нравственному очищению древнерусского человека, пониманию и осознанию необходимости единения в условиях батыевщины. Объединяющим фактором выступала церковь, единственная духовная и нравственная сила русского общества того времени. Княжеская же власть к приходу монголо-татар, да и задолго до этого, дискредитировала себя частыми братоубийствами, предательствами и нарушениями условий не раз проводимых княжеских съездов. Даже в таких типичных воинских повестях, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о приходе Тимур-Аксака» и других неслучайно превалируют религиозные мотивы, благодеяния, чудеса и молитвы церковнослужителей; естественный ход событий и развитие сюжета подчиняются воле святых или молитвенников. Отсутствие движения компенсируется сильными эмоциями героев и немотивированностью появления эпизодов. Произведения

монголо-татарского периода в художественном отношении уступали «Повести временных лет», «Слову о полку Игореве», «Молению Даниила Заточника», «Поучению Владимира Мономаха», так как осталась позади эпоха монументального историзма, и на неопределенный срок отошли на задний план многие начинания перечисленных произведений русской литературы светского характера, к которым она вернулась лишь в XVII веке в нравоучительных, сатирических и бытовых повестях. Эти произведения выполняли определенную познавательную функцию. При этом строгого подчинения основному сюжету не было; необоснованность и немотивированность поступков героев, случайность эпизодов принимались за литературную норму. На наш взгляд, снижение художественности, эпичности и образности литературы было связано с отстранением книжников-летописцев, светских людей от литературного дела и переходом его в руки церковнослужителей. И это было естественно, так как русские князья, включая и великого, не имели политической самостоятельности. Литературное же дело, деятельность летописцев всегда дополняли политику русских князей. В условиях веротерпимости татар церковь в противовес княжеской власти в определенной степени поощрялась. При этом русские воинские повести и летописи свидетельствуют о случаях грабежей и разрушений церквей, убийств церковнослужителей. Православная русская церковь, освобожденная при хане Узбеке от налогов, притеснений и преследований, стала носительницей не только религиозных, но и государственных идей. На возрождавшемся, благодаря покровительству золотоордынских ханов, православном христианстве базировалась идеология будущей русской государственности. Следует отметить, что Древняя Русь устояла перед наплывом

католических эмиссаров и достойно выполнила миссию, возложенную на нее еще при Владимире Мономахе. В XIV-XV века на Москву, объединяющую вокруг себя русские (да и золотоордынские земли, Крымское и Казанское ханства), возлагалась не только религиозная миссия. Она также становилась и преемницей государственных символов разрушающейся православной Византии. Географическое положение Московской Руси, ее исторические связи с Востоком и Западом, падение Константинополя и ослабление восточных соседей - Золотой Орды и Государства Тимуридов - создали благодатную почву для превращения Москвы в новый центр мирового христианства. Этому способствовала и политическая ситуация на Руси накануне Куликовского сражения. Присоединение многих русских князей к призыву Дмитрия Ивановича о совместном выступлении против Мамая, удачный исход битвы с дальнейшим расколом в рядах татар и захватом власти Тохтамышем - начало политической перспективы Московского княжества, так проницательно определяемой авторами «Повести о битве на реке Веже», «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», летописных повестей Куликовского цикла. Эту перспективу выявила и «Повесть о приходе Темир-Аксака», где «по божьему велению и чудотворному влиянию» иконы Святой Богоматери Москва избавилась от гнева страшного Темира. В целом же политическая теория «Москва - III Рим» утвердилась в литературе XV-XVI веков в таких известных исторических памятниках, как «Повесть о взятии Царьграда турками», «Сказание о Магмет-салтане», «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о Мономаховом венце», «Повесть о белом клобуке», «Повесть о Вавилоне» и т.д. Эти произведения тематически и типологически родственны воинским повестям монголо-татарского цикла.

В литературе Древней Руси жанровое определение было неустойчивым, так как в одном и том же сочинении Средневековья происходило смешение жанров. Порой определенный жанр включает в себя систему поджанров, что затрудняет жанровую характеристику произведений Древней Руси современным исследователем. Целесообразно ли называть те же «Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о приходе Темир-Аксака» и пр. воинскими повестями. В то же время они предстают перед нами как описания исторических событий и отражают в себе важные хронологические данные, впоследствии ставшие материалом для школьных и вузовских учебников и академических изданий. В то же время «Повесть о взятии Царьграда турками», отражающую важнейшее историческое событие, падение Константинополя, нельзя назвать только исторической, так как она, как и воинские повести Древней Руси, насыщена описаниями боевых сцен. В «Житии Александра Невского» смешалось несколько литературных жанров: это и житие, и воинская повесть, и агиография, и историческое повествование.

Однако не следует стараться найти в перечисленных произведениях только военные мотивы, боевые столкновения сторон.

В задачи настоящего исследования входит также рассмотрение воинских повестей с литературно-художественной точки зрения, выявление мировоззрения древнерусского человека, его познавательных интересов, знаний об окружающем мире и народах, исследование художественной природы сосуществования литературных жанров Древней Руси и своеобразного синкретизма тем, идей и мотивов фольклора и литературы на примере конкретных произведений.

Существенной ошибкой литературно-критических работ, рассматривающих произведения монголо-татарского цикла, является однобокость взглядов и наблюдений их авторов. Преобладающее большинство русских и советских ученых недооценивало важность и историческую ценность литературных и исторических памятников, обнаруживающих тесные контакты восточных славян с сопредельными народами, в частности, с тюркскими. Столетиями ассимилируясь, они дарили Древней Руси свои материальные, духовные, культурные ценности, наследие своих славных предков. В этом контексте следует обратить внимание на небрежное отношение русских историографов и литературоведов к событиям и фактам. Автор предисловия к книге Карамзина приводит выдержки из его высказываний о способе и принципах изложения русской истории и одобряет их: «Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги половцев не очень любопытны... но зачем наполнять ими целые тома? Что неважно, то сократить... но все черты, которые означают свойства народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно» (229, с.6).

В нашем понимании история любого народа или страны - это возвышающееся в небо здание, снесение столбов фундамента которого может завершиться превращением огромной постройки в груду камней или непригодных строительных материалов. В данном случае история Карамзина напоминает разрушенное здание, ибо вычеркивание им того, «что неважно» и фактов, которые «не очень любопытны», не поддается никакому объяснению. Здесь же следует отметить факты исчезновения исторических документов и литературных источников Древней Руси во второй половине XVI века, переписывания ряда

летописей в последние годы правления Петра I, в период европеизации России.

Акад. Д.С.Лихачев справедливо отмечает: «Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы...» (130, с.13) Им отвергаются «восточные» и, в частности, «туранские» элементы русской культуры. Представления евразийцев называются «мифом», возникшим «под гипнозом географического положения России между Азией и Европой» (130, с.11). Даже неискушенному читателю понятна уязвимость рассуждений ученого-литературоведа. Для опровержения подобного утверждения вполне достаточно только повестей и летописных источников монголо-татарского цикла. Русская литература X-XVII веков обнаруживает множество вариантов перевода, переделок, использования восточных сюжетов, широкого употребления тюркизмов и лексики других азиатских языков, описания обрядов, нравов и быта, мифических и религиозных представлений восточных народов, а также конкретные исторические, этнографические и географические сведения об отдельных странах и народах. Но отрицание целого этапа литературного развития, обязанного идейно-тематической наполненностью конкретному историческому событию - монголо-татарскому присутствию на Руси - невозможно. В то же время объективность мнения евразийца Э.Хара-Даван о скудности литературного материала относительно к монголо-татарскому периоду русской истории и его обеспокоенность в связи с неверными фактами некоторых летописей настораживает исследователя. «Несмотря на почти трехсотлетнюю зависимость Московской Руси от Монгольской империи, мы не имеем исторических трудов русских современников об этом периоде истории, кроме кратких лапидарных записей лето-

писцев-монахов, зачастую делающих ошибки событий на целый год, например, битва на Калке у них записана под 1224 г., между тем, по другим достоверным данным, она была 31 мая 1223 г.» (253, с. 214). Уместно привести здесь и другое замечание исследователя, связанное с наименованием монголо-татар в русских летописях и воинских повестях: «Нигде не приходится прочесть у наших казенных историков, что Бату явился на Русь как внук Чингисхана, как наследник старшего сына Джучи… Мало того, историки даже не замечают монголов, этих настоящих хозяев около 300-летнего периода русской истории; они говорят о подчиненных монголам татарах: «татарское иго», «татары», «хан татарский» и т.д., как будто монголы к этому не имеют никакого отношения»(253, с.238). При всей справедливости высказанного, необходимо подчеркнуть, что большую часть войска Батыя составляло тюрко-татарское население, с другой стороны, основавшиеся на развалинах Золотой Орды государства - Казанское, Астраханское и Крымское ханства были тюрко-татарскими. Когда речь идет об истории монгол, предшествовавшей созданию империи Чингис-хана, приводится тот факт, что «название «монгол» известно приблизительно с половины X века и что первоначально присвоено было частью народа, занимавшего пространство от Великой Китайской стены до Байкала; южную часть монголов, соприкасающуюся с границей собственно Китая, т.е. Великой Стеной, китайцы называли «белыми татарами». Они же назывались «онгутами». Южные монголы подверглись сильному влиянию китайской образованности. В отличие от южных, культурных монголов называли «черными (или лесными) татарами»(253, с.23).

Очевидно и другое: рассмотрение и объективное изложение событий монголо-татарского периода русской

истории было бы невозможно без привлечения к исследованию «Сокровенного монгольского сказания о Чингис-хане», арабо-персидских, китайских хроник, путевых записей европейских путешественников и, конечно, Чингисовой Ясы, дошедшей до нас лишь в ссылках на нее восточных писателей. Столь частое обращение ученых–евразийцев, на работы которых мы ссылаемся, к данным источникам, объясняется этим обстоятельством.

Прежде чем перейти к рассмотреннию воинских повестей монголо-татарского цикла, отметим, что некоторые образцы этого жанра были подвержены тщательному анализу еще в 40-е годы XX столетия Д.С.Лихачевым и В.П.Адриановой-Перетц. Это «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Слово о Куликовской битве Софония-рязанца» («Задонщина»). Основные художественные тексты названных произведений были сопровождены критическими статьями, археографическими, географическими и историческими комментариями, а также другими вариантами повестей. В это же издание вошли подготовленные к печати А.Н.Робинсоном повести об Азове (203), относящиеся к XVII веку.

Но классическим исследованием в области изучения воинских повестей Древней Руси, в том числе произведений с тюрко-татарской тематикой, следует считать статью А.С.Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей» (164), где автору удалось охарактеризовать воинские повести как отдельный литературный род, определить группы постоянных формул, образов и их выражений, характерных для большинства произведений данного жанра. Изучая повести о взятии Азова в 1637 году и об осаде его турками в 1641 году, А.С.Орлов убедился в тождестве литературных приемов и сходстве выражений повестей, посвященных описанию войны.

«Формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода. Знакомство это не предполагает большой начитанности и облегчалось тем, что на Руси искони существовал обычай соединять однородные произведения в сборники. Для образования и признания известного шаблона воинских повестей громадную роль играли летописные своды, где почти каждый бой описывался в одних и тех же выражениях» (164, с.1), - писал А.С.Орлов. Историю развития воинских повестей, художественное оформление и обогащение жанра исследователь связывал с темой татарского нашествия; оно «было причиною усиления религиозной стихии, зачатки образов которой были даны сказаниями, посвященными борьбе со старыми безбожными врагами Руси - Половцами. Так создавались воинские повести с элементом заступничества божественной силы, с видениями ангельских полков, Богородицы и святых, со знамениями от икон и т.п.» (164, с.4-5).

В определении жанровых особенностей русских воинских повестей определенную роль сыграла статья Е.А.Прохазки (196), в которой внимание исследователя также привлечено к литературным штампам, устойчивым словосочетаниям, так называемым «общим местам», имеющим существенное значение в структурно-семантической системе произведений на военную тему.

Комплексное исследование жанра воинской повести впервые было осуществлено Н.В.Трофимовой (250). С учетом отсутствия в современном русском литературоведении работ, раскрывающих закономерность существования, развития и эволюции жанра воинской повести,

автором ставится задача всестороннего анализа почти всех летописных повестей XI-XIV вв., а также внелетописных повестей и исторических произведений XVI-XVII вв., развивающих воинскую традицию. Выявление истоков жанра в летописных статьях «Повести временных лет», прослеживание процесса формирования историко-литературного облика и художественно-поэтического арсенала воинских повестей в составе Киевской, Галицко-Волынской, Новгородской летописей, а также во владимиро-суздальском летописании дали возможность автору книги утверждать, что «воинские повести зарождаются и длительное время существуют исключительно в рамках летописей, затем выделяются из них, превращаясь в самостоятельные произведения с собственной литературной судьбой, начинают бытовать в сборниках нелетописного состава» (250, с.8). Анализируя внелетописные повести XIII-XVII вв. и определяя образцы данного жанра как новые художественные явления литературы XIII-XV веков, рассматривая традиции воинских повестей-предшественниц в «Казанской истории», повестях об Азове и др., Н.В.Трофимова не ограничивается прежними методами исследования жанра. Исследователь вводит новые литературоведческие термины и понятия и добивается изучения структурно-семантической системы и поэтики как самих воинских повестей, так и исторических повествований, имеющих воинскую традицию. Большим преимуществом рассматриваемой книги является ее учебная направленность.

В целях выявления сюжетно-композиционных и идейно-тематических особенностей произведений монголо-татарского цикла, выявления исторической достоверности фактов при передаче важнейших событий русско-татарского противостояния, нам следует подробно

рассмотреть такие типичные воинские повести Древней Руси, как «Сказание о Мамаевом побоище» и «Повесть о приходе Темир-Аксака».

Тема Куликовской битвы и образ великого князя Дмитрия Ивановича стоят в центре целого ряда древнерусских произведений конца XIV-начала XV веков. Это не только воинские повести, но и публицистические сочинения. Если повести о побоище на реке Пьяне и битве на реке Веже ограничиваются рассказом о конкретном событии, то их современники - «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамыша» и другие - анализируют всю обстановку накануне набегов золотоордынских ханов, описывают тактику их наступления, умение русских князей обороняться, поведение различных слоев населения, политику отдельных княжеств, взаимоотношения Москвы с соседними странами, а также сложную военно-политическую ситуацию в самой Орде.

«Сказание о Мамаевом побоище», как и «Задонщина», имеет определенную историко-литературную ценность, отражает нравственное состояние древнерусского человека, его оптимистическое видение будущего. Проанализировав воинские повести XIV-середины XV века, легко обнаруживаешь в них доминирующее положение авторской позиции, строго подчиненной определенной идее превосходства Москвы над остальными русскими землями и величия московского князя перед другими князьями. Подобного литературного подхода не было в воинских повестях XIII века; захват и разрушение каждого русского города и поселения воспринимались как общенародное горе, внимание читателя концентрировалось на необходимости защиты русских городов, выделявшихся величием и богатством, добрым нравом и христолюби-

ем их жителей. В «Повести о разорении Рязани Батыем» автор неустанно описывает красоту Успенского и Борисоглебского храмов, украшенных белокаменной резьбой и скульптурой, расписанных внутри фресковой живописью, воспевает «узорочие» рязанских ювелиров и «воспитание» здешних удальцов. Тем самым подчеркнута стратегическая важность защиты Рязани, названной «воротами» в Древнюю Русь. Аналогичное отношение к взятию после Рязани Коломны, Москвы, Владимира, Суздаля, Ростова, Чернигова, Киева и других городов обнаруживалось в Лаврентьевской и Тверской летописях. Несмотря на усиление авторской позиции, публицистичности произведений, злободневности поставленных в них проблем, воинские повести XIV - середины XV века не избежали схематичности сюжета, напыщенности и риторичности авторского повествования, речей главных действующих лиц. Вспомним речи великого князя Дмитрия Ивановича, предваряющие действия русских воинов, а также союзников и противников Москвы накануне Куликовской битвы («Сказание о Мамаевом побоище»), поведение князя Василия Дмитриевича и архимандрита Киприана во время прихода Темир-Аксака («Повесть о приходе Темир-Аксака»).

В отличие от переводных и оригинальных воинских повестей XII-XIII веков в произведениях последующего этапа редко встречаются немотивированные поступки действующих лиц. Отравление Александра его любимцем, виночерпием Вринушом выглядит весьма странно. Мотивы его поведения крайне неубедительны («Александрия»). В «Сказании о Мамаевом побоище» победный исход Куликовской битвы для русских объясняется стечением обстоятельств, неисчерпаемой волей и силою русских . Даже элемент сверхестественности - помощь небес-

ных сил - не умаляет убедительности происходящего, так как средневековый повествователь в таких случаях следовал привычным традициям фольклора (гиперболизм) или публицистики, не затруднявшими себя объяснениями поведения персонажей, особенно отрицательных, сложными мотивировками («попущением божиим и от навождения дияволя», от «зависти», «скудности ума», «за злато» и т.д.» (139, с.27). Но это характерно не только для описания отрицательных персонажей. В «Сказании о Мамаевом побоище» симпатии автора на стороне москвичей и, соответственно этому, «образы святых, иже суть въображени въ христианьскых знамениих» (216, с.164), являясь к великому князю, его брату, русским воеводам, их союзникам, предвещают победу над Мамаем. Вмонтированные в текст повести эпизоды и рассказы о чудесах святомучеников Бориса и Глеба, игумена Сергия, перед битвой окропившего священной водой Дмитрия Ивановича и все его христолюбивое войско, увиденное неким мужем Фомой Кацибеем дивное зрелище, повсеместные молитвы и обращения великого князя свидетельствуют о схематичности сюжета, об отсутствии писательских навыков, так необходимых для логического завершения действия и полной передачи психологии героев. Речи великого князя Дмитрия Ивановича и митрополита Киприана выполняют сюжетообразующую функцию, чудеса, молитвы и обращения к Богу, иконе святой Богоматери способствуют развитию действия. Однако из-за неубедительности мотивировок, а также благодаря приему гиперболы, агиографические мотивы в построенном на основе реальных фактов произведении выглядят неестественно. Преобладание религиозной окраски текста снижает метафоричность и ритмичность языка повести, убавляет количество привычных для художественных текстов

Древней Руси афоризмов, сложившихся изобразительно-выразительных средств языка и приводит к сомнениям относительно историчности описанных фактов и событий. В этом плане «Сказание о Мамаевом побоище» заметно уступает «Слову о Куликовской битве» Софонии-рязанца. Удачу автора последнего Адрианова-Перетц объясняет тем, что «он устранил из своего изложения подчеркнутую религиозную мотивировку событий, религиозную чувствительность и христианские «чудеса», вмешивающиеся в реальный ход событий», а излишние «ссылки на молитву великого князя» она считает редакционными добавлениями позднейших переписчиков (8, с.162-163).

Автор «Сказания о Мамаевом побоище» гораздо более абстрагирует и «психологизирует» действия московского князя и митрополита, а произносимые ими речи носят условный характер. Абстрактность поведения персонажей и условность их речей усиливаются экспрессивностью изложения событий и описания батальных сцен, что в конечном итоге приводит к потере исторического колорита литературного памятника. Акад. Д.С.Лихачев утверждает, что в литературе конца XIV-XV веков, обнаруживающей экспрессивно-эмоциональный стиль письма, «первостепенное значение приобретает даже не сам поступок, подвиг, а то отношение к подвигу, которое выражает автор, эмоциональная характеристика подвига, всегда повышенная, как бы преувеличенная и вместе с тем абстрактная. Преувеличиваются самые факты, зло и добро абсолютизированы, никогда не выступают в каких-либо частичных проявлениях. Только две краски на палитре автора - черная и белая» (131, с.77). Это художественное своеобразие «Сказания о Мамаевом побоище» и других воинских повестей эпохи послужило причиной

жанровой разнородности литературных памятников XIV-XV веков, в исторических и воинских произведениях доминирующими стали агиографические мотивы. С распространением мусульманства в среде монголо-татар борьба с ними приобретает религиозный характер. Описание противостояния Мамаю, Тохтамышу, Тимуру, Едигею и другим также приобретает сугубо религиозную окраску. Этим мотивом завуалируются сложные перипетии исторической судьбы Древней Руси, яростная схватка за великокняжеский стол, неровные отношения с татарскими ханами и напряженная политическая обстановка в самой Орде.

Наблюдения над текстом «Сказания о Мамаевом побоище» позволяют прийти к выводу о том, что исключение из текста данной повести религиозных мотивов, повторяющихся молитв и обращений князя, не повредило бы сюжетному построению произведения. Напротив, это усилило бы роль батальных сцен, значение присущих воинским повестям описаний, касающихся политической ситуации в канун предстоящего военного столкновения, организации войска, тактических шагов в ходе боя, духа и настроения воинов до и после сражения и т.д. Не случайно «Сказание о Мамаевом побоище» оценивается как образец воинской повести XIV века, который «намечает пути дальнейшего развития жанра: во-первых, изменением способа повествования - наряду с традиционным сообщением и описанием события часто принимают форму отдельных сюжетных эпизодов - «микросюжетов»; во-вторых, многофигурность повествования приводит к появлению ряда сюжетных линий, переплетающихся в произведении; в-третьих, расширением круга внесюжетных элементов, необходимых для создания красочной художественной картины событий и придания повествованию большей эмоциональности» (250, с.129).

В триаду произведений, схожих по плану и замыслу написания, могли бы войти «Слово о полку Игореве», «Слово о Куликовской битве» и «Сказание о Мамаевом побоище»: из них только первое произведение относительно свободно от всяких религиозных мотивов. Так как «Слово о Куликовской битве» (по сравнению со «Сказанием о Мамаевом побоище») испытало большее влияние «Слова о полку Игореве» и в целом не отказалось от его художественно-поэтической образности, в нем меньше религиозной окраски. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» несомненно, находился под влиянием «Слова о полку Игореве», что положительно отразилось на идейно-тематическом и художественном своеобразии повести. Несмотря на неравное противостояние с Мамаем, поддерживаемым Олегом Рязанским и Ольгердом Литовским, Дмитрий Иванович, заручившись помощью божества («На господа уповал - и не изнемогу») (216, с.140), берет верх над врагом и становится признанным всеми русскими князьями великим князем. Описание его большим стратегом, организатором и вдохновителем, поддержка предпринятых им мер митрополитом и боярами, военная помощь двух сыновей Ольгерда Литовского, молитвы священников и русских жен, стойкость и терпение воинов, чудное спасение самого Дмитрия Ивановича, плач об убитых и радость о здоровых, позорный конец жизни Мамая, великий стыд Ольгерда Литовского и побег Олега Рязанского составляют основное содержание повести. Вся композиция повести подчинена ее главной идее: превосходству христолюбивого московского князя над «окаянным» Мамаем, христианства перед магометанством. Подчинение сюжетной канвы и композиционного построения повести идее превосходства христианской религии, подробное изображение деятельности церковнос-

лужителей, подчеркивание их косвенного, но решающего участия в противостоянии татарам возвеличивает роль христианских «чудес», вмешивающихся в реальный ход событий, создает иллюзию о военном превосходстве московского князя.

При сопоставлении текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» В.П.Адрианова-Перетц подчеркивает, что «не следует преувеличивать «влияния» на Софония поэтического плана «Слова о полку Игореве», что он «сознательно отбирает из него те эпизоды и художественные средства, которые помогали ему раскрыть свою тему, не привнося в рассказ фактов, искажающих историческую действительность» (8, с.160). В свою очередь так же поступил автор «Сказания о Мамаевом побоище», рационально использовав для исторической достоверности и художественной выразительности поэтические средства «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: «Солнце ему (Дмитрию Ивановичу - Т.Дж.) на въстоцѣ ясно сиаеть, путь ему повѣдаеть. Уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы и възлѣтѣша под синиа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы, и хотять ударитися на многыа стада лебедины и гусины; то, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыа удалци съ своимъ государемъ, с великимъ княземъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на великую силу татарскую» (216, с.167-168); «...съзади же плъку татарьскаго волъци выють грозно велми, по десной же странѣ плъку татарскаго ворони кличуще и бысть трепетъ птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ – гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе» (216, с.167-168). Как видно из приведенных отрывков, в «Сказании о Ма-

маевом побоище» использована символика «Слова о полку Игореве» («Солнце ему на въстоцѣ ясно сиаеть, путь ему повѣдаеть») и «Задонщины» («...соколи рвахуся от златых колодицъ ис камена града Москвы, ... хотят ударити на многие стады гусиные и на лебединыя»). Верность традициям воинской повести, богатый поэтический арсенал, «микросюжеты» и «многофигурность повествования» и другие художественные достоинства позволили поставить «Сказание о Мамаевом побоище» выше произведений того периода, в том числе летописных повестей Куликовского цикла. Сказание «широко и разнообразно использует художественные средства не только для изображения батальных сцен, но и для характеристики персонажей, описаний природы, изображения внутреннего мира героев. В системе тропов заметно не только увеличение количества всех их видов, но и более активное использование сравнений» (250, с.135).

В тексте «Сказания о Мамаевом побоище», большое внимание уделяется значению победы русских над татарами на Куликовом поле и личной роли князя Дмитрия Ивановича в ней. Битву на Куликовом поле, победу русского князя над татарским ханом Мамаем некоторые исследователи (53, 119, 159, 161) рассматривают под другим углом зрения. При этом они в первую очередь ссылаются на тексты «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Летописной повести о Куликовской битве», на трактовку и комментарии Н.М.Карамзина в «Истории государства Российского». Поражение трехсоттысячного войска Мамая рассматривается как результат внутренней борьбы монголо-татар за власть. Выдвижение Тохтамыша, потомка Чингисхана, сделало его союзником московского князя Дмитрия Ивановича. В связи с этим войска Мамая, оказавшись в тисках русских дружин и полчищ Тохтамы-

ша, поддерживаемого татарской верхушкой, были принуждены к бегству с поля битвы. Политическая ситуация в Древней Руси и Великой Монголии накануне Куликовского сражения наводит на мысль о том, что отказ литовского и рязанского князей в помощи их союзнику Мамаю должен иметь другое объяснение. Это мотивировано не дипломатическим и военным искусством Дмитрия Ивановича, страхом перед ним, а появлением другого, более сильного хозяина татарского трона - Тохтамыша.

При рассмотрении образа великого князя Дмитрия Ивановича в «Задонщине», «Летописной повести о Куликовской битве», «Сказании о Мамаевом побоище» и в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» невозможно обойти вниманием анализ жизнедеятельности московского князя, сделанный известным историком Н.И.Костомаровым. В своей оценке и выводах Н.И.Костомаров опирается на тексты названных литературных памятников (119, с.108-130). Княжение Дмитрия Донского историк причисляет «к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа» (119, с.128). По его мнению, Дмитрий Донской, «следуя задаче подчинить Москве русские земли», не смог поладить с Тверским и Рязанским княжествами. Ему не удалось добиться того, чтобы «они были заодно с Москвою для общих русских целей». Своими действиями он только раздражал население Твери и Рязани, подвергал его напрасному разорению, раздражал он и татарских ханов, в результате чего «разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой» (119, с.129). Княжение Дмитрия Ивановича сравнивается Н.И.Костомаровым с давно забытыми временами Батыя, с той разницей, что в батыевщину русские князья умирали со своим народом, а теперь глава Руси сидел, запер-

шись в Костроме со своею семьею. Он не осмелился пойти на бой против Тохтамыша, «и не поднял руки на царя», когда татары «христиан изводяще изъ церкви, лупяще и обнажающе, сѣчаху, и церкви съборныя разграбиша, и олтаря святыа мѣста попраша, и кресты честныа и иконы чюдныа одрашя... « (182, с.198). В «Сказании о Мамаевом побоище» Н.И.Костомаров обращает внимание на переряживание великого князя в простого воина и объясняет это желанием «скрыться от битвы в лес» (13), так как нашли Дмитрия Ивановича лежащим «под сѣнию ссѣчена дрѣва березова» (216, с.182).

Оценка личности и жизнедеятельности великого князя Н.И.Костомаровым заслуживает внимания. Известный историк сумел заметить и критически осмыслить разноречивые описания и рассеять туман вокруг «одиозной» фигуры Дмитрия Донского, не побоялся пойти против мнения автора «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича», сравнивавшего своего современника с князем Владимиром: «И умножися слава имени его, яко и святого князя Володимера, и въскипѣ земля Рускаа в лѣта княженииа его, яко преже обѣтована Израилю. И страхомь господьства своего огради всю землю..» (225, с.210).

Новая хронология и концепция ранней истории Древней Руси, данная Г.В.Носовским и А.Т.Фоменко, вызывает некоторые споры и возражения. Несколько вольное обращение с фактами и цифрами, хронологический сдвиг русской истории и реконструкция географии известнейших событий хотя не всегда оправдывается, но при этом нельзя не считаться с некоторыми выводами авторов. В шестой главе указанной книги тщательно анализируются известные по летописной повести о Куликовской битве, «Задонщине» и «Сказанию о Мамаевом побоище» исторические события и факты и логи-

чески опровергаются традиционные версии и представления о них, делаются сенсационные выводы, вытекающие из самих же первоисточников. Доводы и аргументы Г.В.Носовского и А.Т.Фоменко о местоположении Куликовского поля, о союзе Дмитрия Донского и Тохтамыша, стоявшего во главе волжских и сибирских татар, оценка событий 1380 года как междоусобной борьбы в Орде соответствуют истинному положению дел на Руси. Думаем, что авторы новой концепции и хронологии Древней Руси, руководствуясь воззрениями евразийцев и исследованиями таких историков, как Н.И.Костомаров, А.Н.Насонов, Л.Н.Гумилев и другие, в нетрадиционной форме, но опираясь на научно-популярный язык, проанализировали тексты литературных памятников о Куликовской битве, достаточно верно прокомментировав имеющиеся в них исторические факты и события. Рассмотрение отдельных историографических, литературоведческих и научно-популярных трудов об известном периоде русской истории свидетельствует о верности позиции названных ученых, чей подход к произведениям древнерусской литературы отличается высоким профессионализмом и объективностью оценки исторической панорамы эпохи. Не случайно в своих выводах Г.В.Носовский и А.Т.Фоменко руководствуются их работами.

Нас могут обвинить в чрезмерном тяготении к историческому аспекту вопроса, в недостаточности обращения к художественному тексту. Однако у нас есть веские основания для подобного подхода к поставленной проблеме. Литературоведческая наука о культуре и духовности Древней Руси, о художественном мышлении средневекового автора сторонилась историко-политической оценки событий. Возник своеобразный вакуум, заполненный (и даже переполненный) отдельными тру-

дами, мыслями и воззрениями историков, публицистов, журналистов и представителей других профессий. Искусственное отторжение литературы от политики и изучение литературного процесса вне исторического контекста, на наш взгляд, нарушило, целостное представление и восприятие литературы монголо-татарского периода, пережившей тяжелый духовный кризис.

Как известно, акад. Д.С.Лихачев, на работы которого десятилетиями равнялась наука о литературе Древней Руси, тщательно рассматривал и оценивал летописи, воинские повести и повести о княжеских преступлениях XI-XIII веков как сочинения стиля монументального средневекового историзма, в то время как произведения XIV-XV веков ученый относил к экспрессивно-эмоциональному стилю. Предумышленно исключался историзм целого ряда литературных памятников, в том числе и анализируемых нами воинских повестей. Литературные памятники Древней Руси, послужившие основным источником трудов историографов Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского, Костомарова, евразийцев, а также ряда советских и зарубежных историков и сыгравшие неоценимую роль в написании ими средневековой истории России, так и не нашли подобающей оценки.

Одним из интересных в художественном и историческом отношениях произведений русской литературы XIV-XVI вв. этого жанра является «Повесть о приходе Темир-Аксака» (1385 г.). Подробный анализ названной повести в настоящем разделе работы будет способствовать выявлению соотношения между исторической правдой и художественным вымыслом, оценке характеристики образа «Темир-Аксака» неизвестным русским автором, исследованию произведения в контексте других литературных памятников Средневековья, прочтению

некоторых мест и географических названий, имеющих отношение к Азербайджану.

В письменных памятниках отдельных народов обнаруживается неоднозначное отношение к личности Тимура (Тамерлан, Тимур-Ленк, Хромой Тимур, Амир Тимур, Темир-Аксак) и его исторической роли в Средневековье. Как правило, христианские (армянские, грузинские и некоторые русские) авторы преподносили Тимура как самого беспощадного завоевателя Средневековья и продолжателя миссии Чингисхана. Не случайно автор «Повести о приходе Темир-Аксака» в самом начале сообщает о том, что Темир пришел из восточной стороны, «отъ Синее Орды, отъ Саморхиискыя земли...» (187, с.230).

Настораживает некоторая односторонность подхода автора «Повести о приходе Темир-Аксака» к личности Тимура и иногда неправильное описание подробностей его походов.

Известно, что Тимур, будучи правителем области Гашгадарья Мавераннахра, в одном из боев получил рану в ногу и в плечо, после чего он не мог сгибать ногу. Тогда он и получил имя «Тимур-Ленк» (13, с.187). Но из русской повести становится очевидным, что он «да украде овцю, они же абие очитиша его. Он же мняшеся убѣжати, но скоро многими постиженъ бысть и ять бысть, и удержанъ крѣпко, и биша его нещадно по всему тѣлу, и умыслиша ему дати язву смертную, яко да убиють и; и перебиша ногу и бедру его на полы...» (187, с.230) и что тот «едва уздравися от таковая смертоносныя язвы, въста, перекова себѣ желѣзомъ ногу свою перебитую, таковою нужею храмаше» (187, с.232).

По художественной природе, стилю изложения событий, красочности языка древнерусские воинские повести во многом походили на фольклорные эпические

полотна. Их сходство проявляется, в первую очередь, в описании противника как чинителей бед русским землям. В русской повести создатели данных произведений не избегали самых резких выражений и эпитетов в адрес врага. «Темир-Аксак» представляется в данной повести не как воин, полководец, добившийся неисчислимых побед на исторической арене Средневековья, а как хищник, грабитель, насильник, ставший от злости к людям «лютъ разбойникъ», к которому «приложишася ... таковии же разбойници и хищници» (187, с.232). Подобное описание злой (вражеской) силы находим не только в фольклорных произведениях. Это становится традиционным для многих письменных памятников древности. В современнике «Повести о приходе Темир-Аксака» - «Повести о нашествии Едигея на Москву» (1409 г.) - золотоордынский хан Едигей представлен «лукавым», обошедшим князя Василия «многим злокозненным коварством», «кровожадным зверем» (181, с.53). Только в произведениях последующего периода русские авторы откажутся от односторонней оценки тюркских народов. В «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора-Искендера «безбожный царь Магмет» не рисуется сплошной черной краской. Воздав должное храбрости своего противника, Магмет-салтан целует голову мертвого царя Константина и посылает ее патриарху, чтобы тот с почестями похоронил мужественного врага. Исследователь литературы Древней Руси считает, что «такое изображение врага явилось новым шагом в развитии жанра исторической повести» (121, с.147). Симпатия русского автора к вражеской стороне обнаруживается и в «Казанской истории», при описании защитников Казани, плененной казанской царицы Сумбикэ.

В «Повести о приходе Темир-Аксака» перечислены страны и города, завоеванные Тимур-Ленком: «Чагадай,

Хорусани, Голустаини, Китай, Синяя Орда, Ширасъ, Испагань, Ориначь, Гиненъ-Сизъ, Шибренъ, Шамахии, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизий, Тевризий, Горзустаний, Обезний, Багдатъ, Тимиръ Кабы, рекши Желѣзная Врата, и Асурию, и Вавилоньское цесарство...» (187, с. 232).

Тимур не успел захватить Китай, так как умер накануне похода на эту страну. За исключением Китая, он, действительно, царствовал над всеми этими землями и городами, и они платили ему дань. У самаркандского правителя был замысел восстановить географические границы империи Чингисхана, о чем он подробно писал в своих письмах Баязиду и султану Египта (246, с.349).

Привлекает внимание точная передача и транскрипция названий указанных местностей, в частности, азербайджанских топонимов. Что касается «Темир-Кабы» (Железных ворот), то здесь автор прибегает к уточнению, так как Железных ворот было несколько. Как отмечает Ю.К.Бегунов, сообщения о них в русских письменных памятниках встречаются с древних времен: в летописях, в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Откровении» Мефодия Патарского, «Александрии», Кирилло-Белозерском списке «Задонщины». Не всегда в этих источниках речь шла о Дербенте. В данном случае употребление названия местности на тюркском языке («Темир-Кабы») означало, что речь идет о Дербенте, о землях за Железными воротами. А в начале повести под «Железными воротами», за которыми «кочевала Синяя Орда», подразумевался «проход в Южной части Уральских гор» (25, с.149).

В последующих произведениях древнерусских авторов, особенно в «Сказании о Железных вратех», «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, «Хожении купца Федота Котова в Персию» земли за Железными воротами

(Дербентом) описываются подробно. Если в «Повести о приходе Темир-Аксака» Железные ворота, являющиеся выходом Древней Руси на Восток, и находящиеся за ними азербайджанские города и земли Гюлистан, Гилянсиз (Гянджа - Т.Дж.), Шабран, Шемаха, Тавриз и другие лишь называются, то в «Сказании о Железных вратех» даются достоверные сведения об этих местностях: «Близ синева моря Астраханьского есть Железные врата... А стоят те врата над морем Астраханьским: две стены от моря в горы высокие каменные. А между ими живут люди, числом их будет с лишком с три тысячи человек... А за Железными вратами ест град Шемахия. А присудны те врата к граду Шемахаю...» (23, с.126).

Из «Сказания о Железных вратех» становится понятно, что «...за Железными вратами царствует царь Шагрун, Акъсак-Темирев сын» (23, с.126). Приведенные нами отрывки лишний раз подтверждают тот факт, что в тематическом и историко-хронологическом отношениях «Повесть о приходе Темир-Аксака» является одним из литературных памятников, стоящих у истоков процесса освоения русской литературой стран мусульманского Востока.

Рассказывая о победе Тимур-Ленка над турецким султаном Баязидом, автор повести в двух местах употребляет выражение «царя турецкой веры». Это подчеркивало принадлежность двух правителей разным течениям ислама, что и обостряло конфликт между ними. Сочинитель «Повести о приходе Темир-Аксака» был осведомлен даже в том, что правитель из Самарканда нападал на турецкую и другие земли «со своими подвластными народами». Из истории известен факт участия и азербайджанских ханов - Ширваншаха Ибрагима I и Шекинского правителя Сиди Ахмеда - в бою под Анкарой на стороне

Тимура (13, с.188). Более того, во время битвы под Анкарой на сторону Темир Аксака перешли воины Османской империи, так называемые «черные татары», и остатки монголо-татар, считавшие самаркандского правителя родственным и более близким себе. По указанию Анадолуйского Бейлербея Тимуршаха паши за ними последовали воины полководцев-анадолуйцев, чьи земли недавно были насильственно присоединены Баязидом к Османской империи. После поражения и пленения Ильдырыма Баязида Тимур опять разделил Анадолу на бекства и распределил их между прежними хозяевами, своими союзниками против турецкого султана. Попавшие в плен сыновья Баязида Муса, Мехмед и Сулейман были признаны Тимуром правителями отдельных провинций империи, Мустафу же он взял с собой в Самарканд (57, с.206-211).

История пленения Баязида Тимуром нашла отражение и в русском историко-литературном сборнике XVII века – «Космографии»: «И в то время персидский и бухарский царь Тимир-Ленк в Азии Турское государство огнем и мечем пустошил. И турской царь Баязыт ис-под Царя града пошел против персидского царя Тимир-Ленка. И Тимир-Ленк турское войско побил. И Баязыта царя в плен взял. И спрашивал Тимир-Ленк у Баязыта. Если Бог меня тебе в руки выдал, что ты надо мною делал. И турской царь Баязыт от жестокосердия не мог стерпеть перскому царю Тимир-Ленку, сказал. Если Бог тебя мне в руки выдал, я бы вместо стула с тебя на конь садился, на хребте твоем постоял, потом на конь сел. И велел бы тебя за собою возить в железном решеточном ларе, аки льва или медведя, а жену твою и детей велел позорить. И персидский Тимир-Ленк, все то над ним учинил, что он думал на него…» (168, с. 302). Как видно, личность самаркандского правителя вызывала интерес и у дальнейших поколений русских авторов.

Религиозное звучание повести усиливается при описании ожидающегося похода Тимура на Москву, которая не так давно (в 1382 году) была сожжена Тохтамышем. После победы на Куликовском поле Москва и другие русские земли залечивали раны, крепли, хотя еще не были способны отразить нашествия Тимура и монголо-татарских ханов. Обращение великого князя Василия Дмитриевича к помощи спасительницы-иконы и ее перенесение из Владимира в Москву было продиктовано сложившейся общественно-политической ситуацией в жизни Руси и психологическим состоянием населения. Но, главное, было продемонстрировано особое благоволение к Москве чудотворной и иконы Пречистой Богоматери, и подчеркнуто общерусское значение названного города. Князь и народ в стремлении найти защиту от «беззаконного и свирепого и гордого мучителя и губителя Темир-Аксака» не видели другой силы. Только божественная сила могла спасти народ, православную веру.

Почти во всех воинских повестях XIV-XVI вв., описывающих противостояние восточных славян и других народов, в той или иной степени предпринимается попытка направить столкновения в религиозное русло. Накануне формирования политической теории «Москва - третий Рим» эта идея исходила от церковных кругов. С другой стороны, сильны были в литературе Древней Руси позиции жанра агиографической повести: сочинителями лучших произведений данного периода являлись представители духовенства.

Насколько грозным и непобедимым кажется великому князю Василию Дмитриевичу Темир-Аксак, видно из его отчаянного моления: «Создателю и заступниче нашь, господи, господи, призри от святаго жилища твоего, виждь смири онаго варвара и сущихъ съ нимъ, дерь-

знувшихъ хулити святое великолѣпное имя твое и пречистыя всенепорочныя твоея матери! Заступниче нашъ господь, да не речеть: «Гдѣ есть богъ ихъ?» – ты бо еси богъ нашь, иже гордымъ противляяся ... Слыши словеса варвара сего, избави насъ и градъ нашь от аканного и безбожнаго цесаря Темирь Аксака» (187, с.234).

В действительности Тимур-Ленк не захватил Москвы. Он ограничился лишь разгромом маленького русского города Елец, не видя необходимости продолжения похода на север, на разоренные Тохтамышем и его предшественниками русские земли. Впереди его ожидали поход в Индию (1397-1398 гг.) и трудные бои с турецким султаном Баязидом (1399-1402 гг.). Автор «Повести о приходе Темир-Аксака», которому не понятны мотивы ухода самаркандского царя, правдиво отмечает: «...не наши воеводы прогнаша Темирь Аксака, не наши воиньства постращили его, но силою невидимою нападе на нь страх и трепеть, страхомъ божьимъ устрашился, гнѣвомъ божьимъ гонимъ бѣ, потщався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде...» (187, с.240).

Такую же концовку имеет «Повесть о нашествии Едигея на Москву», где рассказывается о походе очередного «князя Измаильтянского» по имени Едигей и других татарских ханов на Русь. Вероятнее всего, автором этих повестей является один и тот же человек, ибо налицо совпадение характера изложения событий, выделение образа великого князя Василия Дмитриевича и его обращения к помощи иконы Пречистой Богоматери, соответствие языковых особенностей произведений, правильная и подробная передача имен и фамилий татарских ханов, религиозная окраска содержания повестей и т.д. Следовательно, исследование «Повести о приходе Темир-Аксака» и других воинских повестей XIV-XVI вв. должно вестись

одновременно в литературном и историческом контексте того времени. Это необходимо для более ясного понимания мировоззрения человека Древней Руси, его представлений о других народах, для определения общественно-политической панорамы данного периода, а также взаимоотношений восточных славян с соседними странами и народами. В этом плане огромное значение имеют труды таких историков и литературоведов, как В.В.Бартольд, А.Ю.Якубовский, И.М.Муминов и другие. Названные исследователи подчеркивали заслугу Тимур-Ленка в избавлении Руси от Тохтамыша, в ослаблении политической позиции и военной мощи монголо-татар (Золотой Орды) на Половецком поле, восточнославянских территориях, Закавказье. Считается, что разгром Золотой Орды Тимуром в 1395 году нанес «непоправимый удар» Джучиеву улусу, самаркандский правитель «объективно сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси» (21, с.156,275). Однако утверждалось и обратное: Тимур поощрял золотоордынского хана Тохтамыша, так как господство Золотой Орды над русскими землями в политическом и военном отношениях было выгодно самаркандскому правителю. Здесь же подчеркиваются некоторые союзнические отношения между Тимуром и Тохтамышем, хотя аргументы и факты автора данной статьи опровергают его предыдущие мысли (160). О каком же союзе может идти речь, если золотоордынский хан, воспользовавшись временным отсутствием Тимура, предает опустошению покоренные им земли, в том числе Закавказье, осмелившись дойти до Бухары. Вопреки сказанному, в «Повести о приходе Темир-Аксака» говорится, что Тимур «Прииде ратью на цесаря Тактамыша, и бысть имъ бой на мѣстѣ, нарицаемѣ Ораиньскомѣ, на кочевищи цесаря Тактамыша» (187, с.232); «проиде всю орду, ... прииде близъ предѣлъ Резаньския земля...» (187, с.234).

Необходимо отметить, что причиной сожжения небольшого русского города Елец и опустошения его округи, двухнедельной стоянки там Тимура стала его война с Тохтамышем в 1395 году.

Как известно, «Повесть о приходе Темир-Аксака» - не единственный литературный памятник Древней Руси, представляющий правителя из Самарканда лишь в черных красках. В статье В.П.Гребенюка «Легендарная биография Тимура в русской и южнославянской литературах» привлечены к исследованию южнославянское «Житие Стефана Лазаревича, царя сербского», древнерусское «Сказание об иконе Владимирской Богоматери», а также Русский хронограф XV-XVI веков (48). Проанализировав древнерусские памятники и «Житие Стефана Лазаревича», излагающие легендарную биографию Тимура, В.П.Гребенюк подчеркивает однозначное отношение русской и южнославянской литератур к среднеазиатскому правителю «как к свирепому завоевателю, заклеймившему себя своими поступками» (48, с.96). Тут же отмечается отличающаяся от позиций славянских авторов западноевропейская трактовка образа Тимура - личности, благодаря которой состоялся разгром османов, на полвека отсрочивший падение Византийской империи и «в глазах европейцев победитель османов Тимур предстал в ореоле славы и величия» (48, с.81). Представление Тимура в русской и южнославянской литературах как безжалостного завоевателя («лют мучитель», «жесток томитель») вызывает недоумение у автора анализируемой статьи, так как Тимур-Ленк невольно способствовал усилению независимости Московской Руси и Сербии, соответственно, от Золотой Орды и Османской империи. После разгрома золотоордынского хана Тохтамыша в 1395 году и последующего за ним сожжения Астрахани и столицы Золотой

Орды Сарая-Берке московский великий князь в течение 12 лет не только не ездил в Орду и не платил дани, но и непочтительно обращался с золотоордынскими послами, а Стефан Лазаревич после разгрома и пленения Баязида освободился от вассальной зависимости (48, с.82).

На наш взгляд, подобное отношение авторов русских и южнославянских литературных источников к завоевателю из Средней Азии вполне объяснимо. Как русские, так и сербы находились в вассальной зависимости от Тохтамыша и Баязида, противников Тимура. Великий московский князь Василий Дмитриевич со своими воинами входил в состав войска Тохтамыша и противостоял тимуровским отрядам в бою под Кундузчей в 1391 году. Московская Русь, будучи в составе Золотой Орды, имела определенное представление о силе, могуществе и личности Тимура, о предстоящей угрозе с его стороны. Аналогичное описание образа свирепого самаркандского правителя не должно вызывать удивление у читателя, которому понятны мотивы его прихода на Русь, территорию Золотой Орды, но в то же время не известны причины скорого его отхода от Москвы, объяснимые лишь благотворным влиянием иконы Святой Богоматери и мольбами боголюбивого великого князя.

Подчеркнутая религиозная окраска летописных и воинских повестей XIV - середины XV века, непроизвольное величание в них Мамая, Тохтамыша, Тимура, Едигея, Ахмата «погаными», «бусурманами», «измаильтянами» и т.д. имеют ощутимое расхождение с политикой золотоордынских ханов по отношению к христианской религии.

Известно, что при хане Узбеке ислам был объявлен государственной религией. Принятие ислама было обязательным не только для монголо-татар, царевичей-чингисидов, но и для всех кочевых подданных хана. Не при-

нявшие ислам спасались бегством на Русь и чаще всего принимали христианство, входили в состав Московской рати, противостоявшей Мамаю на Куликовом поле и набегам литовцев. Как верно отмечают современные исследователи, «процесс этнического симбиоза продолжался до тех пор, пока ордынцы были язычниками или христианами-несторианами, то есть не входили в чужой и враждебный Руси суперэтнос. Сама по себе смена религии не имела бы значения, но с ней было связано изменение политического курса, направления культуры и всего строя жизни. Став из степного хана мусульманским султаном, Узбек сделал ставку на купеческий капитал торговых городов Поволжья и Ирана, отодвинув на задний план интересы земледельческой Руси и кочевой степи» (50, с.18). Тем самым происходит разделение Золотой Орды на два враждующих лагеря: христианский и мусульманский. При хане Узбеке (1312-1340), поощрявшем православную церковь и при его сыне, хане Джанибеке (1340-1357) эта вражда ощущалась не так остро, но накануне Куликовского сражения она заметно усилилась. Защита Москвы из военно-политической стала религиозной задачей, а вдохновителем и идеологом спасения русских земель выступил митрополит Сергий Радонежский: «Подобает ти, господине, (обращается к великому князю Дмитрию Ивановичу - Т.Дж.) пещися о врученном от бога христоименитому стаду. Поиди противу безбожныхь, и богу помагающу ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечьство с великыми похвалами възъвратишися» (83, с.386).

Идеологический разлад между Московской Русью и ослабевающей центральной властью, дальнейшее усиление поддерживаемых Османской Турцией Крымского, Казанского и Астраханского ханств, взятие и покорение центра мирового христианства Константинополя тур-

ками в 1453 году стали основными темами воинских и исторических повествований второй половины XV-XVII вв. Борьба с мусульманством и враждебными Московской Руси мусульманскими странами становилась важнейшей государственной задачей. Литература же шла за государственной и церковной идеологией. Налицо лжепатриотические призывы русских воинских повестей, оставляющие впечатление позднейших добавлений к их текстам, ибо эти отрывки не отражают общественно-политические тенденции и настроения древнерусского общества, и не соответствуют представлениям авторов второй половины XV века, но, главное, национальным интересам Московской Руси: «О храбри мужствении сынове рустии! Подщитеся свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и дѣтми вашими, яко же пострадаша инии велицыи славнии земли от турков. Еже глаголю: болгаре, и сербы, и грѣцы, и Трапизон, и Аммория, и албанасы, и хрьватыи, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли...» (185, с.518); «Тако ми бога, видѣх своима очима грѣшниима великих государей, избѣгших от турков со имѣнием, и скитающихся, яко странным и смерти у бога просящих, яко мздовоздаяния от таковыя бѣды...» (185, с.520).

В воинских повестях «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Повесть о приходе Темир-Аксака», «Сказание о нашествии Едигея», «Повесть о стоянии на Угре» вырисовывается привычная как для воинских, так и для исторических повествований XV-XVII вв. схема и художественная манера описания образа врага качественно новыми поэтическими средствами, сюжетно-композиционными приема-

ми. Находящаяся под влиянием церкви литература была готова к большим переменам в политической, культурно-экономической и духовной жизни Московской Руси.

К концу XV века, после победы над Ахматом «в русской земле развивалась экономика, росли города и торговля, крепло национальное единство», а в Орде все оставалось по-старому. По-прежнему кочевали по бескрайним степным просторам огромные массы всадников, живших за счет дани с покоренных народов, за счет труда захваченных рабов. Ордынское иго было не только национальным угнетением. Оно означало вчерашний день экономики и культуры» (14, с.134). После убийства Ахмата тюменским ханом Иваком и распада империи Орда перестала представлять опасность для Москвы. Шел обратный процесс вхождения и воссоединения ордынских территорий с Московской Русью. Русские авторы обращали свои взоры на «кротость», «тихость» и «радость» покоренных народов («Повесть о Петре Ордынском», «Казанская история»), зачастую мирно входивших в состав возрождающегося и крепнущего русского государства. Как дальновидный политик Иван Васильевич не давал ходу призыву русской православной церкви возвести в ранг государственной пропаганды политическую теорию «Москва - Третий Рим» и тем самым нанести ущерб налаживающимся отношениям с сильной Османской империей, оттолкнув от Московской Руси мусульманское население Поволжья, Сибири, Крыма и т.д.

Вспомним успешную внешнюю политику, тонкую и умную дипломатию Русского государства накануне противостояния 1480 года с золотоордынским ханом Ахметом, нашедшее отражение как во многочисленных летописях, так и в «Повести о стоянии на Угре». Когда в ответ ярлыку Ахмет-хана с угрозой «А минет сердце

зимы девяносто дней, и аз опять на тебя буду, а пить ти у меня вода мутная» Иван III потоптал басму и прекратил уплату дани, прежде всего, заручился поддержкой Крымского ханства. Против соглашения короля Казимира и Ахмет-хана о совместном нападении на Московское царство «лучшим ответом со стороны Москвы был союз с Крымом, который мог бы сдерживать Ахмет-хана и угрожать Казимиру в его южнолитовских и польских владениях» (19, с.134). Союзническая миссия Крымского ханства имела положительные результаты для Москвы и после ликвидации угрозы 1480 года. «Сталкивая Менглы-Гирея с «Ахметовыми детьми», Иван III мог теперь спокойно наблюдать, как растворялась когда-то грозная сила Орды. В ближайшее десятилетие после гибели Ахмет-хана усилия Ивана III были направлены на то, чтобы противопоставить «Ахметовым детям» союз остальных татарских ханств и при помощи татар обеспечить охрану и безопасность всей восточной и южной границ государства. От разрешения этой задачи в значительной степени зависел успех в достижении главной цели внешней политики: воссоединения под властью московского государя «всея Руси» ее великорусских, украинских и белорусских земель», - пишет известный русский историк К.В.Базилевич (19, с.152-153). Все это приобретало большое значение в связи с тем, что происходило на фоне новгородских походов Ивана III и мятежа внутри государства, поднятого братьями царя Борисом и Андреем Большим.

История о приходе «безбожнаго царя» Ахмата на Угру, данная в «Вологодско-Пермской летописи», еще раз свидетельствует об умеренных шагах великого князя как во внешней, так и во внутренней политике Московского княжества: «А Казимеръ, король Литовской, слышев великих князеи розмирку, великого князя Ивана Василье-

вича з братьею своею не в миру, со князем Ондрѣем да со князем з Борисом, а слышевъ гнѣв великии Ахматов царевъ на великого же князя Ивана Васильевича, и порадовася тому король Литовскии Казимеръ, служить ему тогда Ордынскои князь Кирѣи Амуратович и посылает его в Орду ко царю Ахмету с тою рѣчью, что князь великий немирен з братьею, что брат его князь Ондрѣи и з братом со князем з Борисом из земли вышли со всѣми силами, ино земля ныне Московская пуста. «А со мною ныне немирен же, и ты б ныне на него пошол, время твое, а яз нынече за свою обиду с тобою же иду на него». После того, как великий князь услышал о приходе Ахмат-хана «на Русь со всѣми силами» (42, с.263) он предпринимает шаги для Москвы, и главное, «посылает ко братьи своеи, ко князью Ондрѣю и Борису, бояр своих. А мати их, великая княгини Марфа, послала своего боярина, а митрополит своего боярина с тѣм, что князь великии братью свою жалует и в докончание их приимает, и княж Юрьеву отчину с ними делит. Князи же Ондрѣи и Борис, послушавше слова великого князя и матери своеи и митрополича благословенна, скоро поидоша к великому князю на помощь...» (42, с.264). Не менее интересно сообщение историка В.Н.Татищева о мероприятиях великого князя после уничтожения им ханской басмы: «На другой же день приидоша посол с басмою. Князь же великий призвав пред себя онаго просто, без встречи, и прияв басму, таже прочитав грамоту ханскую, плюнув на ню, изодра и басму и зло вверже на землю под нозе предстоящим. Посол же той и сущий с ним начаша дерзостно глаголами, угрожаюсче великаго князя. Он же повеле я вся избити и дом прежней ордынской разломати. Единаго же остави жива и посла его к хану... Вскоре же посла в Крым, к хану Мин-Гирею, прося его, дабы шел на короля литовскаго

или на хана Ахмата. И хан Крымской империи проси великаго князя, чтоб его противников Андора и других велел ловити и Большую орду не пусчати, и сам обесчася на весну итти на Литву, а на хана большаго сына послати в Нагаи» (241, с.67).

Известно, что после захвата Константинополя турки стали быстро продвигаться в центральную Европу, захватив по ходу Сербию, Грецию, Валахию. Эта военно-политическая ситуация в Западной Европе заставила папу Павла II предложить Ивану III вступить в брак с племянницей последнего византийского императора Софией Палеолог. В свою очередь, правители многих европейских государств обратились к московскому князю за помощью. Исследователи отмечают мудрость Ивана Васильевича: «Иван III не дал обмануть себя западной дипломатии. Борьба с Турцией только отвлекла бы его от основной политики Московского государства: довершения объединения всех русских земель вокруг Москвы. Вместо войны с Турцией Иван III продолжал развивать торговые и политические связи Руси с ближними и дальними странами» (37, с.194). Это способствовало почти мирному восстановлению границ Джучиевского улуса под новым названием «Московская Русь», торгово-экономическому, культурному возрождению городов и населений, некогда возведенных общими усилиями народов «леса» и «степи» - Древней Руси и Великой Степи.

Анализ текстов русских воинских повестей XIV-середины XV веков в целях изучения их идейно-тематического, сюжетно-композиционного и художественного своеобразия, а также рассмотрение летописных повествований и известий русских историографов выявили: во-первых, при оценке роли и места исторических лиц и событий Древней Руси историкам следовало бы чаще об-

ращаться к литературным источникам, в том числе информативным и событийным повествованиям в составе русских летописей, так как русские произведения указанного времени, в частности, воинские повести, еще не отошли от традиций стиля монументального историзма. Переход к художественному вымыслу в древнерусской литературе еще не утвердился. Большинство литературных памятников русского Средневековья в определенной степени носило официально-деловой характер, излагая события ближе к действительности. В этом плане русская воинская повесть служит неоценимым историко-литературным источником знаний о событиях монголо-татарского периода русской истории.

Во-вторых, русская воинская повесть монголо-татарского периода, несмотря на издержки стиля, почерка церковных книжников, сохранила лучшие традиции и литературный слог времен «Повести временных лет», «Моления» Даниила Заточника, «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве». Духовный кризис Древней Руси был восполнен патриотизмом и оптимизмом воинских повествований XIII-XIV веков. Языческие представления «Слова о полку Игореве» обрастали христианскими воззрениями «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о приходе Темир-Аксака», что выразилось не только в изображении и представлении образа врага, но и в самом художественно-образном мышлении, литературных приемах и поэтических средствах литературных памятников.

В-третьих, произведения монголо-татарского цикла (воинские повести, летописи, жития и др.) стали незаменимым свидетельством присутствия монголо-татар на Руси, раскрыли сущность и истинное значение их исторической миссии и роли в дальнейших судьбах русского

государства, а также содействовали сохранению исторической памяти о нравах, обычаях, быте и, конечно, воинских приметах самих монголо-татар. Воинские повести XIII-XV вв. немало способствовали возникновению и формированию евразийской концепции русской истории, создали литературную почву для появления таких исторических и воинских повествований конца XV-XVII вв., как «Повесть о взятии Царьграда турками», «Казанская история», «Сказание о Магмет-салтане», «Повесть об Азове».

ГЛАВА III

ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ ТЕМА В ИСТОРИЧЕСКИХ И ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XV-XVII ВЕКОВ

Особое значение в истории русской средневековой литературы имеют произведения, созданные в XV-XVII веках. Это, прежде всего, связано с образованием централизованной Руси вокруг Москвы и превращением Московского царства в наследника некогда величайшей империи Чингисхана. Сбываются давние мечты древнерусских авторов, столетиями жаждавших объединения русских земель, русских княжеств под властью великого князя. Московской Руси, давшей отпор Мамаю и Ахмет хану в 1380 и 1480 годах, подчиняются не только Рязанское, Тверское, Новгородское и другие русские княжества, но и части распавшейся Золотой Орды, остатки ассимилированных татарами в течение двух-трех веков половцев и других степняков. Покорение Ногайской Орды, Казанского и Астраханского ханств, вытеснение татарского населения на побережьях Черного и Азовского морей, военно-политическое противостояние Польше и Литве, ознаменовавшееся постепенным возвращением потерянных земель, превратили Московскую Русь XV-середины XVI века в одно из сильнейших государств Средневековья. Кульминационной точкой исторического восхождения Московской Руси стало завоевание последнего оплота татарской мощи - Казанского царства.

Взятию Казанского ханства предшествовала стопятидесятилетняя борьба Московского княжества с дру-

гими русскими княжествами и соседними тюрко-татарскими государствами. Московским князьям удавалось проводить умеренную политику по отношению к Золотой Орде, куда они еще долго ездили за великим княжением и добивались его: «В лѣто 6939 (1431)... Князь велики въ Орду поиде, и князь Юрьи после поиде, и дасть царь Махметъ великое княжение Василью Васильевичу» (211, с.412). Данный отрывок летописи свидетельствует о борьбе отдельных русских княжеств за титул великого князя в середине и второй половине XV века и о том, что татарские ханы предпочтение отдавали московским князьям. Судя по той же летописи, в указанное время основную угрозу для Московской Руси представляли больше казанские татары, нежели золотоордынцы и крымцы. По свидетельству летописи в 1445 году «Прииде Маматек царевич изгоном съ братом своим съ Ягупом на великого князя Василья Васильевича. И бысть имъ бой и сѣча зла у града у Суздаля на поли, и битых бысть обоих много, и поимал царевич князя великого да князя Михаила Андреевича, июля въ 6, на память отца Сисоя, в пятницю» (211, с.422). После недолгого пребывания в плену «князь велик прииди от царевича ис полону на Дмитриевъ день в Переяславль, и прииде на Москву» (211, с.422). Военно-политические шаги Казанского ханства, более влиятельного и сильного среди претендовавших на прежнюю роль Золотой Орды тюрко-татарских государств XV-первой половины XVI века, вынудили великого Московского князя вести ожесточенную борьбу за прежние земли Киевской Руси и укрепиться в близлежащих к Казани землях.

Превращению Московского государства в одну из сильных держав Европы во многом способствовало самое знаменательное событие XV века - взятие Константинополя турками в 1453 году. Вслед за этим разработанная цер-

ковными кругами политическая теория «Москва - Третий Рим» возложила на Московскую Русь ответственные задачи - сыграть вслед за Римом и Константинополем роль центра мирового христианства, отстоять православное христианство от католичества и мусульманства. Однако идея превращения Москвы в оплот мирового христианства не остается сугубо религиозной и политической задачей; вскоре она охватывает художественную мысль Древней Руси и начинает обосновываться не только в произведениях эпохи, но и в поздних редакциях почти всех известных литературных памятников XIII-XIV веков. Древнерусские авторы, составители книг и летописей, редакторы-компиляторы, как и в первые столетия развития и становления русской оригинальной и переводной литературы, все чаще и чаще прибегают к болгарским, сербским и, конечно, византийским источникам. Злободневной темой русских воинских и исторических повестей, а также вошедших в Русский хронограф XVI века сюжетов становится тема осады и взятия Константинополя. Главными литературными фигурами русских воинских и исторических повестей становятся исторические лица, которым отводится роль воина и стратега, полководца и предводителя, защитника и проповедника той или иной религии, проводника национальных интересов и религиозных задач. Это - противопоставленные друг другу византийский император Константин и турецкий султан Магмет, история правления, военные и государственные деяния которых поучительны для московских царей. Если в списке «Повести о взятии Царьграда турками» XV века, считающемся первоначальным вариантом данного исторического повествования, главное - военные действия и военно-политическая ситуация вокруг изолировавшегося Константинополя, то в редакциях XVI века акцент смещается в сторону освещения фигур предводителей защищающейся

и наступающей сторон. Наверное, это соответствовало литературным интересам авторов XVI века, в частности, составителя Русского хронографа, куда вошла и полная версия «Повести о взятии Царьграда турками». В этом отношении немаловажное литературное значение имеют сказания о Магмет-салтане и царе Константине, принадлежащие перу известного публициста XVI века, ярого сторонника Ивана Грозного, предполагаемого составителя Русского хронографа Ивана Пересветова.

Иван Пересветов, автор Малой и Большой челобитных, содержавших ряд проектов государственного преобразования, обработав «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искендера и дополнив ее сказаниями, «в иносказательной форме... дает характеристику Русского государства периода «несовершенных лет» Ивана Грозного, который предстает перед читателем в образе последнего византийского императора Константина». Вместе с тем Магмету-султану, захватившему Царьград, приписывается ряд реформ, которые следовало бы осуществить на Руси (85, с.16-17).

Произведения И.Пересветова, датированные 1549-1550 годами, писались накануне похода на Казань и не могли не иметь отношения к «Казанской истории», вобравшей в себя мотивы воинских и исторических повествований XII-XV вв., в том числе, и «Повести о взятии Царьграда турками». На наш взгляд, именно в «Казанской истории» вслед за «Житием Александра Невского» русскому автору удается создание образа идеального князя, умелого политика и полководца, всемилостивого и набожного человека, бесстрашного воина, блюстителя законов и порядка в царстве Ивана Грозного. Этим автором мог быть именно Иван Пересветов, осуществившим задуманные им проекты в «Казанской истории». Однако по

сравнению с «Житием Александра Невского» и созданным в нем образом князя, образ великого князя и царя нашел свое более реальное воплощение в «Казанской истории». Обогащение текста «Казанской истории» мотивами «Слова о полку Игореве», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о взятии Царьграда турками», использование в ней «Летописца начала царства» и других литературных источников привели к глубокому осмыслению и литературному обобщению проблем и исторических перспектив эпохи, художественному разрешению татаро-тюркской темы в контексте исторических событий второй половины XV - середины XVI века. «Казанская история» - это взгляд не только на одно конкретное событие, но и оценка и переоценка тюркского фактора во всей русской истории, показ и демонстрация роли тюрков в сложении и формировании военно-политического и торгово-экономического потенциала Московской Руси, свидетельство уважительных, более чем союзнических отношений великого князя и царя с татарскими ханами.

Развитие и укрепление Московской Руси как централизованного государства сопровождались демократизацией литературы, расширением кругозора древнерусского человека, постепенным освобождением культуры и искусства, в том числе, и литературных памятников от церковного влияния, введением светских тем, появлением и утверждением таких имен в литературе, как Афанасий Никитин, Максим Грек, Ермолай-Еразм, Иван Грозный, Иван Пересветов, Андрей Курбский и другие, выступавшие за идею установления сильной, но справедливой княжеской власти, объединяющей все русские земли.

Расширение территории и политического влияния Московской Руси вызвало устремление взоров древне-

русского человека на неизвестные ему страны и народы, их географические, климатические и этнографические условия, быт и нравы, торговые пути и центры, выращиваемые в них культуры и продаваемые товары. «Можно с уверенностью сказать, что, если исключить религиозную предвзятость русских паломников, ни у кого из них не найдется ни единого оскорбительного или враждебного выпада о какой-либо чуждой им народности. Они наоборот, отмечают их положительные черты» (58, с.35). Прекрасным образцом жанра хождения, писем путешественников и посольских посланий стало «Хожение за три моря Афанасия Никитина», к которому относится еще одно весьма ценное, но небольшое по объему сочинение под названием «Сказание о Железных вратех». И то и другое сочинение XV века, обнаруживающее также описание Шемахи, Дербента и Баку, свидетельствует о растущем интересе древнерусского человека к восточным странам и землям, обычаям и верованиям их населения. Время написания «Хожения за три моря» и «Сказания о Железных вратех» совпадает с заключительным этапом распада Золотой Орды, выдвижением Московской Руси, соседствующих с ней татарских ханств, а также закавказских стран в отдельные политические и торгово-экономические регионы, с интенсивными дипломатическими миссиями, порою военными действиями Османской Турции, ее союзников - Крымского и Казанского царств - с одной стороны, золотоордынских ханов, их союзников в лице литовского короля и некоторых русских князей против Московской Руси - с другой.

Эволюция жанров хождения, агиографии, исторического повествования и воинской повести, обогащение официально-делового стиля в русском летописании XV-XVII веков, создание прекрасных образцов русской бел-

летристики XVI века, бытовых и сатирических повестей XVII века и утверждение в последних элементов барокко ознаменовали собой идейно-тематическое, духовное развитие литературы. Все это привело к изобразительно-выразительному, красочному, иносказательному оформлению русского слова и рациональному использованию лексического богатства языка, синкретизму литературы и фольклора.

Ярким примером эволюции жанров исторического повествования и воинской повести в литературе XVII века стали произведения об Азове, превзошедшие «Повесть о взятии Царьграда турками» и «Казанскую историю» своеобразием художественного вымысла и занимательностью сюжета, оригинальностью использования мотивов и образов устного народного творчества.

3.1. Русско-турецкие контакты XV-XVI веков в «Повести о взятии Царьграда турками» и в произведениях Ивана Пересветова

Как правило, авторы учебников по древнерусской литературе причисляют «Повесть о взятии Царьграда» к историческим повествованиям XV-XVI вв. Несомненно, она создавалась по горячим следам осады и взятия Константинополя турками, о чем свидетельствует концовка произведения, повествующая о личности автора - очевидца событий, сумевшего подробно и эмоционально передать и воссоздать настоящую панораму военного противостояния турков и греков. Падение II Рима - Константинополя, столкновение мировых цивилизаций и религий - важнейшие исторические события средневековой истории, оставившие заметный след в сознании средневеко-

вого человека, представителей разных культур, литератур и верований. Это - логическое завершение превосходства «степи» над «лесом», Востока над Западом, молодой Османской империи над одряхлевшей и издыхающей Византией, растерзанной распрями и внутренней борьбой разных партий и групп. В падении Константинополя меньше всех «виноват» турецкий султан Магмет, как в свое время монголо-татары - в разорении раздробленной распрями и княжескими ссорами Древней Руси.

Некогда могущественная Византия, ее последний император Константин, митрополит и бояре представлены в «Повести о взятии Царьграда турками» беспомощными, без союзнической поддержки в тисках турецких сил. Хотя симпатии автора произведения на стороне защищающихся, слабых и нуждающихся в помощи константинопольцев, легко просмотреть и прочувствовать обвинительный тон повествователя, его стремление подчеркнуть вину подданных и близких императора в осаде города и предательство византийской православной церкви, заключившей Флорентийскую унию с католической христианской церковью.

Как известно, взятие Константинополя турками в 1453 году описано не только в повести, приписываемой Нестору Искендеру. Это знаменательное событие Средневековья освещалось в Русском хронографе редакции 1512 года в главе «О взятии Царяграда от безбожного турьскаго царя Магмета Амуратова сына», в краткой повести «О взятии Царьграда от безбожных турчан» и в так называемом «Плаче о падении Царьграда». Поздние переработки истории взятия Константинополя встречаются в составе Степенной книги и Русского хронографа редакций XVII века. Среди литературных источников искендеровской редакции повести называются Летописец Еллинский и

Римский, Сказание о построении храма святой Софии, «Откровение» Мефодия Патарского, «Откровение» Даниила, пророчества Льва Премудрого, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Литературное влияние Повести о взятии Константинополя испытало все русское историческое повествование XVI-начала XVIII века: «Казанская история», «Летописец начала царства», «Скифская история» А.Лызлова и другие (223, с.195-197).

М.О.Скрипиль пишет: «Длительное бытование «Истории» («Истории о взятии Царьграда турками» - Т.Дж.) в древней русской литературе, ее проникновение в Хронограф и летописи, оказанное ею влияние на ряд историко-публицистических произведений Древней Руси, - все это говорит о том, что она чем-то отвечала коренным идейным запросам древнерусского общества XV-XVI веков» (220, с.166). К этому выводу исследователь приходит, опираясь на цикл повестей и летописных сказаний о взятии Константинополя, а также на неугасаемый интерес ученых-литературоведов и историографов к источникам создания так называемых хронографической и искендеровской повестей, к проблемам их авторства и сопоставления русских и византийских версий о падении города.

Огромная заслуга в исследовании «Повести о взятии Царьграда турками» принадлежит М.Н.Сперанскому. В X (234) и XII (235) томах Трудов отдела древнерусской литературы были изданы его статьи, посвященные повести о взятии Царьграда (искендеровская и хронографическая версии), летописным заметкам о падении византийской столицы, краткой повести о взятии города, лирическому плачу и сказанию о начале и построении Царьграда. Особое значение приобрела кропотливая работа ученого по циклизации и анализу комплекса памят-

ников русской письменности XVI-XVIII веков о судьбах Византии, имеющих непосредственное отношение к пространной хронографической повести о взятии Царьграда турками. Выявляя многочисленные версии повестей и сказаний о взятии Царьграда в самых различных жанрах древнерусской литературы, начиная с летописей, воинских и исторических повестей и кончая Степенной книгой, М.Н.Сперанский подчеркивает влияние «Повести о взятии Царьграда турками» на более поздние воинские и исторические повести, а также литературные произведения иного содержания. В частности, указывается типологическое родство «Повести о взятии Царьграда турками» с «Казанской историей» (план написания, отдельные детали покорения Казани, «знамения» и т.д.). Подобного рода соответствия обнаруживаются между «Повестью» и «Сказанием» Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевской лавры поляками, что объясняется общностью поэтики воинской повести вообще и стилистической близостью памятников.

На наш взгляд, такие вопросы, как общность поэтики и стилистическое родство воинских повестей, должны рассматриваться на материале тематически связанных произведений, где налицо совпадение темы и идеи, изображения противостоящих сил, планов составления памятников, их литературных источников, способов и манеры использования фольклора, а также «чудес» и знамений. Сославшись на А.С.Орлова, М.Н.Сперанский подчеркнул определенное воздействие «Повести о взятии Царьграда турками» на поздние редакции «Повести о разорении Рязани Батыем», «Сказания о Мамаевом побоище», «Летописца начала царства» и других (235, с.188-223). При анализе исторических повествований XVII века, испытавших влияние «Повести о взятии Царьграда тур-

ками», будет также уместно провести параллели между этой повестью и повестями об Азове, в которых подробно описывается осада крепости Азова турками и выделяются эпизоды подготовки к бою, а также батальные сцены.

В статьях М.Н.Сперанского в комплексе произведений о судьбах Византии названы «Сказание Ивана Пересветова о Махмете, како хоте сожещи книги греческие» и «Взятие Царьграда турками, Сказание Ивана Пересветова». Названные произведения известного публициста XVI века, непосредственно связанные с основной идеей и сюжетом «Повести о взятии Царьграда турками», остались вне анализа автора статьи, который в своих выводах лишь упомянул «вставки из «Сказания И.С.Пересветова в поздних списках хронографической повести» (235, с.225).

Мысли Ивана Пересветова о причинах гибели Царьграда отличались от размышлений русских авторов второй половины XV и XVI вв. своей оригинальностью, что выразилось в сугубо светском решении данной темы: город погиб из-за «вельмож» и «ленивых богатых», которые установили неправый суд и «умыслили книги написати от бога с великою клятвою, кое не достоит царю христианскому на иноплеменники ходити воевати...» (233, с.233). «Богатый николи воинства не мыслит, а думает о смирении и о кротости. Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно и по всем землям. А греки благовернаго царя Константина укротили от ереси своея, и они царство потеряли» (233, с.233-234). В этих словах содержатся суждения публициста, трезво оценившего истинную причину падения Константинополя, из которого следовало бы «брать уроки», извлечь выгоду, а не плакать по былой мощи Византии и испещрять литературные памятники «знамениями»,

«чудесами» и «проклинаниями» в адрес турков. Их же царь Магмет-салтан «с христианьских книг тое мудрость снял», осуществлял свои реформы и, устанавливая порядок в своей стране, «написал ... в тайне себе»: «Таковому было быти християнскому царю, всеми правдами богу сердечную радость воздати, а за веру християнскую крепко стояти» (233, с.229-231).

Прежде чем говорить об актуальности темы взятия Царьграда турками в русской литературе середины XVI века, следует объяснить предпосылки и объективные причины ее столь частого освещения тем, что она непосредственно восходит к реалиям самой русской истории, злободневности проблемы власти и установления порядка в Московской Руси накануне ее триумфального шествия на другие княжества, Поволжье, Казанское ханство и успешного отвоевания у Литвы и Польши земель, некогда входивших в Киевскую Русь. Уже давно созрела идея идеального, всемогущего князя. Славные деяния, политическая мудрость и решительность Владимира Мономаха и Александра Невского, оставивших в русской истории и литературе пример идеального княжения, казались русским публицистам XV-XVI веков менее убедительными, чем образец современной им эпохи, пусть даже это будет «турской царь» Магмет-салтан, снявший «образец жития святаго сего с християнских книг» (233, с.224). Вполне аргументированное обращение Ивана Пересветова к образу Магмет-салтана дополняется и восполняется более важными государственными и национальными интересами Московской Руси, так хорошо понятыми и осознаваемыми известным публицистом.

Выдвижение образа Магмет-салтана в качестве идеального правителя - это не единственный аспект историко-литературного видения знаменательного события в

истории Византии и мирового христианства, вызвавший удивление целого ряда поколений авторов, писавших на эту тему. В первом томе «Великой Османской истории» (276, с.542-563) известный автор Хаммер, подробно осветив все этапы осады и взятия Константинополя, военно-политическую обстановку в Европе и вокруг византийской столицы, социально-психологическую напряженность среди населения города после заключения союза с католической церковью, подчеркивает благосклонность константинопольцев к туркам-мусульманам, нежели к католикам. «Вместо того, чтобы объединиться и защищать общую родину, православные и католики избегали друг друга и оставляли церкви пустыми. ... Одна из монахинь перед всеми христианами демонстративно приняла ислам и признала пророка Мухаммеда», - пишет Хаммер (276, с.542).

Одной из основных задач исследователей «Повести о взятии Царьграда турками» является проблема ее авторства. Чаще всего выдвигалась версия о первоначальном авторстве Нестора Искендера, чьи заметки были обработаны и художественно оформлены после их привнесения в Московскую Русь неизвестным автором (223, с.124-125). Наверняка, Иван Пересветов воспользовался еще до него обработанным в стиле воинских повестей XIV-XV веков текстом, так как черты произведений данного жанра ярко проявились и в «Повести о взятии Царьграда турками». Больше параллелей и сходств проявляется в религиозной окраске памятников. Наблюдения над текстами «Повести о разорении Рязани Батыем», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о приходе Темир-Аксака» и «Повести о взятии Царьграда турками» показали, что речи князей Юрия Ингваревича, Дмитрия Ивановича, Василия Дмитриевича, императора Константина, а так-

же представителей духовенства перед самой опасностью обнаруживают одни и те же обращения к Богу; схожие слова, словосочетания или даже целые выражения, насыщенные эпитетами и сравнениями, вложенными в уста основных героев названных воинских повестей. Для большей убедительности сравним отрывки из памятников: «... боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич, руки к небу вздымая, со слезами молился, говоря: «Создателю и заступниче нашь, господи, господи, призри от святаго жилища твоего, виждь смири онаго варвара и сущихъ съ нимъ, дерьзнувшихъ хулити святое великолѣпное имя твое и пречистыя всенепорочныя твоея матери!.. Слыши словеса варвара сего, избави насъ и градъ нашь от аканнаго и безбожнаго цесаря Темирь Аксака» (187, с.234).

«Цесарь же паки объежааше по всѣму граду, плачуще и рыдающе, моля стратиг и всих людей, глаголюще: «Господа и братия, малы и велици, днесь приидѣ час прославити бога и пречистую его матерь и нашу вѣру христьянскую! Мужайтеся и крѣпитеся, и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надѣжею, кладающе главы своа за праваславную вѣру и за церкви божиа, яко да и нас прославит всещедрый богъ!» (178, с.230).

Сравнительно-сопоставительный анализ вышеназванных воинских повестей свидетельствуют о несомненном идейно-тематическом и художественном превосходстве «Повести о взятии Царьграда турками» над всеми ее предшественниками. При этом следует подчеркнуть существенное продвижение поздних русских повестей в сторону активизации воинственно настроенных защитников осажденного Царьграда. Вслед за «Повестью о взятии Царьграда турками» передача эмоционально-боевого настроя батальных сцен обнаруживается и в «Казанской истории». При анализе художественных при-

емов, деталей описания боевых сцен, выдвинувших данную повесть в ряды самых значительных произведений о величайшем событии Средневековья, следует отметить, что автор, будучи очевидцем или участником осады и взятия Царьграда, хорошо знал литературные традиции Древней Руси и мастерски использовал их. Заметки Нестора Искендера, который «писах в каждый день творимая дѣяниа вне града от турков... и христианомъ предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению божию» (178, с.266), несомненно, попали в руки книжников-церковников, традиционных авторов произведений XIII-XV веков и были художественно оформлены. Именно им, а не Нестору Искендеру принадлежит такая концовка «Повести о взятии Царьграда турками»: «Русий же род съ прежде создателными всего Измаилта побѣдять и Седмохолмаго приимуть съ прежде законными его и в нем въцесарятся и судрьжат Седмохолмаго русы, язык шестый и пятый, и насадит въ нем зелье и снѣдят от него мнози в отмщение святым» (178, с.264). Иван Пересветов, имея четкую политическую цель, и хорошо осознавая свою роль литератора-публициста, использовал тему и мотивы «Повести о взятии Царьграда турками» в нужном ему русле. И это было осуществлено перед самым походом великого князя и царя Ивана Васильевича на Казань.

«Повесть о взятии Царьграда турками» - самое насыщенное воинское повествование Древней Руси по количеству батальных сцен, а также разнообразию описания враждующих сторон с их тактикой и стратегией ведения и организации боев. В ней по достоинству оценена степень участия и героизма разных чинов противоположных сил: одинаково воинственны и неотступны бейлербей, карачбей, паши, санчакбеи, янычары турецкого султана и стратиги, магистаны, вельможи, и главное, воины-горо-

жане со стороны цесаря. В этом плане «Повесть о взятии Царьграда турками» отличается от произведений о монголо-татарах, в которых чаще всего отмечалось, как татары «идут на приступ города «с тмочисленными лествицами» и стреляют из «тмочисленных пороков» и какую военную тактику они имеют при осаде и взятии русских городов (63, с.193). Несмотря на серьезную осаду и предрешенность их судьбы, константинопольцы, уступающие в количественном соотношении туркам и изолированные с моря и суши, представлены в батальных сценах повести весьма привлекательно: «Гражане же в день бьяхуся с туркы, а ночи влазяаху в рвы, и пробиваху стѣны ровныя от поля, и изныряху землю по застенью в многые мѣста, задѣлающе многы съсуды зъ зелием с пушечным; такоже на стѣнах уготовляаху многые съсуды, наполняюще смолья и сѣры горючее съ смолою и с посканию, и с зелием с пушечным...» (178, с.234). Описание батальных сцен в повести также характеризуется богатством эпитетов и сравнений, рациональным подбором и меткостью слов и выражений, яркой образностью: «Яко молния бо блистааху ото обоих оружия» (178, с.226); «падаху бо трупиа обоих стран, яко снопы, съ забрал, и кровь их тѣчааше, яко рѣкы, по стѣнам» и др. (8, с.230).

«Повесть о взятии Царьграда турками» не отходит от традиционного изложения и трактовки событий. Изолированность города от окружающего мира, его экономическая и военная блокада турками, все беды, тревоги и притеснения населения, утрата былой красоты и славы Константинополя, его церквей преподносятся в контексте двух противоборствующих религий - христианства и ислама.

Религиозная окраска и звучание «Повести о взятии Царьграда турками» и других литературных источников на эту тему отодвигает на задний план другие, более важ-

ные события из ранней истории Константинополя. Несомненно, к числу таких исторических событий относится поход крестоносцев на Константинополь в 1204 году, которому посвящена русская повесть XIII века, входившая в состав разных летописей, а также Елинского летописца второй редакции - хронографического свода, содержащего изложение всемирной истории. После взятия византийской столицы фрягами в начале XIII века и разграбления ими всех ее материальных ценностей, церквей, многих культурных памятников в последующие два века город так и не оправился от нанесенного ему ущерба и, будучи последним приютом византийских императоров, последние десятилетия доживал в полуразрушенном и обедневшем состоянии под постоянной угрозой османцев. Вопреки уверениям автора «Повести о взятии Царьграда турками», нечего было грабить в византийской столице, так как еще в 1204 году «вънидоша въ святую Софию, и одьраша двьри и расѣкоша, а онболъ окованъ бяше всь сребромь, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотьныя, и тябло исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремь бяху, межи ими шишкы, яко дрѣва, вышьша муж, и прѣграды олтарьныя межи стълпы, и то все сребрьно. И трапезу чюдьную одьраша, драгый камень и велий жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша. И 40 кубъковъ великыхъ, иже бяху прѣдъ олтарем, и понекадѣла, и свѣтилна сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздьничьными съсуды бесцѣньными поимаша. Служебьное Еуангелие и хресты честьныя, иконы бесцѣныя – все одраша. И подъ тряпезою кръвъ наидоша – 40 кадие чистаго злата, а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣньныхъ съсудъ. То же всѣ в единой Софии сказахъ... И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Гречьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладають фрязи» (177, с.112).

Так же, как и два с половиной века назад, в гибели Константинополя были повинны сами византийцы и европейцы, распри и разногласия между ними создали благодатную почву для покорения центра мирового христианства турками. Цесарь Константин, обратившись за помощью к своим братьям и традиционным союзникам, получает отказ, фряги же открыто заявляют: «Не дѣйте, но да возмутъ и туркы, а у нихъ мы возмемъ Царьградъ» (178, с.228). Иван Пересветов заостряет свое внимание на проблеме распрей и полагает, что помощь извне могла бы спасти героически защищавшихся константинопольцев: «Магмет же, видев толикое падение своего войска, слыша цареву храбрость, тое нощи не спа, но совет зол сотвориша, хотяще тоя нощи отступити безбожный Магмет, занеже морский путь приспе и корабли многия приидут на помощь граду» (233, с.142). Автор десятитомной истории Великой Османской империи Хаммер, освещая все подробности осады и взятия Царьграда, обратил внимание на тот факт, что турки, услышав весть о якобы ожидающейся помощи осажденным многочисленных войск итальянцев и венгров, не осмеливались начать наступление в течение двух дней. По мнению немецкого ученого, автора этого ценного исторического труда, сами европейцы стали причиной многовековых трагедий, совершенных османцами против европейских наций (276, с.554-563). Возможно, этими историческими фактами и объективными обстоятельствами также обусловлена определенная симпатия русских авторов - Нестора Искендера и Ивана Пересветова - к туркам и самому Магмет-салтану.

Один из исследователей литературы Московской Руси, В.В.Данилов приводит слова московского священника Лукьянова, подтверждающие негативный план изображения греков, а не турков: «Приехав к Москве, мо-

шенники (греки - Т.Дж.) плачут перед государем, перед властьми и перед боярами: от турка насилием отягчены! А мы сами видели, что им насилия ни в чем нет, и в вере ни в чем. Все лгут на турка... А когда к Москве приедут, так в таких рясах худых таскаются, будто студа нет... Греки нам тошнее турок стали» (58, с.34). Религиозную окраску, свойственную произведениям эпохи, автор указанной статьи объясняет «замкнутой, принудительной идеологической атмосферой Московского государства», сложившейся после взятия Царьграда турками.

Ознакомившись с приведенными описаниями и мнениями, приходится удивляться тому, почему константинопольцы турков-мусульман предпочли католикам-фрягам, немцам и другим, в отличие от которых по взятии города турецкий султан Мехмет Второй не стал заниматься грабежом, а восстанавливал и строил, заботился о населении, в последующие же дни и месяцы на месте полуразрушенных церквей возводил мечети. Это поведение покорителя Константинополя Магмет-салтана оказало положительное впечатление на очевидцев осады и взятия города, среди которых, наверное, был и Нестор-Искендер - автор «Повести о взятии Царьграда турками», чьи наблюдения и заметки немало способствовали созданию Иваном Пересветовым портрета турецкого правителя. На наш взгляд, образ Магмет-салтана в «Повести о взятии Царьграда турками» почти не отличается от воссозданного в «Сказании о Магмет-салтане». Эти повести взаимодополняют друг друга. В сочинении И. Пересветова обобщены политические, военные, социальные реформы и преобразования турецкого султана, подведены итоги деятельности покорителя Константинополя. Оно по-своему оправдывает и мотивирует осаду и взятие византийской столицы, настойчивость и жестокость Магмет-салтана.

Военная и политическая характеристика турецкого султана в «Повести о взятии Царьграда турками» дается следующим образом: «И поидѣ в церковь, и видѣ мрьзость запустение в святилище божие и ста на мѣсте святѣм его. Патриархъ же и весь клирик и народ возопиша слезы и рыданми, и падоша прѣд ним. Он же помаяв рукою да престанут, и рече им: «Тобѣ глаголю, Анастасие, и всѣй дружинѣ твоей и всему народу: з днешняго дне да не убояться гнѣва моего, ни убийства, ни пленения». И, обратився, рече башам и санчакбѣем, да запретят всему войску и всякому чину моих врат, да не дѣють весь народ градцкий, и жен и дѣтей ни убийством, ни пленением, ни иною враждою никоторою. «Аще ли же кто преступит нашего повелѣния – смертию да умрет» (178, с.262).

Магмет-салтан, «снявший» свою мудрость «с христианских книг», хорошо понимает причины падения царства при Константине. Действия и выступления героя «Повести о взятии Царьграда турками» напоминают данные изречения турецкого султана в «Сказании о Магмет-салтане»: «А рек так Магмет-салтан: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры, и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек сраму не боится, а чти себе не добывает, а речет так: «Хотя и богатырь, однако есми холоп государев, иного мне имени не прибудет. А во царстве Констянтинове при царе Констянтине и у велмож его, что лутчие люди порабощены в неволю, а все те были против недруга не бойцы...»(233, с.229). Эти отрывки свидетельствуют о том, что у русских авторов XV-XVI веков сложилось определенное впечатление о Магмет-салтане не только в качестве «окаянного и безбожного» турецкого султана, но и как о правителе-реформаторе, военачальнике-стратеге, прославившемся нововведениями как в социально-поли-

тической, военной сфере жизни Османской империи, так и рыцарской моралью, воинской честью, уважительным отношением к подчиненным-воинам.

Идущая из византийских литературных источников традиция объективного освещения и трактовки жизни и дел Магмет-салтана не могла быть отвергнута русскими авторами, ибо история военного подвига и личная жизнь турецкого правителя стала настоящей политической подоплекой теории «Москва - III Рим», а также приверженцев этой идеи в литературе. Не исключено, что веротерпимость Магмет-салтана по отношению к православному христианству, его снисходительность к пленным константинопольцам, достойная оценка личного героизма убитого императора Константина специально выделяются и выпячиваются в «Повести о взятии Царьграда турками» в целях более убедительного и оригинального изображения политической фигуры человека, выдвигаемого автором «Сказания о Магмет-салтане» в качестве примера. Этим продиктована и обработка Иваном Пересветовым данной повести, предваряющей его «Сказание о Магмет-салтане». Однако тема падения Царьграда, образ Магмет-салтана понадобились писателю-публицисту не только в сказаниях о Магмет-салтане и Константине, но и в адресованной государю «Большой челобитной». По всей видимости, все произведения И.Пересветова на эту тему, включая Первое и Второе Предсказания философов и докторов, «Малую челобитную», были написаны и представлены великому князю и царю незадолго до главного наступления на Казанское царство, доказательством чему служит концовка «Первого предсказания философов и докторов»: «И так про него пишут, про благовернаго царя и великаго князя Руския земли Ивана Васильевича всея Русии, что он божиею помощию Казанское

царство возмет своим мудрым воинством да и крестит, да будут восмь градов християнских славных во все царства» (233, с.162). Тот же призыв к взятию Казани, являющейся основной целью обращения к царю, звучит в «Большой челобитной»: «Великий государь, силный царь благоверный таковыя великия досады терпит от своего недруга, от казанского царя, то ему пущей недруг, казанской царь; не надобет ему тако много терпети. Так был Магмет-салтан, турской царь, ко Царюграду дань давал, з благоверным царем жил в великом смирении безбранно; а потом грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, осилил и Царьград взял...» (233, с.177-178).

Произведения Ивана Пересветова, современника Ивана Грозного, имели конкретную задачу - «поучать» молодого царя и «помолиться» ему в духе и традициях «Поучения Владимира Мономаха» и «Моления Даниила Заточника», напутствовать на предстоящее наступление на Казань, чтобы тот в своем царстве и военных делах поступал как Магмет-салтан, который «великую правду во царство свое ввел, и он великия знамения грозныя указал для того, ащебы люди не слабели ни в чем и бога бы не гневили», велел со всего царьства все доходы к собе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прелщалися, неправдою бы не судили...» (233, с.154-155). В этом писатель-публицист видит превосходство турецкого правителя над императором Константином, на которого «бог разгневался» за то, что он и его вельможи «правдою гнушалися и не знали того, что бог любит сильнее всего правду» (233, с.154-155). И.Пересветов восхищается мудростью военной стратегии и тактики Магмет-салтана, имевших важное значение для успешного ведения дел покорителем Константинополя и собирателем турецких

земель: «Мудр царь, что воином сердце веселит, - воинниками он силен и славен. И пашам своим и велможам противу недруга всякого велел в челе ставитися в первых полках для того, чтобы люто ставилися противу недруга, и младыя бы люди не ужасалися, которыя не столь заможныя, и на них бы смотрячи, люты к недругам были... У туркского царя по триста тысящ ходит против недругов ученых людей храбрых, а все те сердцем веселы, от царева жалования и от алафы, коли идут воевати, и они идут тихо... Ино у царя кто против недруга крепко стоит, смертною игрою играет, и полки у недругов разрывает, и царю верно служит, хотя от меншаго колена, и он его на величество подъимает, и имя ему велико дает, и жалования много ему прибавляет, для того ростит сердце воинником своим... Да Магмет-салтан турской царь уставил иным царем после собя от тех лет и до сих лет, а во всем царстве дал волно служити у велмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно» (233, с.156-158).

Обработанная И.Пересветовым «Повесть о взятии Царьграда турками», сказания о книгах, о Константине и Магмет-салтане предваряют основную идею автора, выраженную в «Большой челобитной». Выявлено, что сюжет Нестора Искендера и вытекающие из него истории о царствовании императора Константина и Магмет-салтана являются лишь художественным приемом писателя-публициста на пути к созданию «Большой челобитной», адресованной великому князю и царю всея Руси Ивану Васильевичу. Мотивы «Сказания о Константине» звучат из уст волоского воеводы Петра, чьим посланником представлен сам И.Пересветов: «Тако говорит Петр, волоский воевода про руское царство, что велможи рускаго царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают его, и тем

ему слуги называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру християнскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лгут и государю... Всегда богатыя о войне не мыслят, а мыслят о упокое, хотя и богатырь обогатеет, и он обленивеет» (233, с.174-175). Русский писатель настойчиво предлагает внедрять в Московской Руси военные законы и порядки Магмет-салтана, представленного не в качестве врага, а только как предшественника русских царей на военном и государственном поприще. После перечисления имен цесаря Августа и Александра Македонского русский автор не случайно, а преднамеренно переходит к Магмет-салтану, к констатации основных положений его устава: «Воинника держати, как сокола чредити, и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не напустити... Таковому силному государю годится со всего царства своего доходы собе в казну имати, а не казны своея воинником сердца веселити; ино казне его конца не будет. Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру християнскую стояти, ино таковым воинником имена возвышати, и сердца им веселити, и жалованья им из казны своея государевы прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к себе их близко припущати, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любити, аки отцу детей своих, и быти до них щедру; щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает: что государь щедрость к воинникам, то его и мудрость» (233, с.175).

Будучи автором «Большой челобитной» И.Пересветов не ограничивал себя идеей «поучать» великого князя и царя, напутствовать его на триумфальное шествие на Казань; он выступает критиком существующего

миропорядка в Московском царстве и задается вопросом: «Таковое царство великое, и силное, и славное, и всем богатое царство Московское, есть ли в том царстве правда?» и получает ответ: «Вера, государь, християнская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет. Коли правды нет, то и всего нет» (233, с.176). Взятие Казани и военные успехи московского царя И.Пересветов считает возможными лишь после установления правды и праведного суда во всем царстве: «Ино неверный иноплеменник да познал силу божию, Магмет-салтан, турской царь, взявши Царьград, да уставил правду и праведен суд, что бог любит, во всем царстве своем и утешил бога сердечною радостию, и за то ему бог помогает, многие царства обладал божиею помощию» (233, с.229).

Лирические отступления и риторические вопросы И.Пересветова были продиктованы не только тем обстоятельством, что автор «челобитных» не был уверен в том, что царь прислушивается к его советам, но и сложившейся общественно-политической ситуацией в Московском царстве, разгоревшимися разногласиями вокруг казанской темы.

Анализ текстов «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искендера и «Повести об основании и взятии Царьграда», а также других произведений Ивана Пересветова наводит нас на вывод о том, что приписывать сочинение Нестора Искендера Ивану Пересветову было бы ошибкой, ибо последний в рамках своей темы и идеи по мере необходимости обработал текст искендеровской «Повести о взятии Царьграда турками», извлек из него только те эпизоды и выдержки, которые послужили такому освещению жизни и деятельности Магмет-салтана, благодаря чему он ставился в пример русским князьям и царям. Совпадение же целых отрывков и эпизодов, ба-

тальных сцен, изобразительных средств и т.д. может быть объяснено идейно-тематической, текстовой и языковой обработкой «Повести о взятии Царьграда турками» автором «Большой челобитной». В свою очередь это связано с вполне объяснимыми причинами и соображениями идеологического порядка, а именно с указаниями правителя Московского государства, нацеленного на присоединение к русским землям Казани, Астрахани, Ногайской Орды, Поволжья и т.д., на мирные отношения с тюркотатарским населением распавшейся Золотой Орды.

3.2. «Казанская история» как историческая повесть XVI века

«Турецкий» период взаимоотношений восточнославянских и тюркских народов внес в литературу Древней Руси значительный вклад. Данный этап развития древнерусской письменности ознаменовался не только воинскими и историческими повестями, обнаруживающими самые различные контакты народов Древней Руси и отделившихся от Золотой Орды Казанского, Крымского, Астраханского ханств, Большой Орды (а несколько позднее и Османской Турции), но и бурным развитием летописания отдельных русских городов, письмами и посланиями официальных лиц. В общественно-политическом и культурно-экономическом отношениях это был самый пестрый и противоречивый период истории Древней Руси. Этот период характеризуется постоянными набегами, политическим и экономическим давлением совсем недавно входивших в состав Золотой Орды государств, а со второй половины XVI века - превращением Московского царства, подчинившего себе враждебные Новгород,

Тверь, Рязань и др. русские города, покорившего Казанское, Астраханское ханства, Ногайскую Орду, народы Поволжья и Сибири в одно из сильных государств Европы, политическую роль и экономическую мощь которого скоро признали все влиятельные соседи-государства, включая Османскую Турцию.

Так называемый «турецкий» период контактов Древней Руси и Великой Степи следует условно разделить на два этапа: первый этап завершается взятием Казани и Астрахани и яростным противостоянием на степной границе с Крымом. Литература указанного времени, в частности летописи разных русских городов памятуют о страшных набегах враждебных сторон, разорениях русских поселений, об угоне скота, пленении людей. Более активная сторона - это татарские ханы, видевшие в русских землях традиционный источник прибыли и обогащения. Однако умеренная политика московских царей, исторические победы в 1380 и в 1480 годах, разобщенность в военных и политических действиях противостоявших Московской Руси татарских государств и их союзников в лице Литвы, Польши и Венгрии привели к превращению татарских ханов в вассалов и наместников московских царей, отторжению и отвоеванию восточнославянских городов и поселений от Литвы и Польши. Османская Турция была занята расширением своих территорий и политической власти в Малой Азии и Балканах, а Московская Русь - в Великой Степи и на границах с Польшей, Венгрией и Литвой. Поэтому эти государства пока обменивались дружественными посланиями и признавали величие и независимость друг друга. Русские летописи ограничиваются лишь упоминанием о взятии Царьграда в 1453 году: «Того же лѣта маиа 29 взят бысть Царьград от безбожных Турков, от Мустафы Муратовича» (155, с.272); «Того же

лѣта царь турскы Царьгород взял» (211, с.426). Казанский летописец свидетельствует о письме турецкого султана, полном похвальных слов в адрес московского царя Ивана IV: «Воистину ты еси самодержецъ, царь мудрый и вѣрный, волнѣйший божий слуга! Удивляетъ бо насъ и ужасаетъ превеликая твоя слава, и огненыя твои горугви прогоняют бо и попаляютъ воздвизающихся на тя, иже отнынѣ боятся тебе вси орды наши и на твоя предѣлы наступати не смѣютъ» (99, с.360). Это письмо могло бы быть вымыслом русского автора, но оно характеризует невраждебные отношения двух государств. Османская Турция пока не вмешивается в военные действия Московской Руси против Казани, Астрахани и Крыма. Взятие Царьграда, центра мирового христианства турками компенсируется покорением мусульманской Казани русскими. Хотя эти два величайших события отделяет друг от друга одно столетие, их объединяет общая тенденция вхождения и проникновения исламской цивилизации в Европу, христианской - в Азию, усиления и укрепления позиций Османской империи на Западе, а Московского царства - на Востоке. Если падение Константинополя воспринималось как победа мусульманства над христианством, то взятие Казани русскими - превосходство христианства перед мусульманством.

Вхождение турецкой темы в русскую литературу XV-XVI веков ознаменовалось двумя историческими повествованиями: «Повестью о взятии Царьграда турками» и «Сказанием о Магмет-салтане». Освоение темы нетрадиционным для русской литературы древнего периода образом (имеются в виду характерные для русско-половецких и русско-татарских контактов постоянные военные столкновения) стало исторической необходимостью и послужило целенаправленному развитию литера-

туры, адекватно отражающей представления русского человека о конкретной эпохе.

Второй этап турецкого периода заметно отличается от первого усилением политической роли Московской Руси как на юге, так и на востоке. Московское царство, избавившееся от нападений астраханских и казанских татар, встретило яростное сопротивление крымских ханов, имевшее такие последствия, как пленение людей, разорение хозяйств. Борьба с крымскими татарами продолжалась в течение XVI и XVII веков. Поддерживаемые Османской Турцией и своим союзником Польшей, а чуть позже Литвой, крымские татары с 1571 по 1586 год совершали набеги на южные московские границы чуть ли не каждый год. Главной целью татарских набегов был захват пленников. «...Москва старалась предотвратить их набеги дипломатическими путями, в частности, преподнося крымскому хану и вельможам значительные подарки (поминки), что почти становилось постоянной данью. Каждое московское посольство к хану (обычно каждые два года посылали двух человек) везло дорогие подарки, в большинстве своем сибирские меха» (34, с.19). Если 40-50-е годы XVI века запомнились строительством укреплений на «крымской украине», созданием надежной системы обороны по берегам Оки и на линии пограничных с Крымом городов, а также привлечением к защите южных границ «служилых» татар (ногаев и черкесов), то в последующие десятилетия, особенно в последние годы царствования Ивана Грозного, поддерживаемые турецким султаном крымские войска Девлет-Гирея причиняли Московской Руси страшные бедствия. «Положение на юге все больше обострялось. Турция заключила мирный договор с Польско-Литовским государством и готовилась к большому походу на Россию. Турецкий сул-

тан, опиравшийся на широкую военную помощь своего вассала - крымского хана, имел далеко идущие завоевательные планы: турки хотели захватить Астрахань и все Нижнее Поволжье. Таким образом, наряду с продолжавшейся Ливонской войной Русское государство вело еще одну войну - против Крыма и Турции...» (103, с.165-166). Историк Н.И.Костомаров приводит письмо крымского хана Девлет-Гирея, напавшего в 1571 году на Москву со стадвадцатитысячным войском крымцев и ногаев, Ивану Васильевичу: «Жгу и опустошу все за Казань и Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего света применяю к праху - надеюсь на величество божие, на милость для веры Ислама. Пришел я в твою землю с войсками, все поджег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел в Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве в Москве, пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег, и город сжег и опустошил, много людей саблею побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и способность (дородство), ты бы против нас стоял! Отдай же мне Казань и Астрахань, а не дашь, так я в государстве твоем дороги видел и узнал, и опять меня в готовности увидишь» (119, с.311-312). Подобные претензии со стороны татар и турок выдвигались до восстановления порядка в России в 1613 году и избрания на трон Михаила Романова, но татарские набеги продолжались до середины XVII века.

В противостоянии татарской силе на степной границе с Крымом Московская Русь не ограничивалась строительством укреплений и организацией дружин московских воевод; активно осуществлялась государственная политика переселения казаков в пограничную зону. «Ка-

заки оказались незаменимыми союзниками, как для Московии, так и для Польши в борьбе против татар и Турции. Время от времени запорожские, и донские казаки предпринимали дерзкие морские набеги на турецкие города, расположенные на побережье Черного моря... Москва формировала внутри своих граждан иные казацкие соединения из тех, кто прямо соглашался пойти на царскую службу. Эти группы организовывались по казацкому типу внутри каждого соединения, но находились под командованием московских армейских командиров. Эти «служилые казаки» играли важную роль в защите южных границ Московии, равно как и в русском завоевании Сибири» (34, с.14-15). Описания взятия Азовской крепости донскими казаками в 1687 году и осады города крымскими и турецкими войсками в течение пяти лет (повести об Азове) показывают истинное положение военно-политических и дипломатических отношений Турции и Московской Руси, ведущих необъявленную войну друг против друга силами крымских татар и казацких отрядов. Однако при рассмотрении таких историко-литературных источников Древней Руси, как Московский летописный свод конца XV века, «Патриаршая или Никоновская летопись», «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Севернорусский летописный свод 1472 года», «Летописи белорусско-литовские», «Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы» и т.д., обнаруживаются и выявляются подробные эпизоды и тонкости взаимоотношений татарских ханств и Московского царства, а также их соседей.

Судя по тем же летописям, представлять русско-татарские отношения только как враждебно было бы необъективно. Даже в разгар русско-крымских столкновений, в 50-60-е годы XVI века астраханские, ногайские и сибир-

ские татары присылали царю письма о признании его величия и о готовности служить ему. «Того же году (1557 - Т.Дж.), мѣсяца Маія, прислали изѣ Астрахани Иванъ Черемисиновъ да Михайло Колупаевъ Татарина служивого Байчюру, а съ нимъ писали, что Астороханьскіе люди многіе царю и великому князю добили челомъ и въ городъ къ нимъ пришли и правду на том дали, что имъ служить царю и великому князю и ясакы платить, какъ преже сего царемъ Астороханьскымъ плачивали. А Исмаиль, князь Нагайской, присылалъ к Ивану и къ Михайлу дѣтей своихъ Магмета з братіею, и правду за отца и за всѣх мырзъ дали, что имя царю и великому князю прямить въ всемъ, а с Иваномъ побраталися; ...И кочевали и зимовали Нагаи подъ Астороханью и торговали въ всю зиму въ Астрохани поволно и полюбовно. А изо многихъ земель съ ними ссылалися, изъ Шевкалъ, изъ Шамахѣи, изъ Дербени (171, с.281). Более надежными были нагайские татары: «Того же мѣсяца Декабря въ 22 день (1564 г. - Т.Дж.) писалъ ко царю, и великому князю изъ Нагай Тинехматъ-князь Исмаиловъ сынъ княжой, съ своимъ человекомъ съ Темиремъ, что отца его Исмаиля - князя въ животѣ не стало, а онъ Тинехматъ на Нагаехъ княземъ учинился, а братъ его Урусъ-мурза, Исмаилевъ же сынъ, на нурадычествѣ, а улусы отца его всѣ у него, а приказывал Исмаилъ князь при концѣ, а велѣл имъ, дѣтемъ своимъ, бити челомъ государю царю и великому князю, чтобы ихъ государь отъ недруговъ ихъ берегъ и неотступни бы были отъ царя и великого князя и до своего живота по тому же, какъ и онъ отъ царя и великого князя неотступенъ былъ и до своего живота (171, с.373). Данные отрывки из летописи свидетельствуют о том, что союзнические отношения с астраханскими и ногайскими татарами, да и с черкесами были очень выгодны Московскому царству, так как торговый

путь в Закавказье, Персию и Среднюю Азию пролегал через их земли. Это же способствовало предотвращению от турецкого присутствия на юге. Вспомним известное посольство шемахинского правителя и заинтересованность в нем царя Ивана IV: «Того же лѣта (1564 г. - Т.Дж.) Ноября въ 1 день, пріѣхали ко царю и великому князю изъ Шамахіи отъ Абдулы-царя Шамахійского послы Коземакъ, Судалѣй да Аръсланъ-ага, а грамоты с ними были ко царю и великому князю отъ Абдулы-царя; а писалъ ко царю и великому князю Абдула-царь въ своихъ грамотахъ: чѣмъ ему царь и великій князь себѣ велить служити, и онъ тѣмъ царю и великому князю служити радъ; да писалъ о торговыхъ людехъ, чтобы царь и великій князь торговымъ людемъ велѣлъ дорогу отворити и торгъ бы имъ велѣлъ давати поволной» (171, с.371). С другой стороны, Московское правительство в нужное время использовало «служилых татар» против набегов крымцев. Из письма ногайского князя видно, что московский царь не вмешивался во внутренние дела своих союзников. Даже в то, кто будет у них князем, но главное, чтобы они признали его подданство и были заодно с ним против крымских татар и их покровителей - османских турок. Отношения Московской Руси с крымскими, астраханскими, ногайскими, сибирскими и казанскими татарами и черкесами напоминают политическую структуру древнерусского общества при Киевской Руси, когда под руководством русов-восточных славян печенеги, торки, черные клобуки отражали натиски могущественного тюркского племени - половцев.

Московское царство, занятое Ливонской войной, не было заинтересовано в продолжении враждебных отношений с Крымом: «Того же лѣта (1564 - Т.Дж.), Октября въ 1 день, царь и велікий князь послалъ въ Крымъ Ели-

зара Девятого сына Ржевского къ Девлетъ-Киръю царю и къ его дѣтемъ царевичемъ... А велѣлъ ему съ Крымскимъ з Девлетъ-Киръемъ царемъ дѣлати на томъ: какъ дѣдъ царя и великого князя великій государь Иванъ з дѣдомъ его съ Минли-Киръемъ царемъ былъ въ дружбѣ; и въ братствѣ, и онъ былъ со царемъ по тому же о дружбѣ дѣлалъ...» (171, с.370). Это было ответное послание московского царя на следующее письмо крымского хана: «Того же мѣсяца (1564 - Т.Дж.) Сентября въ 8 день пріѣхали ко царю и великому князю Ивану Василіевичю всеа Русіи на Москву изъ Крыму царевы и великого князя служилые Татареве... А писалъ царъ ко царю и великому князю, что хочетъ царь быти со царемъ и великим княземъ во дружбѣ и въ братстве, какъ былъ дѣдъ его Минли-Киръй царь з дѣдомъ царя и великого князя съ великимъ государемъ Иваномъ...» (171, с.369-370). Заверения и послания сторон не были искренними. Предшественник крымского хана Девлет-Гирея так же, как он, разорял восточнославянские земли, находящиеся под влиянием Литвы: «В лѣто в 992 (1484 г.) Сентября 2 день по слову вѣликого князя Ивана Васильевича всея Руси прииде царь Меньли Киръи Крымскыи Перекопъскыа орды со всею силою свою и град Киевъ взя и огнем пожегъ, а воеводу Кыевъскаго пана Ивашка Хотковича изымал, а иного полону безчислено взя и землю учиниша пусту Кыевъскую за неисправление королевъское...» (155, с.330). А накануне активных русско-литовских военных действий, когда после известного послания Девлет-Гирея Иван Васильевич не ожидал похода крымских татар, те нагрянули на Рязанские земли и на территории, расположенные за Окой: «Тоя же осени. Октября въ I день, безбожный и нечестивый Девлетъ-Киръй, царь Крымскій преступивъ правду своея скверныя вѣры, что со царемъ и великимъ кня-

земъ Иваном Васильевичемъ всея Русіи миръ и дружбу учинилъ и передъ царевымъ и великого князя гонцомъ Елизаромъ Ржевскимъ царь и з дѣтми своими съ калгою Магмедъ-Кирѣемъ царевичемъ и съ Алды-Гирѣмъ царевичемъ и болшими князями правду на коранѣ учинилъ на том, что было ему со царемъ и великимъ княземъ быти: въ крѣпкой дружбѣ и въ братствѣ и до своего живота и на недруга его на Польсково Жигимонта-Августа короля стояти заодинъ» (171, с.387).

Русское летописание середины XV-начала XVII веков доказывает важность добрососедских отношений восточнославянских народов с татарским населением и освещает эти контакты в летописных сводах Древней Руси. Масштабы описания татарских набегов, их военно-политических, дипломатических сношений с Московской Русью так велики, что русское летописание о татарах в количественном отношении чуть ли не превосходит изображение времен батыевщины.

Так как русско-казанские отношения являются предметом анализа при исследовании величайшего памятника середины XVI века «Казанской истории», мы ограничились лишь цитированием эпизодов летописей, касающихся описания набегов крымских татар. Автор «Казанской истории», обобщая последствия поистине ужасающих татарских набегов, подчеркивает значение взятия Казани для Московской Руси и сравнивает русско-татарские столкновения с нашествием Батыя: «... многи грады и страны руския запустѣвши от поганых: Резанъская бо земля и Сиверская крымъским мечем погублена, и Низовская же земля вся, и Галич, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь от казанцевъ запустѣла» (99, с.362), «...и хто убо тогда, о вѣрнии, изрещи можетъ бывшиа великия бѣды за многа лѣта от казанцевъ и от поганыя черемисы

ихъ православным христианом паче Батыя. Онъ бо единою протече Рускую землю, яко молниина стрѣла или темная главня огненая, попаляя и пожигая, и разрушая, и пленя християнство, мечем посѣкая... Казанцы же не тако, но всегда из земли нашея не изхождаху, овогда убо с царемъ воюющe и плѣняюще, яко пшеницу, пожинаютъ и, аки садовъ, посѣкают рускихъ людей, и кровь ихъ, аки воду, проливаху по удолиям, покоя християном и тихости на всяк часъ не дающе» (99, с.364).

В письменных памятниках эпохи, включая «Повесть о взятии Царьграда», «Сказание о князях Владимирских», «Повесть о Вавилоне», «Степенную книгу» и т.д., Московская Русь представлялась как преемница религиозного и государственного наследия и авторитета Рима и Византии. В литературе XV-XVI вв. обосновывалась вымышленная генеалогия мировых властителей, с которыми русские князья оказываются в родстве. По «Сказанию о князях Владимирских», призванный на русское княжение Рюрик, происходил от рода римского Августа-Цезаря. А послы побежденного русского князя Константина Мономаха приносят в дар к Владимиру Святославичу принадлежащие византийскому императору знаки царской власти. В «Повести о Вавилоне» Русь выступает наследницей достояния разрушенного Вавилонского царства. Возникшая в недрах церкви теория «Москва - Третий Рим» становится популярной. В противовес церковной идеологии все русские князья, начиная с Дмитрия Донского и кончая Иваном Грозным, укрепление государственной мощи Московской Руси видели в умеренной политике с Великой Степью, в расширении территорий и умножении сил царства за счет огромного потенциала остатков разрушенного государства монголо-татар. Они унаследовали политическое влияние и военную мощь, реальную власть

не от надуманных церковными кругами символических правителей Рима и Византии, а от татарских ханов. «Казанская история» - отражение реальных исторических событий эпохи и подлинное выражение политической воли московских царей.

Об эффективности дипломатической деятельности и умеренности политических шагов Московской Руси в отношении к Крыму и Казани свидетельствует привлечение татарских мурз и воевод к царской службе (судьба касимовских татар, назначение Шах Али казанским царем, выдвижение Семиона Бекбулатовича царем и великим князем). В этом плане любопытно замечание языковеда А.Н.Кононова: «...в Москве на государственной службе были толмачи и переводчики, свободно владевшие казанско-татарским и крымско-татарским языками. Из посольских записей известно, что «грамоты в Крым 6 сентября и 29 октября 1489 г. и в апреле 1490 г. писаны были «татарским письмом» (114, с.21).

Достаточно сказать, что при осаде и взятии Казани в 1552 году Иван IV назначил во все передовые полки главными воеводами татар: крымского царевича Тохтамыша, шибанского царевича Кудаита, астраханского царевича Кайбулу, царевича Дербыш-Алея, касимовского царя Шах-Али и других. По свидетельству «Казанской истории», московский царь помиловал поднявшихся против него казанскую царевну Сюмбикэ и последнего казанского царя Едигера Касаевича, а юного царевича - сына покойного крымского хана Сафы-Гирея Мамш-Гирея - окрестили и обучили русской грамоте.

«Казанская история» по содержанию и объему, по историчности и правдивости, по художественности и новаторству превосходит все остальные исторические и воинские повествования данной эпохи. Своеобразие «Казан-

ской истории» Д.С.Лихачев видел в том, что «в ней самой жила литература предшествующих четырех с половиной веков в цитатах, заимствованных формулах, а главное - в идеях. При этом «Казанская история» «заглянула в будущее»: она ярко представила все те прогрессивные особенности литературы, которые разовьются в литературе второй половины XVI и XVII веков», и, что «развивается личностное, авторское начало в произведении, происходит усложнение рассказа и усложнение авторского отношения к описываемому. Эти усложнения частично объясняются необычной судьбой автора «Казанской истории», но в целом они становятся в какой-то мере характерными для русской литературы и знаменуют собой более широкое и более свободное видение мира» (136, с.9).

Автор «Казанской истории», как и многих других литературных памятников Древней Руси, неизвестен. Однако высокий патриотизм создателя «Казанской летописи», его личные качества как человека-идеолога централизованного Московского царства, сильной власти в лице великого князя и царя Ивана IV, бесподобное умение дают основание назвать его профессиональным литератором, мастером древнерусской словесности. Примечательным литературным фактом является тщательное исследование источников «Казанской истории», что также восходит к проблеме авторства данного произведения. В статьях Т.Ф.Волковой (39, 40) и А.С.Демина (61) довольно подробно анализируются всевозможные литературные источники «Казанской истории», приводятся сюжетно-тематические, текстологические параллели, схожие и почти одинаковые художественные приемы и средства в древнерусских литературных памятниках, послужившие осуществлению идейного замысла произведения, посвященного трехвековым русско-казанским отношениям.

Т.Ф.Волкова, опираясь на источниковедческие материалы, собранные Г.З.Кунцевичем и А.Н.Насоновым, утверждает, что автор «Казанской истории» щедро использовал тексты написанных вскоре после завоевания Казани Сказания и Повести о взятии и осаде города, а также «Летописца начала царства», что главная задача «Казанской истории» - это «формирование идеального образа царя-воина и царя-христианина»: «продуманная интерпретация фактов в свете конкретной авторской идеи - показать личные заслуги царя в деле покорения Казанского царства и оправдать его как христианина за пролитую им в Казани кровь» (39, с.108). Среди многочисленных источников «Казанской истории» исследователь А.С.Демин особо выделяет «Слово о полку Игореве» и на основе совпадения отдельных ярких выражений, других тематических и текстологических соответствий доказывает близость выдающихся литературных памятников XII и XVI веков. Выделенные исследователем художественные детали, лексические средства, смысловые параллели, свидетельствующие о родственности текстов этих и других древнерусских произведений, восполняют образовавшуюся в представлениях современного читателя пустоту относительно преемственности литературных традиций Древней Руси, в том числе тем, сюжетов, мотивов и канонов. Оказывается, «Казанская история» имеет больше соответствий со «Словом о полку Игореве», нежели с «Повестью о взятии Царьграда турками»; в этом плане она чуть ли не превосходит известные своей родственностью и типологической общностью произведения: «Слово о полку Игореве», «Задонщину» и «Сказание о Мамаевом побоище». Сопоставляя эпизоды бегства казанского воеводы Аталыка от русских воинов и плененного русского князя Игоря от половцев («Тут же наскочишы воины руския силнаго

вварара Аталыка... Ему же спящу... в шатре своем..., скоро вскочи... на конь свой, и без пояса, и бос, и хоте во град убежати. И понесе его конь... на поле..., конь его реку перелете. Он же... спаде с коня своего... бос, бегающе по траве... и убиваше птицу или зверя...»; «Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ Великаго Дону до Малого Донца... Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, възвъжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди...»), а также и другие эпизоды, А.С.Демин подчеркивает, что автор «Казанской истории» опирался именно на сцены из «Слова о полку Игореве» (61, с.125). При этом гипотеза литературоведа о «Слове о полку Игореве», как о промежуточном источнике, страдает недостаточной убедительностью. По мысли А.С.Демина, автор «Казанской истории» не имел под рукой текста памятника и воспользовался лишь мотивами не дошедшего до нас памятника, отражавшего «Слово о полку Игореве» (61, с.129).

Статья А.С.Демина, являясь весьма ценной для создания целостного впечатления об идейно-тематической близости и типологической родственности воинских повестей Древней Руси - «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о взятии Царьграда турками» и «Казанской истории», - дает основание для размышлений и по другому поводу: во-первых, обращение автора «Казанской истории» к «Слову о полку Игореве» не случайно. Оно вызвано исторической необходимостью восстановления традиционных отношений Древней Руси и Великой Степи и освещения подобным образом русско-татарских военно-дипломатических, торгово-экономических связей, насущной потребностью объединить усилия возрождающихся

русских земель и татаро-тюркских народов распавшейся Золотой Орды в целях укрепления и расширения Московского царства; во-вторых, «Слово о полку Игореве», обнаруженное в единственном списке XVI века, не могло бы оставаться вне внимания автора «Казанской истории», столь талантливой и всезнающей личности своего времени, одаренного литератора, хорошего знатока политических отношений разных групп Московской Руси и Казанского ханства. Не имея под рукой текста «Слова о полку Игореве», автор «Казанской истории» не смог бы так мастерски и неоднократно использовать его эпизоды. Создается впечатление, что «Слово о полку Игореве» было очень популярным в XVI веке, как и во времена написания «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище»; в-третьих, предполагаемым автором «Казанской истории» не мог быть Иван Грозный. Автор данного исторического повествования - это профессиональный литератор, сторонник Ивана IV, один из идеологов создания сильной царской власти, подобной правлению турецкого султана Магмета. Им мог бы быть Иван Пересветов, автор «Сказания о Магмет-салтане» и обработанного текста «Повести о взятии Царьграда турками».

Судьба автора «Казанской истории» очень напоминает судьбу Нестора Искендера, с чьим именем связывают написание самого значительного литературного источника о взятии Царьграда турками. Авторы этих произведений, попав в плен, были обращены в магометанство. Благодаря своей наблюдательности и любознательности они приобрели знания по истории, обычаям и обрядам турок и татар, овладели их языком, сумели умело описать местность, торговые и военные пути к Царьграду и Казани, состояние крепостей и городских стен, вооружение, военные и продовольственные припасы сторон, реши-

тельность и неотступность наступающих, психологическое состояние защищающихся. И главное: московский царь, составляющий план взятия Казани и организующий приступ города, своими действиями, умением осмотреть и обходить все позиции, оценить и обострить ситуацию, а также оценкой героизма, мужества и непоколебимости казанцев, снисходительностью и милосердием в отношении к пленным, заботой о достопримечательностях древнего города походит на великого стратега и покорителя Магмета II, так же решительно, как и Иван IV, ровно 100 лет назад взявший Царьград. Взятие Царьграда было частью политических планов Магмета-султана, а покорение Казани - частью планов расширения Московской Руси в сторону Сибири и Дальнего Востока, Закавказья и Средней Азии. Главное в описании покорителя Казани - великого князя и царя Ивана IV - это создание образа того самого идеального правителя и политического деятеля, каковым видел турецкого султана Магмета II автор «Сказания о Магмете-салтане» Иван Пересветов. Им же была переработана «Повесть о взятии Царьграда турками» и на первый план была выдвинута фигура непоколебимого и неустрашимого турецкого султана, наводившего идеальный порядок в своей стране и армии, устранившего творимые пашами и боярами беззакония. Следует учесть, что первые редакции «Казанской истории» появились в 1564-1565 годах, и прошло более десяти лет после взятия Казанского царства. Остались позади горячие споры и дискуссии между сторонниками царя (партия Адашева) и противниками Казанской кампании (князь Семен Лобанов-Ростовский, князь Петр Щенятев, князья Куракины и др.). По мнению последних, в результате взятия Казани Московское царство было повергнуто в бедность, «и в любом случае невозможно будет удержать Казань» (34,

с.59). С другой стороны, Иван IV полностью расправился с теми боярами, кто в 1553 году, во время тяжелой болезни царя, надеясь на его скорую смерть, хотели привести к власти двоюродного брата царя Владимира Старицкого. Многие противники начавшихся в середине 50-х годов репрессий, в числе жертв которых были и участники казанской кампании, спасаясь от расправы, убежали за границу. К числу таких относился и перешедший в лагерь литовцев князь Курбский, который своими обвинительными письмами и посланиями долгое время раздражал царя и выводил его из терпения. Царю удалось проконтролировать церковные дела и подчинить русскую православную церковь своей воле; вскоре был снят вопрос о социальной и политической независимости церкви.

Автор «Казанской истории» - ярый сторонник Ивана IV; его очень беспокоят происходящие в Московской Руси неурядицы, введение опричнины, ударившей не только по княжеско-боярской власти, но и по простому народу. Во всем произведении автор, оправдывая царя в его делах, противопоставляет его боярам. Эта особенность композиции «Казанской истории» тонко замечена исследователем Г.Н.Моисеевой: «В картинах штурма Казани эпизоды построены так, чтобы, с одной стороны, подтвердить характеристику, данную Грозному в самом начале рассказа о событиях его царствования, с другой - напомнить резко отрицательную оценку княжеско-боярской среды. В деле завоевания Казанского царства, по замыслу автора, главная заслуга принадлежит самому Грозному. Он не только «повелевает», он всюду присутствует лично, вдохновляет и ободряет в трудную минуту войска, побуждает воевод к энергичным действиям, стыдит их, когда они готовы отступить перед трудностями, готов броситься в самую гущу боя и «собою дати храбрости начало всем» (151, с.6).

Освещение благодеяний православного царя и великого князя, покорителя Казанского ханства занимает особое место в Троицкой повести о взятии Казани. Все действия и указания государя подсказаны Божьим велением: «Воины же православные пребывали в немалом огорчении из-за того, что не давал им воли государь: не понимали ведь они, что замысел этот сам Господь Бог подсказал православному нашему царю - когда приспеет надлежащее время и придет помощь от Бога, тогда христолюбивое воинство, сыны русские, приготовятся на брань, целые и невредимые, и будут они словно львы, рыщущие в звериной ярости и, обретя свою добычу, устремляющиеся на нее, - такими же и они будут, когда придет помощь Божия и приспеет для этого время» (247, с.535). После того, как «православные, ... призвав на помощь всесильного Бога и оградив себя крестною силою,.. вскоре потопили и побили... всех иноплеменников и многие версты гнались за ними по лесу, и всех перебили, православный же государь... с огромною радостью и слезами воздал благодарственными песнопениями Господу и пречистой Богородице, защитнице и помощнице христиан, и великому чудотворцу Сергию», «благочестивая эта и богохранимая глава - царь и великий князь склоняется к милосердию, не вспоминая о великих изменах ему, государю, тех зловерных и безбожных агарян и о пролитии нечестивыми крови православных христиан, и хочет перед ними выказать смирение, ибо хорошо знал он слова Божественного писания о том, что Господь гордых наказывает, смиренным же дарует благодать» (247, с.535-536). Аналогичная мотивация действий царя была необходима автору данной версии взятия Казани не только для показа набожности и милосердия государя, но и ради смягчения зверств, причиненных жителям ханства. Для оправдания

содеянного и причиненного казанцам зла было придумано чудо, рассказанное самими пленными горожанами: «После взятия же города множество нечестивых сарацин попало в плен, и многие из этих нечестивых рассказали про святого Сергия - о том, что они, варвары, в течение многих дней и ночей перед взятием города видели такого старца, ходящего по городу и город очищающего. И рассказывали нечестивые: «Много раз устремлялись мы на него и хотели его схватить, но он становился для нас невидим» (247, с.545). Такого явного признания христианских чудес мусульманами ни одна русская воинская повесть на тюрко-татарскую тему не знала. В «Троицкую повесть о взятии Казани», являющуюся церковной версией осады и взятия Казани, были удачно вкраплены формулировки в духе воинской лексики и некоторые устойчивые словосочетания («потомки и побили всех иноплеменников», «всех перебили», «напал на нечестивых сильный страх», «загремел сильный гром и сильно задрожала земля», «воины, словно на крыльях взлетели на городские стены»), а главному герою отведена роль государя-полководца и человека, выполняющего миссию митрополита, с его бесконечными молитвами. Поэтому приходится говорить об агиографии с явными элементами воинской повести.

При всем старании автора «Казанской истории» оправдать и обосновать объективность и безболезненность «слияния историй» (136, с.12) Московского и Казанского царств бросаются в глаза эпизоды, вызывающие сомнение в его искренности. Яркий пример тому - следующее отношение самодержца к казанскому царю, пленнику: «Аще прокленет вѣру бахмичю и вѣрует в распятаго сына божия, въ господа нашего Иисуса Христа, в рускую нашу святую вѣру... то избавится ото одержания сего и приимет ъ от мене честь и славу велию, и будет ъ, яко еди-

наго мы отца и матери рожденныи, ми брат любимый.. аще тако не хощет, то злѣ умрети имать в заточении нужнемъ...» (99, с.552). Но подобное обращение с татарским ханом, хотя и пленником, противоречило традиционным отношениям русских князей с тюрко-татарскими ханами и мурзами.

Взятие Казани стало определяющим фактором во внутренней и внешней политике Ивана IV, который умело воспользовался им для подавления своих противников внутри страны, а также для вытеснения агрессивно настроенных шведов, литовцев и поляков, покорения Астрахани, татарских и иных племен и т.д.

Актуальность данной темы в русской литературе середины XVI века и определенная близость художественной манеры описания исторических событий наводит на мысль о том, что сочинения Ивана Пересветова подготовили благодатную почву для появления поистине величайшего творения древнерусской литературы - «Казанской истории», ставшей своеобразным продолжением традиций «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о взятии Царьграда турками» и т.д. «Произведение это ценно не только по фактической полноте и глубокой идейности, но и по литературно-художественной обработке. На основе повести Нестора Искендера о взятии Царьграда, воинских повестей о татарщине, московских летописей и других памятников автор создал «красную, новую и сладкую» повесть с легендами, предчувствиями, знамениями и плачами. Разнообразием источников «Казанского летописца» объясняется некоторая пестрота его стиля. Здесь встречаются и суровые картины воинских повестей, и торжественная речь «Макарьевской манеры (однако без чрезмерного «плетения словес»), и докумен-

тальный язык летописей, и образы народной поэзии» (100, с.275). Такая высокая оценка идейной направленности и художественного своеобразия «Казанской истории» поднимает ее до уровня «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Задонщины», т.е. до уровня произведений целой эпохи, ибо Русь никогда не имела подобной победы над Степью, способствовавшей ее военно-политическому могуществу и авторитету перед западными странами, возвращению потерянных земель Киевской Руси. Победу над Казанью русский автор оценивал как превосходство над Степью, над новой Ордой, пленившей в 1445 году великого князя Василия Васильевича, как это происходило с русскими князьями во времена батыевщины. Значение триумфального шествия московского царя на Казань измеряется тем, от какого врага оно избавилось: «И нача изнемогати во время то великая Орда Златая, и уселятися, и укрѣплятися нача в тоя мѣсто Казань – новая Орда... И прейде царьская слава и честь велия Болшия Орды старые премудрые ордамъ всѣмъ на преокаянную младую дщерь Казань. И паки же возрасте царство и оживе, яко древо измерзшее от зимы солнцу обогрѣвшу и веснѣ. От злого древа, реку же, от Златыя Орды, злая вѣтвь произыде – Казань – и горкий плодъ второе изнесе, зачася от другаго царя ординъска...» (99, с.326).

Если верить «Повѣсти о Казанском Царствѣ, откуду начася», произведению неизвестного автора, то место, на котором был возведен город Казань, «было жилищемъ и гнездомъ змиіемъ, и всѣмъ того мѣста жителемъ, земля та знаема бѣ... Симъ образомъ очисти мѣсто то царь Саинъ, и возгради на томъ мѣстѣ градъ Казанъ; никому же тогда отъ Державныхъ нашихъ смѣющу ему сопротивъ рещи, что есть се? Градъ же Казань стоитъ и донынѣ, всѣми Русскими людьми видимъ бысть и знаемъ, незнающимъ слы-

шимъ есть на змiином жилищи; возгнѣздився словесенъ лютый змiий, и воцарися во градѣ скверный царь...» (180, с.107).

Как следует из приведенного выше отрывка, да и всей повести в целом, основание и начальный этап развития Казани связывается с именем золотоордынского хана Батыя. Версия данной повести совпадает с версией «Казанской истории» о том, что «от злого дерева, от Золотой Орды, произросла злая ветвь - Казань».

При выдвижении евразийской концепции русской истории ученые-евразийцы не могли не обратить внимания на подобные эпизоды «Казанской истории». Г.В.Вернадский, например, отмечает, что «русское государство инстинктивно стремилось и стремится воссоздать это нарушенное единство (распад Золотой Орды - Т.Дж.) и потому является наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана» (34, с.59). По этому поводу Н.С.Трубецкой пишет: «На новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступили в роли наследников Чингисхана, только монголы в свое время начали свое нашествие на Русь с востока и двигались на запад, русская же экспансия шла в противоположном направлении, с запада на восток» (251, с.213). И «...с ослаблением Золотой Орды произошло перенесение ханской ставки в Москву. Скифский, гуннский и монгольский периоды общеевразийской истории были продолжены периодом русским...» (34, с.10). Евразийцы в основном руководствовались военно-политическими отношениями Московской Руси и Казанского ханства и, конечно же, позицией автора «Казанской истории», т.е. главной идеей произведения. И в последующих исследованиях и комментариях текста казанского летописца высказывалась созвучная концепции и мыслям евразийцев

оценка основной идеи и темы данного литературного памятника. Г.Н. Моисеева подчеркивает: «Русско-татарские отношения, начиная от нашествия Батыя и кончая завоеванием Казани, - центральная тема «Казанской истории», развертывая которую, автор стремится дать представление о всех этапах, характеризующих рост могущества Русского государства и, соответственно, переход от борьбы за освобождение от Золотой Орды к покорению ее наследника - Казанского царства» (151, с.6).

При анализе «Казанской истории» было бы необъективно указать только на исторические факты и эпизоды, рассказать о значении и месте покорения Казанского царства в русской истории, формировании русской государственности, о политической фигуре изображенных в произведении исторических лиц, ограничить рассмотрение данного повествования в плане его историзма по той причине, что казанский летописец являет собой яркий пример художественного видения не только исторической панорамы Московской Руси 30-60-х гг. XVI века, но и насущных задач социально-экономической и духовной жизни населения и самого царства и казанского ханства. Литературное восприятие и осмысление русской истории не ограничивается небольшим, но существенным отрезком времени; автор «Казанской истории» в стиле, близком к художественной манере «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве», описывает трехвековую историю русско-татарских контактов, не скрывая своего авторского отношения, дает оценку отдельным фактам и событиям. Весьмо уместно привести цитату из «Художественно-исторической хрестоматии», составители которой руководствовались мнением крупнейшего русского источниковеда А.С.Лаппо-Данилевского о том, что литературные памятники среди других исторических источ-

ников «отличаются наиболее разносторонним значением, т.е. наибольшим разнообразием своего содержания, частью фактического, частью нормативного характера, и могут служить для построения весьма различных сторон исторической действительности» (41, с.13-14). Естественно, что анализ литературного памятника не только как исторического источника, но и как художественного сочинения определенной эпохи, имеет огромное значение. О.В.Волобуев верно отмечает: «Литературные произведения отражают исторические факты не непосредственно, ... а посредственно, через восприятие и художественное осмысление действительности писателем... На первый план выдвигается не исторический факт, как таковой (под фактом подразумеваются не только события, но и все проявления действительности), а его проекция, перенесение во внутренний мир чувств и мыслей героя, своего рода «слияние» факта и «переживания». Другой специфической чертой литературы, служащей в еще большей степени камнем преткновения для источниковеда, является взаимопроникновение реальности и вымышленного» (41, с.12).

В произведениях XVI-XVII веков больше реалистичности и фактов, нежели вымышленного и «переживания». Встречающиеся в текстах литературные штампы удачно сочетаются с элементами реалистичности и описанием психологического состояния героев. Традиционные каноны литературного этикета древней русской литературы уже не совсем соблюдаются (или их строгое соблюдение становится невозможным). А при их сохранении «этикетный обряд существует, но он отрывается от ситуации, его требующей; этикетные правила, этикетные формулы остаются и даже разрастаются, но соблюдаются они крайне неумело, употребляются «не к месту», не в

тех случаях, когда это нужно. Этикетные формулы применяются без того строгого разбора, который был характерен для предшествовавших веков» (130, с.103). Среди произведений XVI века, нарушивших систему литературного этикета Древней Руси, Д.С.Лихачев особо выделил «Казанскую историю». В сценах открытия заседания боярской думы, смотра русских войск царем, а также обращения Грозного к своим воеводам при взятии Казани исследователь обнаруживает «парадоксальное» сочетание усложнения литературного этикета с усилением элементов реалистичности» (130, с.102-103). Нарушение привычного литературного этикета Д.С.Лихачев находит в описании приступа русских войск к Казани, напоминающем описание осады Рязани Батыем: «Нарушения этикета простираются до такой степени, что враги Руси молятся православному богу и видят божественные видения, а русские совершают злодеяния, как враги и отступники» (130, с.106). Таких нарушений литературного стиля исследователь не отмечает в «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искендера и у него ничуть не возникает сомнения о «враждебном» русским произведении (130, с.107).

Если принять концепцию Д.С.Лихачева о русском Предвозрождении и представить себе развитие и процветание возрожденческой культуры и литературы Европы в XVI-XVII вв., то нетрудно объяснить и светскую направленность «Казанской истории», заметить стремление ученого-литературоведа найти оправдание отходу исторического повествования от литературных канонов, увидеть в литературном этикете «систему творчества».

Нецелесообразно отождествлять воинские и исторические повествования с житийными, нравоучительными и сатирическими повестями Древней Руси; в отличие от

первых, чудеса и волшебства, предсказания и предвидения последних слабо заметны в структурной системе и художественной ткани произведений. Не обоснованы и не мотивированы в «Казанской истории» предсказания и предчувствия, сны-знамения героев, аналогичные, например, такому повествованию: «И по малѣ часѣ явися дым чернъ великъ изнутрь градца, из мечети, на воздух се излетѣ змий огненъ и полѣте на запад... и невидимъ бысть очию нашею» (99, с.401) Подобные сцены-изображения были характерны для воинских повестей середины XIII и XV веков, в частности, «Повести о взятии Царьграда турками». На фоне динамичного развития действий и поворота событий, оперативности принятия военных и дипломатических решений религиозные мотивы «Казанской истории» представляются неубедительными. Умышленная христианизация текста в какой-то степени уменьшает литературную значимость произведения, но благодаря незаурядному литературному чутью автора приподнятость речи и религиозная окраска произведения строго подчиняются его основному содержанию, описанию реальных событий. Факт учреждения Иваном IV Казанской епархии и построение на месте разрушенных мечетей церквей свидетельствует о заказном характере вмонтирования в текст «Казанской истории» религиозных мотивов, особой роли митрополита Макария. Не исключается также добавление аналогичных эпизодов в поздних списках повествования.

Исследуя проблему становления и развития славянских литератур, барокко в славянских культурах, ученые-литературоведы пытались понять и оценить причины несостоявшегося Возрождения в древнерусской и других славянских литературах. Несомненно, «литературы-посредницы», трансплантация многочисленных церковных

житий и хроник, религиозные книги имели на это определенное влияние. В этом плане убедительна и аргументация А.В.Липатова, ссылающегося на работы Д.С.Лихачева и А.Н.Робинсона: «...средневековая славянская письменность сама по себе не может дать полного представления о мировосприятии, культуре, эстетических представлениях, широте вкусов отдельных славянских народов... Будучи «официальной» - связанной с церковью и государством - такая письменность редуцировала это многообразие до обязательного и обязующего единообразия, что, естественно, не могло не сказаться на судьбах самого литературного процесса: мотивы, сюжеты, стили, более того - целые литературные роды и жанры, свойственные иным типам мировосприятия, уже в силу этого становились малоприемлемыми» (128, с.16-17).

Русское барокко приняло на себя ряд ренессансных функций: и в эпоху второго монументализма (XVI в.), и перехода к литературе типа Нового времени (XVII в.) древнерусская литература стала «официально-публицистической» и «формирующейся собственно-художественной литературой» (129, с.47-48). «Казанская история» стала одним из образцов «формирующейся собственно-художественной литературы», имеющей определенные новаторские особенности и тенденции перерастания в большую литературу. Характерной чертой данного исторического повествования, сближающей ее с новой литературой и отличающей от старой, является новый подход к изображению человеческого характера: будь это представитель чужой стороны или свой: «Похвалю же мало время предобраго воеводу и всѣми любимаго князя Симиона. Таковъ бо обычай имѣ: умомъ веселъ всегда и свѣтел лицем, и радостенъ очима, и тих, и кроток, и не имѣя гнѣва ни на кого же своих воин, но на противныя ему ратныя, и силенъ в мужествѣ, и славен в побѣдах, и в

скорбѣхъ терпѣливъ, и наученъ мѣтати копием и укрыватися от стреляния, и на обѣ руки стрѣляти в примѣту, и не погрѣшити» (99, с.384). Подобная характеристика воина не единственный случай в повести, когда автор стремится раскрыть положительные качества героя в его поступках и способностях. «Казанская история» избегает половинчатости изображения человеческого характера, вникает в настроения героев, в мотивы их поведения. Герои в начале произведения кажутся в определенной степени отрицательными, однако в дальнейшем завоевывают симпатию читателя. Ярким примером того является образ казанской царицы Сюмбикэ, поведение которой ускорило завоевание Казани. Сюмбикэ своим сопротивлением добровольной сдаче ослабевшей Казани ставленнику Ивана IV Шах Али (Шигалею), стараниями перехитрить и отравить последнего и добиться организации защиты города, вызывает антипатию читателя. Однако сцены расставания героини с казанцами, ее плач и речь у надгробия мужа Сафы-Гирея меняют отношение читателя к ней. Сравнение плененной героини с захваченным городом - это своеобразная находка «Казанской истории», олицетворяющая разрушение восточной цивилизации, крах мировоззрения и мировосприятия восточного человека. Автору удается маневрировать в характеристике плененной казанской царицы, изменить отношение к ней, вызвать сочувствие к гордой и красивой невольнице: «...Шихалей убо царь уже стар есть, ты бо млада, аки цвѣт красный цвѣтешъ или ягода вишня, наполнися сладости», - говорят ей казанские вельможи (99, с.416). Описание казанской царицы, ее монологи и обращение к покоренному царству - еще одно свидетельство симпатии и сочувствия автора к казанцам, его интереса к древнейшей истории города: «Царица же казанская, егда поведена

бысть к Москвѣ, и горко плакашеся, Волгою ѣдучи, зряше прямо очима на Казань: «Горе тебѣ, граде кровавый! Горе тебѣ, граде унылый! И что еще гордостию возносишися, уже бо спаде вѣнец со главы твоея! Яко жена худа и вдова, являешися, осиротѣв, и раб еси, а не господинъ» (99, с.418-420).

Речь плененной казанской царицы напоминает трагические строки «Слова о полку Игореве», «Слова о погибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем». Как будто Сюмбикэ заменила Ярославну, автора «Слова о погибели Русской земли», Юрия и Ингваря Ингваревичей: «И се восплачися со мною, о всекрасный граде, и воспомяни славу свою и праздницы, и торжествия своя, и пиршества, и веселия всегдашния! Гдѣ нынѣ бывшая в тебѣ иногда царския пирове и веселия всегдашния? Гдѣ улановѣй и князей, и мурзъ твоих красование и величание? Гдѣ младых женъ и красных девицъ ликове и пѣсни, и плясания? – Вся та нынѣ изчезоша и погибоша, и в тѣх мѣсто быша в тебѣ многонародная стѣнания и воздыхания, и плачевѣ, и рыдания непрестанно» (99, с.420).

Однако, как пишет Г.Н.Моисеева, «в произведении, посвященном взятию Казани, литературный портрет Сюмбикэ не отражает политической характеристики этой честолюбивой воительницы за власть и имеет мало общего с ее исторической личностью. Художественный образ Сюмбикэ создавался автором «Казанской истории» не на основе документальных данных (хотя они были в его распоряжении)» (152, с.186).

Действительно, образ казанской царицы, стоявшей в центре политических событий 30-50-х годов XVI в., кажется сказочным, ибо присылки к хану Шигалею отравленной пищи и одежды Сюмбикэ во многом восходит к татарскому обычаю одаривания невестой жениха, а сце-

ны прощания с павшим городом, могилой мужа и казанцами, дальнейшая судьба героини описаны в лучших традициях тюркских любовных и героических эпосов. Приукрашивание образа казанской царицы в той или иной степени отделяет нас от истинного положения русско-казанских, в целом русско-татарских отношений середины XVI века. Несомненно, под понятием «документальные данные» исследователь Г.Н.Моисеева подразумевала переписку влиятельных отца и братьев Сюмбикэ с Иваном IV, почти отсутствующую в тексте «Казанской истории». Письма отца Сюмбикэ, ногайского хана Юсуфа, его сыновей Юнуса и Абдуллы в Москву, переговоры казанской царицы с Турцией и крымцами и другие моменты русско-татарских контактов, приведенные Г.Н.Моисеевой из летописей, не нашли отражения в тексте произведения.

Интересно, что приведенные исследователем выдержки из переписки татарских ханов с Иваном IV свидетельствуют о непринужденных и искренних отношениях московского царя и подвластных ему татарских мурз. Стороны пишут друг другу как равные, в качестве союзников.

Автор «Казанской истории», как летописец триумфального похода московского царя на Казань, не скрывал своего воодушевления и восхищения могуществом Руси, бесчисленностью ее войск, неминуемой гибелью Казанского царства. Но проведший часть жизни в Казани, принявший ислам и некогда служивший хану Сафе-Гирею русский человек в безрадостные и трагические дни города, в самый критический момент его истории представил себя жителем уже ставшего ему родным города. «...Соучастие в казанской жизни и дружеские связи с казанцами позволили ему судить о них более объективно, чем судили обычно русские книжники о врагах» (136, с.10).

В большинстве случаев автор остается верным основной идее произведения и все художественные приемы и средства подчиняет этой идее. Особо эффективны использовавшиеся им сравнения. «Казанская история», пестрящая положительными и отрицательными сравнениями, доказывает точность и правдивость определения Д.С.Лихачева: «Сравнение в древнерусской литературе подсказывается не мироощущением, а мировоззрением» (130, с.183). Для отрицательной характеристики автор не ограничивается одним-двумя сравнениями; нагромождая их, создает напряжение мысли и добивается внешнего эффекта, выражающегося в легко воспринимаемых, изящных словосочетаниях и предложениях: «И возтужиша казанцы о частыхъ войнахъ, напавших на нихъ, ово же о царѣ своемъ, не могуще жити долго без царя, яко ядовиты осы без матки своея въ гнѣздѣ или малыя змии без великаго» (99, с.372) или: «И паки же яко и преже, возгнѣздися на змиином точевищи словесенъ лютый змий – воцарися во граде скверный царь. Нечестия своего великим гнѣвом воспалашеся и, яко огнь в тростии, разгнѣщаяся, зияя, яко змий, огнеными усты и устрашая, и похищая, яко овчатъ, смиренныя люди» (99, с.316). Встречающиеся в характеристике казанцев сравнения в большей степени отражают представления русского человека о враге, нежели его истинное «мироощущение».

Для описания русских воинов в произведении подобраны и более конкретные и точные сравнения, основанные на зрительном сходстве: «Рустии же вои быстро, яко орли и ястреби гладни, на ныращи полетаху, и, скачющи, полѣтоваху, яко елени по горамъ, и по стогнамъ града; и рыскаху, яко звѣрие по пустынямъ, сѣмо и овамо, яко лвы рыкаху, восхитити лова – ищущи казанцевъ, в домѣх их и во храминах, и в погребѣх, и въ ямах» (99, с.524). Реалисти-

ческое описание казанцев, применение при этом удачных сравнений автору «Казанской истории» удается в тех случаях, когда речь идет о конкретном воине-казанце. Исключение составляет показ массового героизма казанцев при взятии города. Точное описание воинских привычек и внешнего облика казанского воеводы Аталыка свидетельствует о личном знакомстве автора повести со многими казанцами, о его осведомленности и наблюдательности по отношению к казанскому войску: «На҆ѣзжал онъ, злый, на сто человекъ удалых бойцов, и возмушаше вс҆ѣми полки рускими и, многихъ убивъ, самъ отъ҆ѣзжаше... И стр҆ѣляше версты дал҆ѣ в прим҆ѣту... Величина же его и ширина, аки исполина...И бояше бо ся его всякъ челов҆ѣк. Руский воевода или воинъ противъ его вы҆ѣхати и с нимъ дратися не см҆ѣяху. От взора его страх наших обдержа» (99, с.354).

Высокая идейность «Казанской истории», историческая важность и необходимость поставленных в ней проблем, столь удачное литературное раскрытие темы, порою не вмещающееся в рамки привычных литературных канонов, многообразие художественных приемов и изобилие изобразительно-выразительных средств повышают историко-литературную значимость повествования, обособляют его, а энциклопедичность и обобщенность поднятых вопросов выводят его в ряд итоговых произведений Древней Руси.

3.3. Правда и вымысел в повестях об Азове

Историческая повесть - один из ведущих жанров древнерусской литературы. Своеобразие и оригинальность произведений этого жанра проявляется в тесном

переплетении исторических фактов с художественным мировосприятием и вымыслом их авторов, в умелом использовании сложившихся литературных навыков и приемов для более яркого выражения политических и идеологических интересов власти и церкви. Художественная значимость исторических повестей Древней Руси измеряется не только непривычным для произведений других жанров динамическим развитием сюжета, значительностью описания известных исторических событий, оценочным характером изображаемого, но и их немаловажной ролью в летописании конкретного исторического события. Кроме художественных задач, авторы «Повести о взятии Царьграда турками», «Казанской истории», «Исторической» повести о взятии Азова взяли на себя миссию летописца своей эпохи. Вобрав в себя литературные традиции пройденных этапов, пеструю систему и структуру повестей-предшественниц, морально-этические и эстетические ценности, идейно-тематическое разнообразие предшествующего этапа русской литературы, историческое повествование XVII века подверглось демократизации и фольклоризации. Ярким примером этого служат повести об Азове: «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 году, «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 года и «Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении, расцениваемые нами как произведения в жанре исторической повести. Три разных версии осады и взятия Азова донскими казаками, литературная обработка известных событий из жизни казачества стали подлинным отражением многовековой истории Дона, донского и запорожского казачеств. В этих литературных версиях осады и взятия Азова прежде всего проявилось художественное мастерство авторов-азовцев. «Историческая», «Поэтическая» и «Сказочная» повести,

дополняющие друг друга историческими фактами и событиями, видениями и чудесами, описаниями батальных сцен и многими другими деталями, создали настоящую панораму многовекового уклада казачьей жизни. Цикл повестей об Азове стал подлинной энциклопедией истории казачьего движения на Дону, в которой ярко и эмоционально отразились не только события и факты конкретной осады, взятия и обороны азовской крепости, но и своеобразные нравы и обычаи донских казаков, их политические и экономические интересы, элементы культурной и духовной жизни казачества.

Тематическая общность азовских повестей несомненна, но время их написания разное; мотивы, сюжеты и версии осады, взятия и защиты крепости расходятся. Авторы «Исторической», «Поэтической» и «Сказочной» повестей решают разные задачи и в соответствии со временем их написания преследуют совершенно разные цели. «Историческая» повесть, написанная участником азовских событий в том же 1637 году, скупо передает картину взятия Азова казаками, а «Поэтическая», приписываемая самим же казакам - представителям донского казачества, выступившим на слушаниях в Земском совете по Азову для того, чтобы убедить Москву в чрезвычайной необходимости присоединения азовских земель, подробно описывает и гиперболизирует героическое противостояние казаков войскам крымского хана и турецкого султана в 1642 году. В отличие от написанных во время взятия и осады Азова «Исторической» и «Поэтической» повестей, «Сказочная» относится ко времени ограничения свободы казачества. Эта повесть, также созданная в казачьей среде, посвящена доброй памяти участников далеких событий взятия и осады Азова, однако сказочный сюжет и патетический тон повествования не затми-

ли в ней конкретные факты и реальные события. Вырастание краткой «Исторической» версии взятия Азова в обширные художественные полотна - «Поэтическую» и «Сказочную» повести - представляет собой уникальный сплав реалистических, фольклорных, мифологических, религиозных элементов и традиционных поэтических средств описания. Объединение трех повестей общей идеей и тематикой, множеством схожих мотивов и образов, а также своей религиозной окраской и многое другое позволяет рассмотреть названные произведения под одним углом зрения. Цикл повестей об Азове - яркий пример эволюции жанра исторической и воинской повестей. Основной задачей настоящего раздела книги являются выявление художественных особенностей этой эволюции и исследование своеобразия поэтики азовских повестей.

«Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 году обосновывает необходимость взятия Азова у турок и освещает его предысторию, по которой «в том граде Азове живяху поганския люди и изхожаху во Всероссийское государьство и в украйные городы,.. разоряя престолы святых божиих церквей, образом божиим поругашеся, злато и серебро с них одираху и православное християнство под меч клониша, и овых в плен имаху, порабощаху в своих домех и лестию превращаху в свою бусурманскую веру, а иных на море продаваху и великия неволи на катарги (91, с.47-48). Сообщением же о том, что «и во Ерусалиме и во Цареграде и во всех окрестных градех от тех окаянных и немилостивых волков поганскаго языка около Белово и Чернаго моря и Синего моря же православная християнская вера разорена и попленена до основания» (91, с.47), подчеркивается значимость предстоящего взятия Азова казаками. Уже первые страницы «Исторической» повести о взятии Азова в 1637 году являются свидетельством

ее несомненной связи с «Повестью о взятии Царьграда турками» и «Казанской историей». Именно этой связью предопределяется основная идея азовских повестей. При тщательном анализе обнаруживается не только идейно-тематическая, но и сюжетно-композиционная общность между данными произведениями. Следует отметить, что «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 году наделена художественной структурой, характерной всем воинским и историческим повестям. Оригинальность художественного построения повести заключается в эффектном чередовании исторических фактов и батальных сцен с чудесами, видениями, сказочными и фантастическими описаниями божественного характера. Это в свою очередь привело к доминирующей во всех повестях об Азове идее превосходства казаков над турками и татарами, а христианства - над магометанством. Создается впечатление, что знакомство авторов азовских повестей с «Повестью о взятии Царьграда турками» и с прозвучавшей в ней мыслью о грядущем спасении русскими перешедшего в руки турков города и стало причиной зарождения будущих замыслов, планов казаков по захвату азовской крепости. Взятие Азова оценивалось ими как шаг к возвращению Царьграда: «А мы сели в Азове людми малыми, розделясь с товарищи нароком на двое, для опыту ж - посмотрим мы турецких умов и промыслов!.. Хочется нам також взяти Царьград, то государство было христианское» (191, с.67).

Несмотря на неоднократное выражение авторами азовских повестей мысли об отмщении туркам за разорение ими церквей, пленение русских земель и людей, во взаимоотношениях донского казачества и Московской Руси с Крымом и Османской Турцией на передний план выдвигались экономические интересы обеих сторон. В

письмах и обращениях турецкого султана к осажденным казакам подчеркивается, какой экономический вред наносят они ему, захватив стратегически важную крепость Азов: «Прогневали вы его величество - разлучили его с корабельным пристанищем, не даете проход кораблям торговым» (218, с.95) или «Да вы же у царя взяли любимую цареву вотчину славной и красной Азов град и рыбной двор... Разделили вы государя царя турсково тем Азовым городом со всею ево ордою крымскою и нагайскою воровством совим... Затворили вы тем Азовом городом всё море Синее: не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморские городы» (191, с.63).

Обладая яркими художественными особенностями исторической и воинской повестей, при этом обнаруживая в себе отдельные черты стиля, характерного сатирическим, нравоучительным повествованиям XVII века, а также включая популярный для литературы Древней Руси жанр хождений, повести об Азове продемонстрировали своеобразный синтез множества сосуществовавших в то время литературных жанров, художественных приемов и поэтических средств. Следующие описания «Сказочной» повести об азовском взятии и осадном сидении напоминает стиль письма купцов-путешественников Афанасия Никитина и Федота Котова или же автора «Сказания о Железных вратех»: «Паша же, слыша от своих татар про торговых людей, посла встречю к торговым людям осмь человек, да осмотрят товар. Татара же видеша в возах всякой товар: котлы, порох, свинец, уклад, холсты, сукна, соболи добрыя, лисицы, белки» (218, с.88-89). Татары же впустили в Азов «торговых людей Астраханского государства» по причине необходимости для их жизни и быта русских товаров.

При подробном анализе русского летописания XV-XVII веков и многочисленных историко-литературных исследований по Донскому краю, истории донского и запорожского казачеств выявляется первостепенная важность и значимость Азова как торгового пункта между Востоком и Западом. Авторы азовских повестей нередко намекают на это. А турецкий султан и его паши как бы вспоминая прошлое Азова и обитавшие там народности, обращаются к ним как к своим, что вызывает у казаков иронию. Ведь до прихода на Дон и в Запорожье «казаков украинских или южнорусских, чисто славянской народности» (273, с.12) в донских степях хозяйничали тюрко-татары, до появления которых «на юге Руси ни в одном списке русских летописей не встречается слово «казак» (273, с.7). По мнению Д.И.Яворницкого, «слово «козак» или, правильнее, «казак», несомненно, восточное слово, подобно словам «аксак, арак, байрак, бузак, бурчак, гайдамак, инак, кабак, кишлак, кулак, кунак, сугак, табак, чу(а)прак, чумак и многие другие в этом роде слова, имеющие весьма распространенное во многих тюркских словах окончание «ак»... «Перейти же в Россию оно могло только с приходом в нее тюрко-татар» (273, с.6-7). Как свидетельствуют летописи, уже первые казачьи дружины, подвластные русским князьям, состояли из тюрко-татар.

В этой связи очень важен эпизод Московского летописного свода конца XV века, повествующий о союзнических отношениях московского князя с крымским ханом против Золотой Орды и об использовании казаков в борьбе с отрядами монголо-татар: «1491 год... Тои же весны маиа прииде вѣсть к великому князю Ивану Васильевичю, что идут Ординские цари Сеит, Ахмет и Шигахмет, с силою на царя Менли Гирѣя Крымскаго. Князь великы на помощь Крымскому царю Менли Гирѣю отпустилъ

воевод своих в поле ко Ордѣ, князя Петра Микитича Оболеньсково же, да с ними многых детеи боярскых двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всѣми казаки послал вмѣсте же с своими воеводами» (155, с.332).

Известно, что в XVI-XVII века казацкое движение охватило большинство государств региона - Польшу, Крымское ханство, Московскую Русь, Литву и Украину. Возникновение казацких отрядов в каждой из названных стран имело свои причины. Не секрет, что главы государств нередко использовали находившихся под их влиянием казаков в своих политических целях, а при жалобах на них соседей заявляли о своей непричастности к ним. Яркий пример тому - цикл азовских повестей, политическая обстановка вокруг Азова, материальная и военная поддержка донского казачества Москвой.

Экскурс в историю Дона с древнейших времен до конца XIX века дает возможность реально оценить и мотивировать действия донского казачества, сумевшего захватить сильную турецкую крепость и отстаивавшего прежде всего свои интересы. Под завуалированными обращениями и просьбами казаков присоединить азовские просторы к Московской Руси таились их намерения сберечь и сохранить свой источник обогащения и пропитания, отстоять раздольные степи для вольной и разбойничьей казачьей жизни. История Дона доказывает, что Подонье и Приазовье (после бесследного исчезновения в III-IV веках многочисленного местного населения сармато-аланского круга) веками принадлежали пришельцам-кочевникам. На этих территориях после готов обитали гунны, хазары, печенеги, булгары, половцы и, наконец, монголо-татары. Начиная с VIII века, благодаря тесному соприкосновению хазар со славянами «начинает четко прослеживаться про-

никновение славян в черноземные просторы лесостепной полосы» (92, с.65-66). Ссылаясь на русские летописи и археологические наблюдения, авторы ряда исследований по Дону отмечают оттеснение Руси половцами, а потом татарами на длительное время от Приазовья и важных путей на Восток. Это продолжалось вплоть до полного распада Золотой Орды, до разграбления Тимуром приазовских и причерноморских поселений и городов Азака и Таны (92, с.57-113; 93, с.3-43). Возникновение донского казачества историки относят к первой половине XVI века (92, с.105), а приобретение им самостоятельной политической и военной силы к середине того же века (3, с.58). Привлекает внимание точка зрения украинского исследователя Д.И.Яворницкого о том, что «первоначально на юге России явились козаки татарские» (273, с.12). Действительно, русские летописи, и в частности, ранее приведенный нами отрывок из Московского летописного свода конца XV века, некоторые тюрко-татарские казачьи отряды находились под влиянием подвластных великому московскому князю татарских ханов и мурз и использовались не только против золотоордынских ханов, но и других соседей - Литвы, Польши, Крыма и Турции.

Несомненно, что тексты азовских повестей сильно политизированы и религиозно окрашены. Многие мотивы и эпизоды, связанные с описанием боевых действий казаков не всегда соответствуют реальности. Однако примечательна речь турецкого янычара, обращенная к осажденным тонким знанием характера своего противника и истинной причины его существования в Диком поле: «О люди божии, царя небесного! Никем вы в пустынях водимы и посылаеми, яко орли парящие без страха по воздуху летаете и яко лви свирепые в пустынях рыскаете, казачество донское и волное и свирепое, соседи наши ближние

и непостоянные нравы, лукавы пустынножители, неправии убийцы и разбойницы непощадны!» (191, с.64). В обращении выражена безвыходность положения казаков, от которой те смогут избавиться лишь при добровольной сдаче крепости, в результате чего турецкий султан пощадит их и обогатит «многим и неисчетным богатством, учинит козакам у себя во Цареграде покои великии во веки, положитэ на всех казаков плате свое златоглавое» (191, с.65). Чтобы понять смысл речи турецкого янычара и его слова о том, что «всяк возраст... козакомъ, в государстве его (султана - Т.Дж.) во Цареграде будет кланятся, станут казаков называти... Дону славнаго рыцари знатныя, казаки избранныя святоруским богатырями» (191, с.65), обратимся к рассуждениям историка Д.И.Яворницкого о причине появления и жизненном укладе южнорусского казачества: «Уходя в степи ради зверя, дичи, скотоводства и пчеловодства, выплывая в реки и лиманы ради рыбы и соли, южноруссы постоянно сталкивались с татарскими козаками и постепенно усваивали от них как отдельные слова, так и костюм, вооружение, самые приемы битвы и наименование козаков. Если заимствование одного народа у другого происходит на почве мирных сношений, то тем больше делается заимствований между народами, поставленными во враждебные и воинственные друг к другу отношения: в этом случае, чтобы научиться побеждать более сильного неприятеля, нужно изучить все тонкости его боевой тактики и взять в руки одинаковое с ним оружие, надо, одним словом, располагать равномерными с ним боевыми средствами. Мирное южнорусское население, силою земельных и экономических обстоятельств вытесненное из центральных областей своего государства в степные окраины и ставшее лицом к лицу с воинственным азиатом-наездником, волей-неволей усвоило себе

все приемы и самое наименование «козака» (273, с.14) Настоящая характеристика казачества, как определенного сословия, проливает свет на неясные на первый взгляд обещания турецких янычар и пашей о щедром награждении казаков и приглашении их в Царьград в качестве почетных гостей - «святорусских богатырей». Тем более у турков «волново и черных мужиков... и щету нет и писати такова их множества яко травы на поле или песку на море» (191, с.65). Сами донские казаки тоже признают, что у них «тех (тюрко-татарских казаков - Т.Дж.) впрямь людей много: что травы на поле или песку на море» (191, с.66). В обращениях турков к казакам и в ответных посланиях на них, А.Н.Робинсон обнаруживает «антитезу». По его мнению, турецкие предложения казакам следует истолковывать «в соответствии с реальной политикой Турции этого времени», когда «проявлена была циничная беспринципность, готовность решить военный спор подкупом, невнимательность к вопросам религиозных различий» (203, с.198). Такая оценка взаимоотношений сторон приводит к попытке находить различия в обращениях турков и ответных посланиях казаков. Старые церковнокнижные, литературно-повествовательные и фольклорные, официально-канцелярские средства языка произведения заметно отличают, по мнению исследователя, речь казаков от речи турков. Чтобы переубедить казаков, турки вынуждены наделить их положительными чертами характера, что нашло отражение в эпитетах и сравнениях. В ответ они подвергаются унижениям, оскорблениям и ругани, их обзывают выражениями типа «смрадные худые бусурманы», «бусурманы поганыя», «собаки», «бешеная собака» и т.д.

Донскими казаками руководит мировая идея - взятие Царьграда, государства, которое было христианским.

В ответ на напоминания турков о том, что с Руси казакам «не будет ни запасу хлебново, ни выручки», они твердо заявляют: «А нас на Руси не почитают и за пса смердящего. Отбегаем мы ис того государства Московскаго из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых, да зде прибегли и вселились в пустыни непроходней, взираем на Христа, бога небеснаго» (191, с.68). Свой немотивированный и необоснованный патриотизм казаки пытаются объяснить стремлением вселить в тамошние земли православную христианскую веру. «Идеологически казаки осмысляли эту борьбу как борьбу за освобождение исконно христианских земель», - пишет А.Н.Робинсон (203, с.72). Но это являлось борьбой не только «за святыя божия церкви и за государя царя», но и за будущее централизованной Московской Руси, за торговые пути и выход в моря, за стабильность внутри страны и на ее окраинах. Логично предположить, что веками насаждаемая русской православной церковью идея о превращении Москвы в третий Рим стала приносить, наконец, свои плоды и реализовываться. Донское казачество, с появлением которого был «как бы вбит клин между Крымским, Казанским и Астраханским ханствами», а «Турция оказалась изолированной от Казани, Астрахани и ногайских орд и потеряла надежду подчинить их своей власти» (92, с.113), явилось мощной военной силой в осуществлении планов великого московского князя. Воспевающие же героизм казаков «Историческая», «Поэтическая» и «Сказочная» повести послужили составной частью пропаганды и идеологической борьбы русской православной христианской церкви.

Выразительность стиля, пышность слога «Поэтической» повести и сказочно-эпический сюжет «Сказочной» повести не скрыли явно идеологизированный и религи-

озно окрашенный характер сочинений азовцев. В отличие от «исторической» версии с ее правдивым, скудным и бесцветным описанием взятия турецкой крепости Азова казаками, в «Поэтической» и «Сказочной» повестях обнаруживаются особенности стиля и поэтики, не совсем привычные для воинских и исторических произведений предшествующих этапов. В этом плане «Поэтической» и «Сказочной» повестям о взятии Азова уступает даже и «Казанская история», близкая к ним как по идее и проблематике, так и по форме и содержанию, а также благодаря другим художественно-поэтическим приемам. Следует отметить, что русская литература XVII века еще не обладала достаточным богатсвом поэтических средств и разнообразием художественных приемов. Поэтому преднамеренное затягивание или осложнение сюжета повторяющимися эпизодами и мотивами, незначительными деталями разуверили читателя в реальности и правдивости услышанного. Удивляет тот факт, что автору «Исторической» (небольшой по объему) повести удается включить в повествование такие мотивы религиозного характера, благодаря которым описанные события (подкопы под стены Азова, твердое намерение казаков овладеть крепостью) обретают несколько иной смысл. Такой решительный отпор туркам был продиктован не столько жизненно важными интересами казацкого воинства, а прежде всего желанием отомстить за православную христианскую веру и за обиду российскому государству. Встречающиеся в тексте «Исторической» повести трафаретные выражения типа: «да не порадуютца врази наши и да не рекуть окаянныи языцы: «Где есть бог их хритиянский?»», знакомые читателю из «Псалтыри» и широко применяемые в воинских повестях Древней Руси, начиная с XVII века, свидетельствуют об обработке в петровскую эпоху приписыва-

емого атаману донских казаков произведения книжниками-церковниками или специальными переписчиками. Эта же тенденция сильно ощутима в «Поэтической» и «Сказочной» повестях. Когда казаки, потерявшие надежду на избавление от осадного положения, идут на вылазку, происходит весьма неожиданное для них событие: «И милостию божиею, и молитвою пречистыя богородицы, и заступлением небесных сил, и помощию их угодников предтечи Иоанна и Николы чюдотворца, на выласке явно бусурманов побили, вдруг вышедши, болши 6000. И видя то люди турецкие, что стоит над нами милость божия, что ни в чем осилеть не умеют нас и с тех мест не почали уже присылать к приступу к нам людей своих янычен» (191, с.77). Спасение от «бусурман» казаки мотивируют своим великим молением, телесной и душевной чистотой. Многие из них «видели во сне и вне сна ово жену прекрасну и светлолепну в багрянице светле на воздухе стояще посреди града Азова, ово мужа древна власата боса в светлых ризах, взирающих на полки бусорманские». «Та нас мать божия богородица не предала в руце бусурманские», - заявляют казаки (191, с.78).

Частый акцент на малочисленность Войска Донского и гиперболизированное описание мужественного сопротивления при нескончаемых атаках турков дополняются то вмешательством «мужа храбра и младова во одежде ратной со единем мечем голым на бою ходяще, множество бусурман побиваше», то странным появлением в турецких полках «двух младых мужиков в белых ризах, с мечами голыми»,.. которые «побивают силу турецкую всю и пластают людей на полы во всей одежде» (191, с.79). Этот мотив не раз повторяется в конце «Поэтической» повести: «два страшные юноши», идущие по воздуху «тучею» «от Русии, от царства Московскаго

в руках своих держат мечи обнаженные» и «грозятся на полки бусурманские». «От того-то страшнаго видения побежали мы без пашей наших и царя крымского с таборов», - заявляют турки (191, с.80). Азовские сидельцы и их представители на Земском соборе всячески просят и убеждают принять «государеву вотчину Азов град», так как «он, государь, от войны от татар безопасен будет и во веки, как сядут его ратные люди в Азове граде (191, с.81). Эти небесные два мужа - Иван предтеча и Никола чудотворец - представлены в повестях в виде живой силы, и их заступничеством решается исход многомесячной осады Азова. В «Задонщине» также использован мотив заступничества небесных ангелов, обеспечивших победу князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, но там ангелам уподобляются воины засадного полка и помощь «свыше» приобретает реальную силу. Наивно было бы поверить всему фантастическому и вымышленному и не считаться с исторической реальностью, так красочно и образно описанной турками в послании к казакам. Нет сомнения, что у составителей «Поэтической» повести под рукой было официальное послание турков и они пересказали его слово в слово. Приводимые нами слова из послания турков мотивированы тем обстоятельством, что Турция во время взятия Азова казаками успешно воевала с Персией и все еще находилась в доброжелательных отношениях с Московской Русью: «Он, великий государь восточной турской царь, не убийца николи вашему брату вору, казаку и разбойнику. Ему бы то, царю, честь достойная, что победить где царя великаго и равна своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничя. Аще б восхотел государь нашь царь турецкими своими силами великими пленити государство перситцкое, и он его, государь, такими людми в три дни взял или б землю его разорил. И то вам ворам,

даем ведать, что от царства вашего Московскаго никакой вам помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских» (191, с.64). Стилистическая окраска речи казаков, уверенность и неумолимость в их ответах и поступках вызваны смешным положением трехсоттысячного турецкого войска. Правы казаки, заявившие в ответ: «не болшая та и честь будет ево, царева, турскаго имяни, что возмет нас, казаков, в Азове граде». Автор удачно использует иронию как художественно-изобразительное средство языка и как разновидность комического, для создания достоверности картины казачьей среды: «Станем мы с ним царем турским, битца, что с худым свиным пастухом наймитом» (191, с.66), «Ровен он, собака смрадной пес, ваш турской царь, богу небесному у вас в титлах пишется. Как он, бусурман поганой, смеет так в титлах писатся и подобитися вышнему?» (191, с.67). В приведенных примерах наблюдается недоброжелательное отношение к туркам и к турецкому султану. Свою иронию и оскорбления в адрес противника казаки обосновывают тем, что «красной хорошей Азов город взяли ... у царя ... турского не разбойничеством и не татиным промыслом,.. впрямь в день, а не ночью, дородством своим и разумом для опыту, каковы его люди турские в городех от нас сидят» (191, с.67), что нечего заботиться о них, осажденных. В «Сказочной» повести, где преподносится не военная, а вымышленная версия взятия Азова хитростью, также высмеиваются турки, их «царь Брагим». На требования и уговоры турков «Послушайте наших словес, здайте Азов град. Сколько на ваших головах волосов, столько у нас против вас силы пришло. А как мы Азов возмем, то ваши головы саблями срубим и по чистому полю размечем» (218, с.95-96) казаки отвечают такой же угрозой:» Готовы мы вам служить над вашими головами вострыми сабля-

ми. Где ваш царь Брагим ум девал?.. А буде нам, казакам, вас бог поручит взять, и мы головы ваши срубим, и на копия потычем, и по чистому полю размечем, и тем вашим поганым трупом накормим волков серых, вранов черных, орлов сизых» (218, с.96). Единообразие стилистических и поэтических средств речи турков и казаков свидетельствует об общности другого плана - о воинственном духе и боевом настроении сторон, о наличии общей для них исторической памяти. Тем самым, само повествование дает ответ на многие противоречия в речи и поступках героев, а также объясняет необоснованные и немотивированные эпизоды и детали сюжета.

«Сказочная» повесть объединяет несколько вымышленных сюжетов, не соответствующих истине и имеющих расхождение с «Исторической» и «Поэтической» повестями, хотя все содержащие в себе реальные и конкретные детали описания заимствовала она из «Исторической» повести. Умение автора «Сказочной» повести свободно чередовать исторические факты со сказочными мотивами и вымыслом вылилось в создание героического эпоса казачьей жизни с единой канвой повествования, но сплетенного из разных сюжетов. Такие вымышленные эпизоды «Сказочной» повести, как пленение дочери известного турецкого паши и невесты крымского хана Старчия, взятие Азова казаками, проникновение казаков в турецкий лагерь, убийство ими крымского хана и другие, хотя и не имеют исторической основы, продиктованы отличным знанием быта и нравов донских казаков, их повседневных занятий. Это же способствует восприятию сказочно-фантастического сюжета, базирующегося на исторических фактах и цифрах «Исторической», и на типичных народно-поэтических эпитетах и сравнениях, литературных приемах «Поэтической» повестей. Вымышленные

эпизоды «Сказочной» повести так сраслись с реалиями казачьей жизни, что заставляют читателя поверить в реалистичность и правдивость сюжета. Когда дерзкие казаки во главе с есаулом Зыбиным принесли атаману Науму Васильеву вместе с отсеченной головой «крымского царя Старчия» драгоценные сосуды и платье, тот отказался взять их и сказал: «Не добро мне у вас взять сосуды, понеже вы головами своими ходиша» (218, с.102). А вот другой пример проявления казачьего нрава. Турецкий султан послал своих людей с просьбой к казакам, чтобы они выдали живыми его «пашей, таищей и янчан», а также мертвые тела и взяли серебра и золота, сколько надобно. Казаки ответили: «За живых мы сребра возмем, а за мертвых не возмем. То не честь и не хвала молодецкая, что мертвыми торговати!» (218, с.104).

Попавший в плен есаул Зыбин, не боясь угроз султана, подобно рыцарям и богатырям из героических эпосов, отвечает: «Аще бы ты сам попался, я бы тебе, право, не уступил и снял бы голову по твои могучия плеча и взоткнул на свое вострое копье и, изрубя твое тело по частям, разбросал бы тело твое по чистому полю» (218, с.106). Плач и речь турчанки, жены убитого есаула, над телом мужа, отражая обыденность и тяготы казачьей жизни, также напоминает плач жен убитых рыцарей и богатырей: «О друже мой родимый, почто мя сиру оставил есм со двумя детми своими? И кто нас будет поить, кормить? Аще бы за тебя бы не шла и такой бы печали себе не навела» (218, с.107). Подобные эпизоды и детали описания казачьего нрава, их представлений о жизни, чести и славе, долге воина заметно повлияли на художественную манеру и стиль письма авторов воинских повестей об азовском взятии и осадном сидении.

Все три повести об Азове насыщены батальными сценами, подробными описаниями военных примет, состава и структуры войск, их вооружения, тактики ведения боевых действий, а также одежды воинов. Подобное разнообразие в изображении боевых сцен, военных способов наступления и защиты, взаимных переписок и переговоров, численности войск противника, комментарий и характеристик его действий во время взятия и осады крепости обнаруживалось лишь в воинских повестях XV-XVI веков - «Повести о взятии Царьграда турками» и «Казанской истории». Несмотря на религиозную окраску текстов и мотивацию действий и поступков героев, изобразительно-выразительные и устнопоэтические средства азовских повестей, лексика канцелярской переписки и отписки и, главное, эпичность и народность литературного повествования превратили сугубо воинскую повесть с реальными событиями и фактами в более обобщенное художественное творение - героический эпос о жизни казачества. Особо это проявилось в стиле и поэтике «Поэтической» и «Сказочной» повестей. Если показать это на примере «Сказочной» повести об азовском взятии и осадном сидении, то следует подчеркнуть, что данная версия мастерски обрабатывалась и художественно слагалась в казачьей народной среде. В отличие от «Исторической» повести, передавшей недавно совершившееся взятие Азова, в «Сказочной» - «прошедшее уже не концентрировалось в простом сообщении в нем, а как бы подражало настоящему в своей развернутости и картинности... Повествование как бы стремилось воскресить прошлое, вернуть его в настоящее, изобразить его во всех его живых пропорциях и темпах, избавить от «перспективного сокращения», создающегося его удалением во времени» (130, с.294). Это же привело к оригинально-

му восприятию и художественному перевоплощению героических событий сорока-пятидесятилетней давности в жизни донского казачества. Для восприятия художественной природы и идейно-тематического своеобразия «Поэтической» и «Сказочной» повестей и выявления их соотношения с первоначальной литературной версией взятия Азова - «Исторической» повестью - считаем целесообразным руководствоваться следующим выводом акад. Д.С.Лихачева о понятии художественного времени в древнерусской литературе и оценить три литературных сочинения об азовской истории как «сообщение сведений о событиях» («Историческая» повесть), «рассказ о событиях» («Поэтическая» повесть) и «изображение событий» («Сказочная» повесть): «По мере освобождения русской литературы XVI и XVII веков от средневековых принципов повествования в ней все большее и большее место начинает занимать стремление к изображению событий. Художественное воображение постепенно становится способным не только все более точно рассказывать о действительности, но и воспроизводить действительность, создавать иллюзию действительности, вызывать у читателя ощущение соприсутствия совершающемуся в произведении» (130, с.291). И «Поэтическая» и «Сказочная» повести об Азове преследовали цель «вызывать у читателя ощущение соприсутствия», и конечно, сочувствия. Подобное «ощущение» явно присутствует в описании военной силы турков. Знакомство с версией «Поэтической» повести было обязано склонить Земский собор на сторону осажденных, а «Сказочная» же повесть, особенно накануне азовских походов Петра I, напоминала властям не отбирать у казаков особые привилегии и учесть их заслуги перед Россией и православной христианской церковью. Каждая из азовских повестей по-своему воссоздает

картину взятия Азова, но «Поэтическая» и «Сказочная» повести отличаются еще и подробным изображением военных действий. В «Исторической» повести атаманы и казаки, собрав себе круг на Манастырском яру, «учали думу о граде Азове чинити», и «тут же пришли прибылые люди королевские земли - казаки запорожские». После того, как решили казаки «Азов град однолично взяти и в нем утвердити по-прежнему истинная православная християнская вера,.. живущих в нем людей поганскаго языка бусурманския веры под меч подклонити», «месяца апреля в 21 день в пятницу Азов осадили». Казаки стояли под городом Азовом восемь недель, вели под стенами города подкопы. В то же время полковники и есаулы, все великое Донское Войско, королевские казаки «принесоша лестьницы, к стене градне приставиша и божиею милостию с обеих стран в град внидоша». Дальше автор повести переходит к изображению рукопашного боя, доводит до конца начатое с триумфа казаков описание батальных сцен: «И в том дыму друг друга не видеша, и бысть сеча велия, друг друга за руце хватаху и сечахуся, и ножами резахуся. И бысть от того часа и до вечара сеча велия и самопалное стреляние. И азовския поганския люди, видевше на себя божие побеждение, и побежаше чрез градную стену в степь. И их за городом до реки Кагальника конное донское войско сугнав, всех посекли верст на десеть и болши» (91, с.55). Для описания боевых сцен азовских повестей характерна конкретизация деталей и фактов: из кого состояло Войско Донское, в какой месяц, какую неделю и какой день осадили Азов, кто подвел подкопы под крепостные стены, кто принес лестницы и как вошли в город казаки. Уточняется личность человека, проводившего подкопы под азовские стены. Это «казак родом немецкия земли, именем Иван» (91, с.53). Под «королевскими казаками»

подразумеваются запорожцы, находящиеся под властью Литвы. Подобного изображения рукопашного боя не знала ни одна русская воинская повесть.

Конкретными фактами и цифрами насыщена и «Поэтическая» повесть. В росписи атамана Наума Васильева и есаула Федора Иванова, которую принесли они с собой в Москву и представили в Посольский приказ, содержится подробное описание воинских людей турецкого султана. Здесь кроме войск самого султана сообщается о рати «нечестивых царей и королей, и князей, и владетелей - 12 земель». В этом пестром войске «боевово люду браново 200000, кроме поморских и кафинских черным мужикам, которые у них на сей стороне моря собраны и которые со всех орд их, и крымские и нагайские...» (191, с.59). Пришедшим же на казаков черным мужикам числа нет. С крымским царем пришло 8 тысяч крымских и ногайских князей и черкас из Кабарды. С турецкими пашами было два наемных немецких полковника, а с ними 6 тысяч солдат и т.д. В конце перечисления состава войск названа численность воинов турецкого султана: 256 тысяч. Не менее впечатляюще описание вооружения турков: «А снаряду было с пашами под Азовым пушек болших ломовых 120 пушек. А ядра у них были велики, в пуд, и в полтора, и в два пуда ядро. Да мелково наряду было с ними всяких пушек и тюфяков 674 пушки, окроме верховых пуше огненных, а верховых с ними было 32 пушки. А весь наряд был прикован на чепях, бояся того, чтоб мы на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили и в город бы ево не взяли» (191, с.60). Точные данные о турецком вооружении, о его расположении были необходимы для дальнейшего обеспечения казаков необходимыми боеприпасами. Содержащаяся в «Поэтической» повести информация о турецком вооружении имела важное значение для предстоящей войны России с Турцией за Азов.

Живость и убедительность изображения неравного противостояния казаков туркам и художественная сила «Поэтической» повести «вызывать у читателя ощущение соприсутствия» и сочувствия объясняется тем, что батальные сцены были описаны самими осажденными: «Почали башни и стены топорами рубить и ломами великими ломать, а на стены многия по лестницам взошли: хотели нас взять того часу 1-го своими силами. В те поры уже у нас стала стрелба по них осадная из города, а до тех мест мы им молчали. В огне и дыму не мочно у нас друг друга видеть: на обе стороны лише дым да огонь стоял, от стрельбы их огненной дым топился до неба. Как есть - страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею!...» (191, с.71). Вниманию читателя было представлено реалистическое описание без всяких прикрас, с конкретным указанием способов и орудий ведения боя обеими сторонами. Даже в «Сказочной» повести в речи казаков встречается немало слов военной терминологии, а также названий воинских чинов турецкой армии, их толкование и объяснение: «А за теми пашами шла конница, многия паши и тайщи, а по-русски князи и бояра...» или «А за тем воинским пошли тайщы великия сто человек, у всякаго в полку по десяти тысяч» (218, с.92). Соответственно стилю «Сказочной» повести описывается и «драгое деяние» турецких воинов, которые «украшены златом и серебром, в бархате и в отласе» (218, с.92). Как ни странно, заимствованные из «Поэтической» повести описания состава и строения турецких сил, их расположения в боевом лагере приобретают более конкретные очертания именно в «Сказочной» повести о взятии Азова и осадном сидении. Тут перечисляются все земли, поддерживающие турецкого султана, приводится количество их войска, вид вооружения.

Такой интерес к туркам, подробное изображение военной машины Османской Турции в азовских повестях во многом напоминает «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова. Аналогичное же представление турецких и татарских сил объясняется не только интересом к враждебной стороне, но и желанием перенять и применять военный опыт самой передовой армии в Европе и в Азии, ознакомиться с ее вооружением. Это было крайне необходимо России накануне петровских реформ. В свое время русский публицист Иван Пересветов рекомендовал магметовские военные законы и порядки молодому Ивану IV. Подчеркивание личной отваги отдельных казацких воинов, высокого воинского умения атамана казаков и бесстрашного поступка есаула Ивана Зыбина перед угрозами султана сближает «Сказочную» повесть с русским фольклором. Остроумное решение атамана использовать против многочисленного тюрко-татарского войска нетрадиционные, но эффективные боевые приемы заостряет внимание читателя на индивидуальной характеристике предводителей казаков: «Атаман же, велми мудр, скоро велел казакам принести кряж и указа им, как очапы зделать и на концах привязать железные крюки, и те очапы со стен вдруг опущати и назат очапами на стену таскать турок» (218, с.97), или: «Тогда атаман повеле казачьим женам в болших котлах воду сваривать с калом лошадиным и коровьим» (218, с.100).

Не менее остроумны и воинские решения турецкого султана, повелевшего «метати снопами во Азов камышником...» (218, с.103) или возвести земляной вал напротив азовской стены, чтобы беспрепятственно стрелять из пушек и перебраться во внутрь крепости. Описание этих и других боевых приемов не встречалось в предыдущих воинских повестях, хотя и воинам Магмет-салтана

(«Повесть о взятии Царьграда турками») и русскому войску («Казанская история») так же, как и при осаде Азова, трудно было перебраться во вражеские города через крепостные стены.

Красочность и выразительность повествования, пестрота стиля достигаются в «Поэтической» и «Сказочной» повестях лаконичными и образными сравнениями, которые передают грандиозность и динамичность происходивших вокруг Азова боевых действий. Текст «Поэтической» повести насыщен сравнениями, эпитетами и гиперболами, выполняющими здесь стилеобразующую функцию. Изъятие же из текста одного или нескольких изобразительно-выразительных средств означало бы нарушение общего ритма повествования, типичного для демократического стиля воинской повести XVII века. В эпизодах-сравнениях, гиперболических описаниях «Поэтической» и «Сказочной» повестей фигурируют контрастные друг другу фольклорные образы, олицетворяющие противостоящие силы и усиливающие как ритмико-стилистическое своеобразие повествования, так и его идейную особенность. Отметим, что все сюжетно-композиционные элементы повестей об Азове строго подчинены их идейному замыслу. Обратимся к текстам повестей: «Все наши поля чистые орды ногайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стала у нас однем часом людми их многими, что великие и непроходимые леса темныя. От силы их многия и от уристанья их конского земля у нас под Азовым потреслася и погнулася. От стрельбы их стал огнь и дым до неба. И все наши градные крепости потряслися от стрельбы их той огненной. И солнце померкло во дни том и, светлое, в кровь претворися» (191, с.61). Гиперболизация турецких сил в этом и последующем отрывках «Поэтической» повести осложняется срав-

нениями, в которых акад. Д.С.Лихачев выделяет «чувство мускульного напряжения» (130, с.176): «Знамена у них яныченския велики неизреченно, черны. В себе знамяна, яко тучи страшныя, покрывают людей. Набаты у них гремят многие и трубы трубят, и в барабаны бьют в велики и несказанны. Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманская трубля, яко звери воют страшны над главами нашими розными голосами. Ни в каких странах ратных таких людей не видали мы и не слыхано про такую рать от веку» (191, с.61-62). На наш взгляд, примененные автором «Поэтической» повести сравнения «касаются внутренней сущности сравниваемых объектов по преимуществу» (130, с.177), и этими сравнениями подчеркивается та фактическая разница в составе, численности и вооружении турков и донских казаков, которая так подробно и выразительно, с канцелярской точностью, в ней выражается. Гиперболизированным изображением численности, многонационального состава и сильного вооружения турецкого войска не воспевалась вражеская мощь, а лишь возвеличивались героизм, воинская доблесть и выдержка казаков перед столь славной армией османцев и длительной осадой Азова. Прибегая к гиперболе, авторы «Поэтической» и «Сказочной» повестей иронизируют по поводу забавного положения трехсоттысячного турецкого войска, в которое оно попало после взятия Азова казаками.

Такие просторечные сравнения «Сказочной» повести, как «колют конъями, аки свиней, секут, аки овец» (218, с.90), «салдацкой строй стоит, как маков цвет в поле зацвел» и «у пищалей фитяли с жаграми, аки свечи горят» (218, с.94), чаще всего подчеркивая зрительное и осязательное сходство вещей, также служат основной идее произведения – продемонстрировать и подчеркнуть выдержку и стойкость донских казаков, путем ухищрений

и воинского мастерства на протяжении не одного столетия отстаивавших южные границы Московской Руси от Крымского ханства и Османской Турции.

В соответствии с фантастическими представлениями о мощи и величии воюющих сторон и с художественными особенностями вымышленных эпизодов, в «Сказочной» повести больше преувеличения, нежели в «Поэтической». Однако некоторые способы изображения «Поэтической» повести повторяются в «Сказочной»: «От силы их многия и от уристанья их конского земля у нас под Азовым потреслася и погнулася... От стрельбы их стал огнь и дым до неба...» (191, с.61); «И от силы турецкия, от рыскания конскаго земля под Азовом подогнулась, а из Дону реки вода на берегах оказалась» (218, с.93).

Гиперболизированное изображение неравного противостояния донских казаков туркам сопровождаются необоснованными эпизодами. В «Повести о разорении Рязани Батыем» один рязанец сражается с тысячею, а два - с десятью тысячами, и эта гипербола, являясь значительной художественной деталью при изображении доблестного сражения воинов князя Юрия Ингваревича с иноземцами, не вызывает сомнения и уместна для призыва других русских князей к совместной защите от грозного врага. То же самое следует сказать об изображении в «Повести о взятии Царьграда турками» борьбы константинопольцев с турками, о личном героизме византийского императора. Большинство же сцен «Сказочной» повести об азовском взятии и осадном сидении выглядит немотивированным. В одном из эпизодов турецкий султан повелел «метати снопами во Азов камышником» и «зажгоша турки около Азова камышник и загореша силно» и от этого напал на казаков страх и трепет: «И бысть от того пламени жар велик, и церковь во Азове згоре. И начаша турки

ис пушек бити» (218, с.103). В результате же нападения и хитроумного решения турецкого султана пострадали сами турки и оказались в смешном положении. Казаки, вышедшие из пламени голыми, «начаша турок сещи. Турки же увидеша и не знающи, откуду сие людие взялися. И побегоша турки в табары свои. Казаки же много их побиша, а иных в полон взяша. Да у них же тритцать бочек пороху отбиша, да двадцать пушек, да сорок знамен. И приидоша казаки с полоном в Азов» (218, с.103). Такая неправдоподобность действий казаков в данной ситуации напоминает заступничество небесных сил, описанием которых изобилует «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении. Это «великая и страшная туча от Русии», перед которой «идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные» (191, с.80) или сцена, где осажденные казаки видели во сне «жену прекрасну и светлолепну в багрянице светле на воздусе стояще посреди града,.. мать божия богородица не предала в руце бусорманские» казаков (191, с.78), и другие знамения и видения, которые редко обнаруживаются в тексте «Сказочной» повести и не играют существенной роли в ее тексте, а взамен компенсируются сказочно-фантастическими эпизодами. Лишь в крайнем случае автор «Сказочной» повести прибегает к помощи небесных сил, допуская немотивированнось действий. Когда турки возвели земляной вал выше азовской крепости и разбили всю ее стену до подошвы, «по той тучи вышла дева, а с нею множество прекрасных избранных юношей. И пришед та дева с юношами, погнаша турок с той горы высокия» (218, с.110).

Во всех разделах настоящего исследования прослеживается идейно-тематическая преемственность и традиционность древнерусской литературы, эволюция жан-

ров, стиля и поэтики произведений X-XVII веков. На наш взгляд, целесообразно рассматривать повести об Азове в общем контексте литературы Древней Руси. Будучи верными литературным традициям «Слова о полку Игореве», «Задонщины», «Сказания о мамаевом побоище», «Повести о приходе Темир-Аксака», «Повести о взятии Царьграда турками», «Казанской истории» и других воинских и исторических повестей-предшественниц и, свидетельствуя «о дальнейшей демократизации русской литературы XVII века, об усиливающейся активности народной массы в идеологической борьбе своего времени» (37, с.328), «Поэтическая» и «Сказочная» повести об Азове явились своеобразным переходом к качественно новой художественно-литературной модели нравоучительно-сатирических повестей, которыми завершается многовековая история древнерусской словесности.

Анализируя особенности языка и стиля «Поэтической» повести об Азове А.Н.Робинсон подчеркивал ее органическую связь с казачьей канцелярской письменностью, что, по его мнению, ясно обнаруживается как в языковом строе данной повести, так и в непосредственном употреблении таких типичных формул официальной переписки, как, например: «А государь наш великий.., чинит по преданию святых отец, не желает пролития кровей ваших бусорманских» и т.д. (203, с.217). Документально-описательное изображение событий в «Исторической» повести и даже приподнято-патетическое и фантастическое повествование в «Сказочной» также обнаруживают связь с казачьей канцелярской письменностью. Наши наблюдения над некоторыми произведениями жанра писем и посланий, относящихся к XVII веку, выявили их тесную связь с повестями об Азове. Это «Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном», «Переписка ту-

рецкого султана с чигиринскими казаками» и «Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом». В «Легендарной переписке Ивана Грозного с турецким султаном» послание турецкого султана к русскому царю и ответное письмо Ивана IV ему по содержанию и стилю очень напоминают переписку донских казаков с турками. Воспевание турецкого султана и возвеличивание его мощи и славы, признание его силы как внутри страны, так и за ее пределами сближают все указанные послания. Турецкий султан, как и в случае с донскими казаками, всячески угрожает русскому царю, а при покорности и выплате дани обещает свое покровительство ему. «Дани и оброки мнѣ со всѣх земель дают, всѣ повинуютца мнѣ и во всем послушание творят передо мною, роздрания ко мнѣ и сетей на мою державу не чинят, занеже в моей области град нерушимый. Всѣ области удивляютца а моей державе» (125, с.17), - пишет турецкий султан русскому царю. В его послании - много угроз в адрес русского царя, не- последовавшего примеру своего отца, который к турецкой силе «повиновение творил и службу свою великую ставил» (125, с.17) перед турецким султаном.

И ответное послание русского царя и государя великого княжения Ивана Васильевича, «заступника и поборника истынныя православныя християнския веры», обнаруживает идейно-тематическое сходство с повестями об Азове. Это выражается не только в содержании и ироническом стиле ответного послания, но и в повторяющихся здесь выражениях типа «дал бы тебѣ отвести дань от своея царьския силы - острый меч и неунятую саблю» (125, с.20). Вместо дани и поклонения турецкому султану было обещано другое: «И яз бы еще послал к тебѣ атамана своего и стрельцов, а дал бы им от своея казны оброк тебѣ - пушки и скорострельные пищали, и ты б от того оброку

и тамо не укрылся. Да еще бы к тебе послал послы своя, а велѣл бы им посольство правити - тебя бы жива перед собою поставити, а в державѣ бы твоей велѣл православие утвердити» (125, с.20). Действительно, обещанное было выполнено русским царем, были посланы на юг казаки, которые были снабжены необходимым оружием и продовольствием. Тем самым русскому царю был обеспечен надежный тыл, открывающий политическую перспективу покорения земель, входивших до недавнего времени в состав Золотой Орды и государства Тимуридов. Турция, занятая войнами с Персией и завоевательными походами в Европу, лишилась реальной возможности поддержать своих вассалов - Казанское, Астраханское, Крымское ханства и Ногайскую Орду. Это же предопределило будущее тюрко-татарских народов, связавших собственную судьбу с Россией и вошедших в ее состав не только вместе со своими землями, но и с самобытной культурой, традициями, другими проявлениями материальной и духовной жизни. В связи с этим нам кажутся объективными мысли о том, что русская культура представляет собой квинтэссенцию (основу) многих культур (270, с.32). Здесь было бы уместно вспомнить вывод известного русского историка В.К.Волкова, красноречиво доказывающего уязвимость позиции историографической и литературоведческой науки: «Данные исторических источников, археологических раскопок, лингвистических исследований показывают, что наше написание истории и собственно история не всегда совпадают» (38). Такое несовпадение наблюдается нами и в изображении и в оценке отношений донского казачества с местным тюрко-татарским населением Крыма и самой Турцией.

Удивительную схожесть с перепиской донского казачества и турков в повестях об Азове обнаруживает

еще одно произведение XVII века - «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками». Мы полагаем, что подобные официальные послания сторон могли бы лечь в основу повестей об азовском взятии и осадном сидении. «Привлечение канцелярской формы для построения на ее основе художественного литературного произведения сделалось распространенной чертой все более демократизирующейся светской литературы XVII в. Писатели из демократических кругов, подъячие, писцы начали создавать свою литературную традицию, принимая за основу отвечающие тому или иному случаю формы канцелярской письменности и широко используя элементы живой речи, народной поэзии, а наряду с ними - и элементы старой книжности», - пишет А.Н.Робинсон (203, с.195). Тем самым, подчеркнута художественная закономерность создания цикла повестей об Азове, их определенная стилистическая родственность с сатирическими произведениями XVII века.

Лексический арсенал ответного послания чигиринских казаков к турецкому султану составляют те же оскорбительные, вульгарно-просторечные слова и выражения, с которыми читатель сталкивается в «Поэтической» и «Сказочной» повестях об Азове: «Салтанъ сынъ проклятого салтана турского, таварыщѣ сатанинъ, бездны адовы салтан турской, подножие греческое, македонской поворъ, вавилонской бронникъ, иерусалимской колесникъ, асирийский винокур, Великого и Малого Египта свинопасъ, александрийской арчакъ, арменской песъ, татарской живущей на свѣте проклятой аспид, похититель Каменца Подолского и всѣх земных обитателей, подданной шпынь и скаредъ, всего свѣта приведѣние, турского уезду бусурман, равенъ жмоту, клевретъ сатанинъ, всего сонмища адова внукъ, прклятого сатаны гонецъ, распято-

го бога врагъ и гонитель рабовъ его, надежда и утѣшение бусурманское, падение и скорбь их же.

Не поддадимся тебѣ, но биться с тобою будем» (173, с.25).

На наш взгляд, будучи связанными с темой казачества, «Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном» и «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками» также должны быть рассмотрены и учтены при анализе идейно-тематического содержания и стилистических особенностей повестей об Азове.

Следует отметить еще одну особенность русской литературы XVII века - это возобновление монголо-татарской темы и подчеркивание роли простых людей в борьбе с иноземцами, что соответствовало духу и демократическим принципам литературы той эпохи. «Повесть о Сухане», как и «Поэтическая» и «Сказочная» повести об Азове, имеет устнопоэтический стиль повествования и сближается с русскими героическими былинами. Богатырю Сухану Дамантьевичу подобно донским казакам поручено государственное дело - дать отпор «бусуръманам», которые хотят

Пленить землю Рускую,
Разорить вѣру крестьянъскую,
Разърушить мѣсто церкви божии,
Осквернити мѣсто чюдотворное.

(186, с.136)

Авторы всех трех повестей об Азове заостряли внимание на многочисленности турецкого войска, что характерно и для «Повести о Сухане», где герой-богатырь представлен рассказчику неким человеком, татарскому «царю» Азбуку Товруевичу,

А с ним 70 царевичей,
А со всяким царевичем
По семидесяти по две тысячи;
В правой руке и в лѣвой
И в сторожевом полку
не успел сметить.
Добрѣ с ним людей много,
бес числа.

(186, с.135-136)

Автор «Повести о Сухане» восстанавливает реальную картину татарского присутствия на Руси, известную по воинским повестям XIII-XV веков. В произведении рассказывается, как киевские князья и русские богатыри служили татарским ханам:

И наши прародители тѣмъ царем служивали
И царьскиє приходы вѣсно чинили,
И вам, богатырем, в Киевє было вѣдомо.

(186, с.136)

Идейно-тематическое созвучие «Повести о Сухане» с произведениями о борьбе донского казачества с турецким и крымским силами несомненно, ибо и там и тут подчеркивается злободневность темы татарской опасности для возрождающейся Московской Руси.

Не менее значительна поэтическая перекличка «Повести о Сухане» с повестями об Азове и с другими воинскими произведениями Древней Руси, выражающаяся в сходстве символики, описаний батальных сцен, а также религиозной окраски повестей. Совпадение «Повести о Сухане» с мотивами «Слова о полку Игореве» обнару-

живается при изображении неравного боя Сухана с татарами и князя Всеволода с половцами:

И Сухан бьет татар падубком
На всѣ четыре стороны.
Куды Сухан ни оборотится,
Тут татар костры лежат,
Тех татар всех побилъ.

(186, с.137)

«Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломъ посвѣчивая, - тамо лежатъ поганыя головы половецкыя,..» (226, с.376).

Отсутствие преднамеренной религиозной мотивации повествования и ее замена типичными для сатирических повестей XVII века чудесами типа

И поехалъ Сухан ко дуброве зеленой,
И наехал сыр-зелен падубок,
Да вырвалъ ево и с кореньемъ,
Да едет с ним не очищаючи...

(186, с.136)

Свищет падубокъ в рукѣ богатырской...

(186, с.137)

отличает «Повесть о Сухане» от цикла произведений об Азове. Личная отвага богатыря Сухана, изображение сцены его убийства татарами напоминает читателю описание героизма Евпатия Коловрата в «Повести о разорении Рязани Батыем».

Сравнение вышеуказанных произведений XVII века с повестями об Азове дает основание рассмотреть их в сопоставительно-сравнительном плане и позволяет оценить их как литературные памятники, ретроспективно отразившие в себе идеи, темы, мотивы, поэтическую символику и стилистические возможности произведений X-XVII веков, обогащенных тюрко-татарской тематикой.

ГЛАВА IV

ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ ТЕМА В РУССКИХ ХОЖДЕНИЯХ И ПОСОЛЬСКИХ ПОВЕСТЯХ XV-XVII ВЕКОВ

Жанр хождения был очень популярен в древнерусской литературе. На первых этапах развития русской средневековой письменности в данном жанре в основном создавались произведения религиозного содержания, «хождения» к святым местам. Одним из первых образцов русских хождений было «Хождение» игумена Даниила, памятник XII века. Но первые «хождения» древнерусской литературы, в том числе переводные, будучи продиктованы религиозными задачами, были далеки от реалий русской жизни и создавались по инициативе отдельных церковных деятелей.

Совершенно иную литературную направленность имели произведения в жанре хождения, созданные в эпоху расширения и укрепления централизованного Московского государства. Во-первых, политическая жизнь Московской Руси требовала организации дипломатических и торговых экспедиций за пределы государства, во-вторых, ослабление Золотой Орды, налаживание прямых контактов с соседними Казанским, Крымским, Астраханским ханствами, Ногайской Ордой, закавказскими странами, Персией и Индией открывало перспективы для вывоза русских товаров и ознакомления русского человека с торговыми путями и рынками. В условиях нестабильных взаимоотношений с Крымом и религиозного противостояния с Османской Турцией выход в Закавказье, Персию,

Среднюю Азию и Индию представлял огромный интерес для русских купцов. После взятия Казани, накануне и после азовских событий 1637-1642 годов необходимость торговых путей из Европы и России в Азию и обратно стали более актуальными. Торговые пути же из России в Азию и оттуда в Европу пролегали через тюрко-татарские государства, многие из которых в силу геополитических, военных и торгово-экономических интересов Московской Руси впоследствии оказались в ее составе.

Большинство относящихся к жанру хождения произведений XV-XVII веков, в том числе посольские послания и письма путешественников, не ограничиваются темой торгово-экономических связей Руси с внешним миром, в них обильно представлены сообщения об историко-этнографической, общественно-политической, религиозной жизни других стран и народов. При этом следует подчеркнуть, что не все хождения XV-XVII веков отвечали торгово-экономическим интересам Древней Руси и рассказывали о связях с Востоком. Стефан Новгородец, автор «Хождения» XIV века, в самом начале текста сообщал о цели своего пребывания в Царьграде: «Азъ, грѣшный Стефанъ из Великаго Новагорода, съ своими другы осмью приидох въ Царьград поклонитися святым мѣстам и цѣловати телеса святых» (256, с.29). Концовка его «Хождения» также адресована будущим паломникам: «А въ Царьград, аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити, скупо или убого не можеши видѣти ни цѣловати ни единого святого, развѣ на праздники которого святого будетъ, то же видѣти и цѣловати» (256,с.40). В «Хождении на Флорентийский собор» рассказывается об отправлении митрополита Исидора из Москвы во Флоренцию, подробно описывается вся его поездка туда и обратно, указывается на расстояние между городами,

на особенности их зодчества: «А от Луньбрега до Брунъзвига града 16 миль. И той град величеством вышьши тѣхъ градовъ прежних, и полаты в нем ведѣти чюдны, верхы их устроены; а покровение их велми подобно удивлению: есть бо крыто дъсками синего камени хитро и хороше, яко не мощно рушитися во много лѣт. И еще суть рѣки великы приведены по всему граду тому, береги их и дна морованы камением; а иные воды въ столъпы приведены, якоже и в предписанных градѣхъ» (255, с.474-476).

Игнатий Смольнянин, автор «Хождения» в Царьград в 1389-1393 годах, не ограничивается описанием святынь Царьграда, подробностями поездки митрополита Пимена. Многие события политической и религиозной жизни Московского княжества и Византии стоят в центре внимания автора «Хождения» (222, с.395-396).

Перечисленные «хождения» Древней Руси не отличаются от множества произведений эпохи оригинальностью и тематической новизной. Несмотря на определенную познавательную ценность представленных вниманию читателя сообщений, они были далеки от светского содержания последовавших за ними произведений Афанасия Никитина, Арсения Суханова, Василия Гагары, Федота Котова и др. Авторов хождений, посланий путешественников и посольских писем второй половины XV-XVII веков интересовали торговые пути за пределами Русской земли, народонаселение и местонахождение городов и торговых центров, товары и рынки, история, обычаи и нравы описываемых народов. При всем отличии от большинства произведений Древней Руси - воинских, исторических и житийных повестей - хождения в тематическом отношении вписывались в литературный контекст эпохи. Интересы авторов хождений и путевых заметок не замыкались на торгово-экономических вопро-

сах и не ограничивались порученной им ролью купца-путешественника. Афанасий Никитин и Федот Котов отправились в путь с верительными грамотами от великих князей – тверского и московского. «В научной и научно-популярной литературе путешествию Афанасия Никитина часто придается большой практический или даже государственный смысл – Афанасий Никитин рассматривается как «торговый разведчик» Ивана III» (222, с.82). Конечно, эти люди являлись купцами и собирали информацию в интересах купеческого сословия, и никто не ставил перед ними литературных задач.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина – это своего рода исповедь купца-путешественника, неудачника в торговых делах. Автор известного «Хождения» реабилитирует себя записями, выражающими его внутренние переживания, тоску по России, раскрывающими истинные причины его невезения. Но истинная его «реабилитация» – это записи, представляющие собой достоверную информацию и точную справку о торговых путях, крупных торговых центрах и рынках Востока, которые имели огромное значение для молодого Московского царства. Давно известные европейским купцам, но неведомые русским людям торговые и караванные маршруты на Восток впервые были подробно описаны именно Афанасием Никитиным. С другой стороны, тверской купец, этот образованный и предприимчивый русский человек, оставил о себе впечатление как о писателе–публицисте, передающем душевное состояние странника-христианина в условиях чуждого ему верования.

Большое преимущество «Хождения за три моря» Афанасия Никитина заключается в том, что оно в идейно-тематическом плане тесно перекликается не только с другими образцами жанра хождения, но и с целым рядом

воинских и исторических повестей XV – XVII веков, обнаруживающих военно - политические и торгово–экономические интересы Московского государства. То же самое присуще «Сказанию о Железных вратех», «Хожению купца Федота Котова в Персию», «Проскинитарию» Арсения Суханова и другим произведениям в жанре хождения. Поэтому изучение русско–тюркских контактов указанного периода без рассмотрения и анализа произведений в жанре хождения было бы неполным, так как оно не отразило бы весь спектр тем и проблем, характерных для развития русского общества того времени и периода расширения Московского царства на Восток.

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина и последовавшие за ним произведения на восточную и тюрко-татарскую тему имели общественно-политическое значение для Московского царства, осваивающего близлежащие земли, а также далекие от его границ страны и народы. Осваивались не только торговые пути и рынки, но и язык, культура, история, нравы и обычаи соседних народов. В этом плане следует воспринимать и оценивать записи «торгового разведчика» московского князя – купца Афанасия Никитина. Несмотря на совершенно противоположную литературную направленность, «Хождение» продолжило традиции воинских повестей – «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщины», «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о приходе Темир-Аксака», «Повести о Едигее» и др., характеризующих монголо-татар, а также «Повести о взятии Царьграда турками», рассказывающей об османских турках, об их истинном намерении завладеть морскими и торговыми дорогами между Европой и Азией. «Хождению за три моря» Афанасия Никитина «повезло» в том смысле, что оно было обнаружено в то время, когда Московская Русь нужда-

лась в аналогичных источниках, торгово-экономических и историко-географических справочниках о тюркском и восточном мире. Вот почему оно и не было подвержено какому-либо изменению и вошло в состав русских летописей с большим количеством непонятных для русского читателя слов, выражений и молитв на тюркском, арабском, персидском и других языках. Исключение этих слов и выражений из текста «Хождения за три моря» или замена их русскими были практически неосуществимы и не соответствовали ни государственным, ни экономическим, ни литературным интересам Московской Руси. Нам кажется, что данное произведение, как и «Слово о полку Игореве», было продиктовано реалиями русской жизни, русско-тюркского сожительства. Торговая экспедиция Афанасия Никитина первоначально не предполагала путешествия в Персию и Индию. В его задачи входило освоение торгового пути через Поволжье в Дербент, Шемаху и Баку. Об этом свидетельствует современник «Хождения за три моря», «Сказание о Железных вратех», содержащее описание земель от Дербента до Шемахи и Тебриза, «до синева моря хвалынъскова и до Инъдеи богатие»: «Близ синева моря Астраханъскаго есть Железные врата... А за Железными вратами ест град Шамахия. А присудны те врата ко граду Шамахаю. Тот град держит и владеет ими княз великий Калых от прадед и дед и отец своих. А первый был княз граду тому Ниширван...А за Железными вратами царъствует цар Шагрун, Акъсак-Темирев сын. А тово Фросанъгарейскова царъства градов по морю болших 2000. А от Железных врат до Шамахая града 8 дней ходу поскору ехати... А ездят скроз Железные врата от Шамахая града до Теврисскаго царъства и до града их 300 верст... А в той земле пашут землю, а сеют пшеницу и ячмен, и ярицу, и полбу...» (23, с.126-127). Опираясь на

этот краткий рассказ о богатствах ширванских земель, о выращиваемых здесь культурах и продаваемых товарах, о расположении отдельных городов и на историко-этнографическую справку автора «Сказания о Железных вратех», исследователи «Хождения за три моря» нередко допускают возможность составления данных путевых записей Афанасием Никитиным. На наш взгляд, это вполне реально, так как описания указанных земель в «Сказании о Железных вратех» и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина совпадают. «Сказание о Железных вратех» могло быть первоначальным описанием маршрута тверского купца из России в Индию или же планом написания его «Хождения за три моря». Исследователь «Сказания о Железных вратех» Ю.К.Бегунов обращает внимание на историческую справку его автора о властвовавших в Южном Азербайджане и Персии династиях и обнаруживает соответствие этих сведений с данными «Хождения за три моря»: «В Сказании о Хорасане и южном Азербайджане» говорится как о двух царствах – «Фросанъ-гарейском» и «Теврисском», а не как о едином «Кизилбашском» или «Персьском» царстве, что вполне соответствует исторической обстановке XV в. до объединения азербайджанской династии Сефевидов (с 1501 г.). Точно так же в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина 1466-1472 гг. о землях «Маздраньской», «Хорасаньской» говорится как о разных странах, а не об одной стране «Перьской» (23, с.129). Наблюдения самого Ю.К.Бегунова над текстом «Сказания о Железных вратех» также свидетельствуют о его жанрово-стилистическом сходстве с «Хождением за три моря»: «Оно обращает на себя внимание безыскуственностью своего изложения, стремлением к документальной точности (измерительный способ описаний). В нем отсутствуют рассказы о религиозных достопримечательностях

и церковная обработка, его язык образный и выразительный, напоминает язык деловой речи, где преобладают простые фразы, начинающиеся с союза «а». В повествование умело вплетены выражения и интонации живого русского языка: «Три версты добрые», «конец ея и бог вест», «земля ... такова же, яко и здеся» (23, с.131). Несмотря на эти и другие близкие соотношения указанных произведений, Ю.К.Бегунов не высказывает мысли о принадлежности «Сказания о Железных вратех» Афанасию Никитину и предполагает, что оно «было записано в середине XV в. со слов путешественника, который побывал в Дербенте и Ширване между 1436 и 1447 гг.» (23, с.131). Однако аргументы Ю.К.Бегунова в пользу предполагаемой даты не дают основания отнести близкие по своему литературному значению и художественым особенностям произведения к разным десятилетиям XV века.

Ю.К.Бегуновым проводятся параллели между текстами «Хожения» гостя Василия и «Сказания о Железных вратех» и на основании схожего построения фраз, начинающихся с союзов «А» или «Да», одного и того же размеренного, неторопливого ритма повествования, характерного для обоих «хождений», измерительного способа описания и традиционных для всех образцов жанра слов и выражений и т.д., высказывается предположение о возможном авторском единстве данных памятников–Василии Гагаре (24, с.43). «Сказание о Железных вратех» Ю.К.Бегунов называет «частью произведения большого размера», содержащим «ряд исторических и легендарных свидетельств, которые нуждаются в подробной и внимательной проверке» (24,с.42). Исследователя заинтересовала гипотеза В.А.Кучкина, автора статьи «Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV века» (122), придерживающегося той версии, что это про-

изведение не мог написать купец, так как он не интересовался ни вероисповеданием населения Ширвана и соседних государств, ни торговлей (24, с.42).

Если «Сказание о Железных вратех» воспринимается Ю.К.Бегуновым как «часть произведения большого размера» и по его оценке, «описания Дербента и его укреплений, расстояний до ближайших городов и стран, сведения о климатических условиях и сельскохозяйственных культурах Ширвана и о торговых путях на север и на юг заслуживают внимания как исторически достоверные» (24, с.42-43), то согласие с В. А.Кучкиным в пользу авторства Василия Гагары, путешественника-па-ломника, а не Афанасия Никитина, купца-путешественника, по крайней мере, вызывает удивление.

«Сказание о Железных вратех» не следует воспринимать как литературную сенсацию. При интенсивных связях Московской Руси с Золотой Ордой и с другими соседями таких путевых очерков могло быть и больше. Как литературный факт XV века и один из первых образцов русских хождений и путевых записей, «Сказание о Железных вратех» выступило предвестником идей, тем и мотивов многих произведений в жанре хождения, предопределило в них объект изображения, структуру и тип повествователя.

Для исследователя истории русской литературы XV-XVII веков этот факт примечателен еще и тем, что «Сказание о Железных вратех» и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина имели существенное значение в формировании манеры и стиля письма авторов других хождений и посольских посланий, их светскость и многогранность были унаследованы последующими произведениями в данном жанре.

Большое место в русских хождениях, посольских повестях, письмах путешественников и купцов отводилось азербайджанской тематике. В ряде научно-исследовательских работ С.Н.Гухман были широко и детально проанализированы почти все древнерусские сочинения, в том числе летописные своды, обнаруживающие различные описания Закавказья и Азербайджана, привлечены к рассмотрению различные неопубликованные и малоизвестные архивные материалы (54, 55). Не случайно некоторые древнерусские произведения охарактеризованы исследователем как «своеобразная энциклопедия сведений об Азербайджане» (55, с.35). Следует подчеркнуть, что частое обращение русских авторов к азербайджанской тематике, т.е. описание народных праздников и обрядов, религиозных достопримечательностей, дворцовой жизни и шахской свиты, освещение исторического прошлого отдельных городов и династий, взаимоотношений Турецкого, Сефевидского (Персидского) и Арабского царств были обусловлены как торгово-экономическими, так и военно-политическими интересами усиливающейся Московской Руси, ее стремлением установить и наладить нормальные отношения с централизованным азербайджанским государством – Сефевидской империей, – противостоявшей Османской Турции, которая сумела отрезать торговые пути от Запада к Востоку и покорить центр мирового христианства – Царьград.

Самым интересным в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина является описание поведения и мышления русского человека в условиях чуждого ему вероисповедания, как и в условиях чуждых ему социально-экономических и морально-этических отношений. Афанасий Никитин в отличие от своих современников, героев большинства воинских, исторических и житийных повестей,

является светским человеком. Он не абстрагирует, а действует по зову сердца и в силу сложившихся жизненных обстоятельств. В его записях не обнаруживается фальши, он вполне искренен и объективен. Это реалистический тип героя древнерусской литературы, ярко проявивший себя в исключительных обстоятельствах, продиктованных жизненной ситуацией. Данный тип героя сродни образам авторов «Повести о взятии Царьграда турками» и «Казанской истории», которые, как и Афанасий Никитин, пережили увиденное в условиях двоеверия. Интересные и важные события средневековой истории он описал без какой-либо тенденциозности. В мыслях и суждениях этого литературного героя нет антипатии к чуждой его культуре. От Нестора Искендера и неизвестного автора «Казанской истории» Афанасий Никитин выгодно отличается тем, что он, как светский человек, по собственной воле и в силу жизненной необходимости усваивает языки, обряды, ритуалы и культуру местных народов, сталкивается с представителями народов других стран и земель в более естественных условиях, а не в пленении. Это человек нового времени, эпохи централизованного Московского государства, свободный от религиозных и церковных предрассудков, негативного отношения к другим народам. Жизнь Афанасия Никитина в период его путешествия за три моря была полна неожиданностей и противоречий, особенно в его отношении к христианству и исламу. Несмотря на сложившееся мнение о том, что Афанасий Никитин до конца жизни остался христианином, не принял магометанства и признал превосходство православной церкви, его записи заставляют думать и рассуждать несколько иначе. Переданные Афанасием Никитиным сведения – это не только его впечатления от увиденного и этнографические заметки об образе жизни

народонаселения других стран. Это часть жизненного пути древнерусского человека, подробности его путешествия по чужим землям, и наконец, пережитые им события в течение шести лет. Обратимся к тексту Софийской второй летописи, в которую вошла летописная версия «Хождения за три моря» Афанасия Никитина: «А намазъ же их на востокъ, по-русскы, обе рукы подымают высоко да кладутъ на тѣмя, до ложатся ниць на земли, да весь ся истянет по земли, то их поклоны. А ести ж (е) садятся, и оны омывают рукы да ноги, да и ротъ пополаскывают», или: «А со мною нѣт ничег(о), ни кое книги, а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и их взяли. А язъ забыл вѣры хр(и) стьяньские всее, праздники хр(и)стьяньские, ни Велика дни, ни Рожества Х(ристо)ва не знаю. А промежу есми вѣръ таньгрыданъ истръмень ол сакласын: Олло худо олло акь, олло ты, олло каримелло, таньгресень, худосе//ньсень. Б(ог)ъ един, тъи ц(а)рь славы, творецъ н(е)бу и земли.

А иду я на Русь, кѣтьмышьтыръ имень, урус тутътым. М(е)сяць мартъ прошел, и язъ заговѣл с бесермены в н(е)делю да говѣлъ есми м(е)с(я)ць, мяса есми не елъ и ничего скоромнаго, никакие ествы бесерменьскые. А ел есми все по двожды на день, хлѣб да воду авратиля ятмадым...» (232, с.230-231).

Данные отрывки из текста доказывают, что Афанасий Никитин, действительно, не забыл своей Родины, своей веры и при описании обрядов и религиозных ритуалов местного населения, которые он лично соблюдал, нередко обращался к русским обычаям, праздникам. Рассказывая об обилии товаров в чужих землях, об их богатстве и красоте, он подчеркивал превосходство Руси перед ними: «А в Севастии губѣ да в Гурмызскои землѣ добро обилно всѣм, да Турьскаа земля обил(ь)на велми, да в Во-

лоскои землѣ обилно и дешево, да и Подольскаа земля обил(ь)на всѣм. А у Рус(ь) еръ тангрыд сакласынъ, олло сокла, бу дуниаде муну кибить ерь екьтуръ, нечикъ Урусь ери бегляри акои тугиль Урусь ерь абоданъ болсынъ, раст камъ даретъ. Олло худо, б(ог)ъ, данчири» (232, с.236).

Сравнивая мусульманство с христианством, Афанасий Никитин выступает как философ. Он обнаруживает и выделяет много общего в религиозных взглядах христиан и мусульман. Новые исследования по «Хождению за три моря» признают принятие Афанасием Никитиным ислама: «Мусульманская вера не кажется ему худшей в сравнении с христианской, поскольку и мусульмане почитают Бога Отца, а кроме того, они «веруют в Адама». При такой терпимой философии, однако, рассказчику то и дело приходится испытывать сомнения и угрызения совести. Афанасий Никитин отдает себе отчет в том, что сам он растерял веру предков и искренне сожалеет об этом...» (174, с.188). Действительно, почти все молитвы русского купца-путешественника являются свидетельством этого. «Хождение за три моря» заканчивается словами-молитвами, которые мог произнести только мусульманин.Этот отрывок взят из 59 суры Корана: «М(и)л(о)стью б(о)жиею преидох же три моря. Дигерь худо дано, олло перводигерь дано. Аминь. Милна рахмамъ рагим. Олло акъбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, ааликьсолом. Олло акьберь. А илягаиля илелло. Олло перводигерь. Ахаму лилло, шюкуръ худо афатаз. Бисмилнаги рахмамъ ррагим» (232, с.240). Но при этом следует отметить, что Афанасий Никитин сам себе и противоречил. Размышляя об обратном пути и о всевозможных маршрутах из Индии на Русь, он пишет: «... А иног(о) пути нѣт никуды. А на Мякку ити, ино стати в вѣру бесерменьскую, занеж(е) хр(и)стьане не ходят на Мякку вѣру» (232, с.236).

Для нас, как исследователя литературы указанной эпохи, главным является не факт принятия тверским купцом ислама и его принадлежности к двоеверию, а стремление и желание русского человека подчеркнуть сходство и «параллелизм этих религиозных миров» (251, с.595). Использование тюркской лексики в тексте «Хождения за три моря», ее дальнейшее употребление и сохранение в летописных версиях и поздних редакциях произведения свидетельствует об общественно-политическом значении путевых очерков Афанасия Никитина. Не случайно, Н.С.Трубецкой акцентировал внимание на том, что «татарский язык, употребляемый автором, - это разговорный язык Золотой Орды, который понимали во всех странах, плативших дань Орде. Наверное, многие русские чиновники и купцы XV века знали этот язык, но наверняка, не все читатели Афанасия Никитина» (251, с.594). Исследователь элементов тюркской культуры в литературе XV-XVIII веков А.С.Демин, подчеркивая переосмысление тюркских источников, «вызванное отрицательным отношением к татарам», также отмечает важную особенность и характерную черту литературных памятников данной эпохи: «Знакомство с тюркоязычными народами входило в круг знаний русских книжников, составлявших и переписывавших русско-татарские словари и разговорники, довольно краткие, но примечательные стремлением охватить все области жизни» (60, с.680). Нам кажется, что «обязанности» русского купца-путешественника и «торгового разведчика» Ивана IV и поставленные перед ним задачи выходили за рамки житейских потребностей и познавательных интересов древнерусского человека XV-XVI вв. Имелась политическая подоплека путешествий Афанасия Никитина и его замечательного труда, заключающаяся в истинном намерении сблизить Московскую Русь,

и вообще русского человека с тюрко-татарским миром, в предупреждении ожидающейся агрессии по отношению к восточной культуре, в преднамеренном разрыве связей со странами и народами, через которые русским людям предстояло выходить за пределы своего государства. Проводниками такой политики русского государства становятся ногайские мурзы, которых мы видим в «Казанской истории». На призыв турецкого султана «О силные нагаи и многие, станите и мене послушайте: соединитеся с казанцы во едино сердце в поможение за Казань на московского царя и великого князя и паче же за вѣру древнюю нашю и великую» (99, с.422), - они отвечают такими словами: «Ты, о великий царю салтане, собою пецыся, а не нами: и не царь еси намъ, и земли нашей не строиши, и нами не владѣеши, и живеши от нас за морем, богатъ еси и силенъ, и всѣм изобиленъ, и никаяждо нужда потреб житейскихъ не обдержит тя. Нам же, убогимъ и скуднымъ всѣм, и аще бы потребными нашу землю не наполнял московский царь, то уже бы не могли быти ни единаго дни» (99, 422). Автор «Казанской истории» ответное послание ногайских мурз заключает их следующим самопризнанием: «Пишют бо наши книги и христианския, яко в послѣдниа лѣта соединятся все языцы и будут во единой вѣре христианской и под тою же державою, да которая же есть вѣра таковая, якоже христианская, святая, еже есть руская, во всѣх наших темных вѣрах, яко пресвѣтлое солнце сияет» (99, 424). Видно, что «автор «Казанской истории» руководствовался представлением о том, что мусульманам суждено быть покоренными силой христиан, а мусульманской культуре быть вытесненной или поглощенной христианской культурой» (60, 685). Авторы «Хождения за три моря» и «Казанской истории» исходили из реалий своего времени и сложившейся вокруг

изображаемых событий обстановки. Однако стилизация и абстрагирование автором «Казанской истории» описываемого, представление желаемого им превосходства христианства над мусульманством как реального свидетельствуют о внедрении в историческое повествование известной политической теории церковных кругов «Москва - III Рим», а не об истинных чувствах и переживаниях главного героя и автора «Хождения за три моря». А что касается противоречий и необоснованности некоторых сообщений, речей и молитв Афанасия Никитина, то это можно объяснить литературными нормами Древней Руси. Нельзя не учитывать и то, что последние печатные варианты «Хождения за три моря» не принадлежат самому Афанасию Никитину. Текст произведения, наверняка, был обработан и адаптирован и не обошел «идеализирующего биографизма» литературных памятников эпохи, при котором «идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но вся Русская земля, весь ход ее истории, весь род государей в целом, ее державные города – Киев, Новгород, Псков, Владимир, Тверь, Москва» (131, с.99). При этом необходимо подчеркнуть, что это не было характерной чертой стиля путевых очерков Афанасия Никитина, которые были далеки от этикетного «психологизма». Молитвы, сколь многочисленны и многоязычны они не были, не вызывают сомнения в искренности автора и внушают доверие к главному герою.

«Хождение за три моря» наводит на мысль об энциклопедичности мировоззрения Афанасия Никитина, об огромной литературной значимости его путевых записок в эпоху расширения и укрепления Московской Руси. В этом плане объективную оценку «Хождению за три моря» дал индийский литературовед Кришна Пал (120, с.172-185), который доказывает особое жанрово-компози-

ционное строение произведения Афанасия Никитина. Подчеркивая преобладание в нем светского начала над религиозным, Кришна Пал подробно останавливается на отдельных эпизодах и художественных деталях произведения, сближающих его с воинскими и историческими повестями, этнографическими, религиозно-этнографическими, нравоописательными, торгово-экономическими, автобиографическими очерками, преданиями, легендами и другими жанрами древнерусской литературы.

Мы согласны с мнением индийского ученого о том, что «Хождение за три моря» содержит в себе элементы ряда первичных жанров древнерусской литературы. Не случайно он называет Афанасия Никитина одним из первых представителей русской военной статистики. Следует смело утверждать, что стиль письма авторов многих воинских повестей, в том числе произведений об Азове, был частично унаследован авторами у Афанасия Никитина. Даже современница «Хождения за три моря», «Повесть о взятии Царьграда турками», пестрящая батальными сценами, не содержала подобные развернутые военные статистические данные, которые привел русский купец-путешественник лишь с целью описания военной мощи того или иного государства: «Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с ним человѣкъ на конех 10 тысящь, а пѣших пятьдесят тысящь, а слонов выводят двѣсте, наряженых в доспѣсех золоченых, да перед ним трубников сто человѣкъ, да плясцов сто человѣкъ, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гаурокы» (254, с.456). Аналогичное описание военной мощи того или иного восточного правителя напоминает парад войск перед наступлением и взятием городов и крепостей, что

очень знакомо читателю по летописям и повестям на монголо-татарскую тему, историческим и воинским произведениям XV-XVII веков. Вспомним описание великого русского князя Даниила Романовича во время его похода по просьбе венгерского короля на немцев, встречающееся в «Галицко-Волынской летописи»: «...конь под нимь дивлению подобенъ, и сѣдло от злата жьжена, и стрълы и сабля златомъ украшена иными хитростьми, якоже дивитися, кожюхъ же оливира грѣцького и круживы златыми плоскоми ошитъ, и сапози зеленого хъза шити золотомъ. Немцем же зрящимъ, много дивящимся» (44, с.320). Такой же впечатляющей сценой изображения турецких войск в «Сказочной» повести об азовском взятии и осадном сидении: «И как уряди полки, царь Брагим пошел ис Царяграда со всею силою на пятой год, с четырми великими пашами. И наперед войска турецкаго шли четыре паши великие и несли знамя великое, а на том на знамени написана персона Брагима царя турецкаго по отласу белому златом и сребром. А за теми пашами шла конница, многия паши и тайщи, а по-русски князи и бояра, числом пять тысяч в драгом одеянии, украшены златом и сребром, в бархате и в отласе» (218, с.91-92). Приведенные отрывки свидетельствуют о неразрывной связи «Хождения за три моря» с литературными традициями предшествующего и последующего этапов развития русской литературы. Описания Афанасия Никитина интересны еще и тем, что они тесно перекликаются с этнографическими этюдами о ритуально-обрядового характера быте и нравах местного населения. Это является еще одним доказательством писательской изобретательности автора «Хождения за три моря», его новаторского подхода к изображаемым событиям. Военная статистика произведения, нагроможденная красочным описанием строя войск

султана, его сказочно богатого одеяния, а также эмоциональная насыщенность данной информации ничуть не снижает торжественности стиля, не вызывает сомнения в правдивости и достоверности цифр и фактов. Информация, данная купцом-путешественником Афанасием Никитиным, его описания социально-экономических, военно-политических, религиозно-этнографических реалий Индии в корне расходятся с идиллическим изображением переводного «Сказания об Индийском царстве». Введение в текст «Хождения за три моря» эпизодов о военной мощи восточных правителей, свитских людей разнообразило все повествование: «На багрям на бесерменской выѣхал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великых, да триста слонов наряженых в доспѣсех булатных да з городки, да и городкы окованы. Да в городкѣх по 6 человѣкъ в доспѣсех, да и с пушками да и с пищалями, а на великом слоне по 12 человѣкъ. Да на всяком по два проборца великых, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыя железные гири. Да человѣкъ седит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простых тысяща в снастѣхъ златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичяк олмаз великый, да саадак золот съ яхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото...» (254, с.466). Данные отрывки из произведения привлекают внимание и тем, что вобрали в себя торжественные сцены мусульманских праздников, в которых демонстрируется военная сила отдельных правителей. В «Хожении купца Федота Котова в Персию» охвачены все мусульманские праздники, но столь яркое изображение свиты государей, доспехов их войск, здесь не встречается.

Очень живописна заключительная часть описания свиты султана в «Хождении за три моря»: «А брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человѣкъ.

А махтумъ седит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в снастехъ златых. Да около его людей многое множество, да перед нимъ певцы, да плясцов много; да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони всѣ в доспѣсех, да саадаки на них. А иные наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен (254, с.468).

В этнографических зарисовках купца Федота Котова, посвященных национальным и религиозным праздникам («байрам наурус», «байрам курбан», «байрам ошур» и др.) в Персии и «турской земле», присутствие шаха и его людей не несет определенной смысловой нагрузки – они, как и все простые люди, являются участниками народных торжеств.

Сопоставление текстов «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и Федота Котова и проведение параллелей между ними объясняется тем, что, несмотря на разные периоды создания, данные памятники Древней Руси ствили перед собой одинаковые задачи, т.е. их авторы не ограничивали себя освещением конкретных вопросов. Выдвигая на передний план повествования описание торговых путей, находящихся на них городов, поселений и рынков, продаваемых товаров, выращиваемых в разных землях культур, купцы-путешественники всерьез относились к вопросам истории, культуры и религии других народов и стран. Во всех случаях в эпизодах «хождений» проявляется своеобразное отношение авторов к событиям

и фактам, высказываются самые разные, местами даже неверные, мысли по поводу исторического прошлого того или другого народа. Позиция авторов по отношению к истории, мифическим и религиозным представлениям местного населения в «хождениях» так убедительна, что современный исследователь воздерживается от опровержения даже пусть не объективно освещенного факта или события. Авторы «хождений» опираются на местные источники, свое изложение аргументируют услышанным в тех местах.

Поразительной чертой произведений в жанре хождений, путевых очерков, посольских посланий, географических сочинений и других историко-литературных сборников XV-XVII веков явилось стремление авторов разных поколений создать представление о едином торговом пространстве России с восточным миром, дать необходимую информацию как о русских, так и иностранных городах, торговых центрах, о производимых и продаваемых товарах, о караванных, морских и речных путях.

Данные в памятниках XV века («Сказание о Железных вратех», «Проскинитарий» Арсения Суханова, «Хождение» Василия Гагары, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Книга Большому Чертежу» и др.) сведения расширяются и нагромождаются друг на друга в относящихся к XVI-XVII векам произведениях указанного жанра.

Как ни странно, в противовес «Степенной книге», хронографам разных времен и подобным им сборникам XV-XVII вв, стремящихся связать родословную русских князей и царей с западноевропейской историей, произведения жанра светских «хождений», путевых очерков и посольских посланий предоставляют совершенно другую канву истории военно-политических, торгово-экономи-

ческих, религиозно-культурных отношений Московской Руси с внешним миром, в которых бесспорно доминируют связи с Востоком, тюркским миром. Чем же объяснить подробнейшее описание географических границ и торговых маршрутов евразийского пространства в сочинении XV века - «Книге Большому Чертежу», имеющем сугубо практическое значение в качестве путеводителя? В этом географическом сочинении были охвачены земли Османской Турции, Золотой Орды, Московской Руси, Крымского, Казанского и Астраханского ханств, Ширваншахов, Грузии, Персии и других государств. Но нигде не были упомянуты препятствия и трудности торгового пути от Черного и Азовского морей до «Хвалимского», от ногаев до Персии. Большая часть сведений «Книги Большому Чертежу» об Азербайджане встречается у русских авторов впервые: «А на полуденной стороне за горами, от Черного моря, от гор за 100 верст, вытекла река Кура и потекла возле гор 630 верст, и потекла к Хвалимскому морю; а не Кура с левые стороны вытекла река Терек и потекла в горы, а из гор пала в Хвалимское море, от Астрахани 500 верст//.

А ниже Терка реки река Кура пала в Хвалимское море.

А на усть реки Кура с левые стороны, у Хвалимского моря, город Солян, от города от Шемахи 50 верст.

А по правой стороне реки Кура, ниже Терка, пала в Кур река Лариша, протоку Лариша реки 90 верст.

А выше тое реки на Куру город Тифлис//.

А против Тифлиса города, за рекою за Куром, в горах 2 города, а подписи тем городам в старом чертеже нет...

На реке Ларише, от Кура верст з 20 город Ачекала, а на другой стороне город Шюнкюр.

А ниже Шюнкюря 60 верст пала в Кур река, а на неи от Кура 10 верст город Кгенжа.

А ниже того города 10 верст на Куре город Карабас.

А ниже Карабаса город Бирде;...» (108, с.88-89).

Эти и другие географические сведения «Книги Большому Чертежу» об Азербайджане имели огромное значение для Московской Руси, расширяющей свои территории в южном направлении. При составлении данного сборника могли быть использованы также сообщения купцов-путешественников, авторов «Сказания о Железных вратех», «Хождения за три моря», «Проскинитария» и других.

Среди литературных сборников XV-XVII веков, обнаруживающих тюркскую тематику, особая роль отведена «Космографии» (XVII в.), вобравшей в себя сведения обобщающего характера о восточных государствах – Турции, Персии, Индии и других, об израильской земле, а также почти исчерпывающую информацию об азербайджанских землях и городах, об истории Азербайджана. Не случайно С.Н.Гухман в своем исследовании о месте и роли азербайджанской тематики в русской литературе XV-XVII веков так подробно анализирует (55, с.32-34) эту объемную книгу, в которой, в отличие от «Книги Большому Чертежу», наряду с географическими сведениями были помещены сообщения о важных фактах и событиях древней и средневековой истории названных государств, ценная информация о природных богатствах этих земель, о быте, нравах и образе жизни их населения. Несмотря на разобщенность и пестроту сообщений «Космографии», ее отдельные главы, в том числе «О Турском цесарстве» и «О Персидском царстве или Софийском цесарстве» следует воспринимать как серьезные литературные сочинения о Востоке. «Космография» может быть рассмотрена

как литературный сборник, собранный и составленный редакторами-компиляторами на материалах путевых очерков, посольских посланий и «хождений» XV-XVII веков. Следует отметить, что составление подобных сборников было продиктовано острейшей необходимостью получения нужной информации о восточных странах и землях и осуществлялось на государственном уровне. Это уже не путевые очерки или «хождения» отдельных лиц, а своеобразный энциклопедический сборник с историко-литературным взглядом русского человека на вещи, факты и события восточного мира.

Составителем «Космографии» была отражена объективная действительность жизни описываемых государств. Ценными для нас являются ее сообщения о Сефевидском, первом централизованном азербайджанском государстве, в состав которого входили нынешние земли Азербайджана, Ирана и некоторые земли других восточных стран: «Персидское, или Софийское государство. В древние лета славно бывало, как и ныне славится светло. Жители того государства азчем названы, или азами, от азамия государства, которое в древние лета арийское названо было. Персия не от персиды названы кизылбаши, покрасно чалме что на главах носят так именуются. Кизыл, красно. Башъ, головы по их языку, то есть кизылбашъ. Красная голова. Софияне от князя так названы. Государство то промежи турскимъ царствомъ, да бухарскимъ, да промеж камбийского индийского царств... (168, с.299), - сообщает «Космография». Здесь же даны подробнейшие сведения об Османской Турции, стране, которая больше всех интересовала русских авторов. В центре внимания составителя были не только военная и политическая мощь «Турского царства», торговые пути Европы и Азии, значительной частью которых она завладела, но и исто-

рия, культура, хозяйственная жизнь этой страны. «Космография» называет «османидов» «сильным и славным вельможным государством», имеющим «в державе своей» земли в Европе, Африке и Азии, и, очертив границы величайшей империи Средневековья, тут же переходит к описаниям типа «хлебные семена родятся преизобильно, то есть пшеница, ячмень, воб, пшено сорочинное, проса, иные всякие кроме ржи. И винограда много. Христиане из винограда красные питья делают. А турки из винограда делают некое питье пекмез называют, сладче меда, то пьют ... родятся там разные овощи, то есть лимоны, помаранги, помаграны, каштаны, винные ягоды. Яблоки, груши, вишны, сливы, дыни, огурцы. Всяких разных овощей множество...» (168, с.299-300). Однако подобные сообщения «Космографии» на фоне увлекательного рассказа о родословной турецких султанов, о завоевании ими разных стран и городов кажутся эпизодическими. Следует особо подчеркнуть, что подробное освещение многовековой истории Османской империи русским источником XVII века - «Космографией», не расходится с традиционным ее изложением в турецкой и мировой историографии. Отступления от сюжета, повествующего об истории Турции, содержат в себе упоминания о быте, нравах, образе жизни и занятости людей разных регионов и верований, о товарах, продуктах, выращиваемых культурах отдельных земель и достопримечательностях городов, что сближает «Космографию» с путевыми очерками и хождениями. Данное сходство прежде всего проявляется в текстовых параллелях указанных произведений, в определенной соотнесенности их художественных планов: освещение истории народов и стран, их национальных и религиозных праздников, быта, нравов, традиций, образа жизни и занятости населения, богатства и красоты земель,

культурных и религиозных достопримечательностей и т. д. На наш взгляд, при составлении «Космографии» авторы сборника располагали путевыми очерками и посольскими посланиями разных времен. Под их рукой могла быть и рукопись «Хожения купца Федота Котова в Персию», в которой, как и в «Космографии», преобладает историзм, отсутствует негативное и пренебрежительное отношение к истории восточных стран, к народам, исповедующим ислам. Это особо заметно в главе «Космографии» «О Туркском цесарстве», где очень объективно и верно освещаются обряды и нравы как мусульманской, так и христианской части населения империи, которая простиралась на огромных территориях Азии, Европы, Африки. Составление «Космографии» приходится ко времени обострения турецко-сефевидских отношений. Поэтому автор сборника перечисляет земли и страны, подвластные Турции и Сефевидскому государству. Эта информация представляла большую значимость для русского человека, для Московской Руси, которая пристально следила за военно-политической ситуацией на Кавказе и своих южных границах.

При анализе произведений в жанре хождений, путевых очерков, а также аналогичных «Проскинитарию», «Книге Большому Чертежу» и «Космографии» сборников историко-литературного и географического характера невольно встает вопрос о художественности и об историзме памятников, традиционно рассматриваемых и воспринимаемых как литературные сочинения XV-XVII веков. «Писатель, как и историк, может воссоздать события и облик прошлого, хотя это художественное воссоздание отличается от научного. Опираясь на исторические данные, писатель в то же время всегда идет по пути творческого вымысла, без которого невозможно искусство;

он изображает не только то, что было, но и то, что могло бы быть... Лучшие образцы исторической, художественной литературы представляют не только эстетическую, но и историко-познавательную ценность...» (224, с.114). Если исходить из этих и других художественных критериев, то уместно будет говорить об историзме рассматриваемых произведений древнерусской литературы, в которых «художественное воссоздание отличается от научного», но в то же время они «представляют не только эстетическую, но и историко-познавательную ценность». Конечно, эстетическая и историко-познавательная ценность произведений исторического жанра несоизмерима с ценностью хождений, путевых очерков и географических сборников. Во первых, больше художественности и эстетичности, во вторых, правдивости, историчности и научно-познавательной информации. На наш взгляд, необъективно оставлять древнерусские хождения, путевые очерки и посольские послания вне круга рассмотрения произведений исторического жанра древнерусской литературы. В предисловии к «Хожению купца Федота Котова в Персию», впервые опубликованному в 1852 году во «Временнике Императорского московского общества истории и древностей Российских», была отмечена «большая историческая ценность этого источника» (257, с.13-14). Несомненно, «Хожение купца Федота Котова в Персию» в целом воспринимается как историко-этнографический источник. Однако своеобразный сюжет и композиция данного «Хожения», оригинальное художественное воссоздание увиденного, динамичность и живость повествования, широкое использование фольклорного материала, удачное применение восточной лексики и, наконец, сочувственное отношение автора к изображаемому заставляет нас подойти к описаниям русского купца

прежде всего как к литературному труду. В этом отношении «Хожение купца Федота Котова в Персию» больше сближается с произведением Афанасия Никитина. В то же время оно сочетает в себе повествовательную струю «Сказания о Железных вратех», «Хождения за три моря» и научно-познавательную констатацию фактов и событий «Книги Большому Чертежу» и «Космографии».

С.Ахмедова, исследователь азербайджанской тематики в русских хождениях, тщательно проанализировав «Хожение купца Федота Котова в Персию», заметила его литературное отличие от «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и других произведений в данном жанре: «Характерным для «Хождения» Ф.Котова является отсутствие в нем сообщений о военной силе и укреплениях посещенных им восточных городов» (18, с.114-115). Наблюдения исследователя над текстом данного произведения свидетельствуют об огромном интересе русского купца-путешественника к торговым центрам и городам Азербайджана, к жизни и культуре азербайджанцев, архитектурным сооружениям Дербента, Шемахи, Тебриза, Ардабиля. По мнению С.Ахмедовой, преобладание в азербайджанских городах каменных построек было необычным для Ф.Котова после преимущественно деревянной Москвы. Истинную причину прибывания купцов и путешественников из России и Европы в Азербайджан и их интереса к азербайджанскому народу проф. Я.Махмудов объяснял как природными богатствами и плодородием здешних земель и удобным расположением края в центре сухопутных и водных путей, так и изумительной красотой и архитектурой древних городов, своеобразием народных празднеств и торжеств, обычаев, обрядов и традиций (144).

Описания купца Котова интересны еще и тем, что, как и в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, они воспроизводятся по строгому творческому замыслу рассказчика и входят в общую сюжетную канву повествования, заблаговременно запланированную автором. Сквозь призму «Хождения купца Федота Котова в Персию» красной нитью проходит мысль, характерная для большинства русских хождений, а именно - стремление описать многочисленные торговые пути, ведущие из разных восточных городов и торговых центров в «турскую землю», в Царьград, а уже оттуда и в Московскую Русь. Рассказывая о Шемахе, Исфагане, Ардабиле, Тебризе и других городах, автор обязательно подчеркивает: «А в Шемаху товары приходят ис Турской земли. И путь ис Шемахи есть в Туръскую землю» (257, с.36), «И от Ардевиля в Турскую землю ходят же через Тевриз» (257, с.37), «А от Бясира ходят в Турскую землю в Царьград» (257, с.58) и т.д. В «Хожении купца Федота Котова в Персию» проявляются писательские способности и наблюдательность Федота Котова, сумевшего профессионально и искусно описать построение городов, их архитектуру, историческое прошлое и настоящее восточных стран и государств, их многовековые военно-политические отношения, и главное, составить этнографическую карту региона. «Основным действующим персонажем путевых записок является сам путешественник, точнее говоря, повествователь, от имени которого ведется рассказ и оцениваются события и лица. Повествователь путевых записок – всегда представитель эпохи. Историческая жизнь строго распределила по времени типы повествователей: в его личности как бы концентрировались основные веяния, стремления и чаяния времени» (194, с.7), – пишет Н.И.Прокофьев, известный исследователь русских хождений и путевых очерков

и один из составителей сборников произведений в рамках указанных жанров. Действительно, личность путешественника в путевых очерках и хождениях значила очень многое. В одних случаях – это путешественник-паломник, рассказывающий о святых местах, религиозных праздниках и других достопримечательностях («Хождение Даниила, игумена Русской земли», «Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград», «Пименово хожение в Царьград», «Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину», «Хожение Авраамия Суздальского» и др.); в других – это купец-путешественник, повествующий о торговых поездках и иных странствиях («Сказание о Железных вратех», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хожение купца Федота Котова в Персию» и др.), а в третьих – посол-путешественник, выполняющий конкретную дипломатическую миссию и детально описывающий все подробности своего пребывания в той или иной стране («Путешествие М.Г.Мисюря Мунехина на Восток», «Хожение Трифона Коробейникова в Царьград», «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» и др.).

Помимо чисто профессиональных задач авторов указанных произведений, как ярких «представителей эпохи», волновали насущные проблемы тогдашних взаимоотношений Московской Руси и государств региона. Многие «посольства» и «хождения» преследовали политическую цель и создавались в интересах государства. И это касалось, в первую очередь, светских хождений, посольских повестей и путевых очерков. Составление путевых записей не было главной задачей, стоявшей перед путешественниками; не литературные, а чисто профессиональные – купеческие, дипломатические, военно-политические дела занимали их умы и руководили их действиями. Не случайно же русские авторы так часто ука-

зывали на торговые маршруты, ведущие в Царьград, на войны и конфликты между Османской Турцией и Персией (Сефевидским государством). В широком плане это было мировой проблемой, разрешаемой усилиями сильных европейских держав. Османская Турция, к концу XVI века захватившая значительную часть Европы и владений Сефевидского государства, лишила многие страны торговых путей и рынков сбыта товаров. Московской же Руси грозило потерять Астрахань, торговые пути через Азов и Дон, а также выход в Закавказье, Персию и Индию. Это составило основу военно-политических мотивов произведений русских путешественников. Ими двигала идея описания общественно-политической и военной ситуации в Османской Турции и Сефевидском государстве, от которой сильно зависело осуществление военно-политических и торгово-экономических планов русского государства. Известный азербайджанский историк Я.М.Махмудов, проанализировав военно-политическую ситуацию, сложившуюся между Османской империей и Сефевидским государством, подчеркивал, что европейские государства «столкнув их между собой», старались ослабить две могущественные империи и укрепиться на Востоке (145, с.204). Приведенные здесь данные и факты русских хождений и посольских повестей, а также ценный художественный материал «Исторической», «Поэтической» и «Сказочной» повестей об Азове свидетельствуют о совпадении военно-политических целей западных держав и Московской Руси по отношению к Востоку.

Мы говорили об историчности русских хождений, путевых очерков и посольских повестей и оценивали их как необходимое подспорье для восприятия историко-литературного процесса той эпохи. Совершенно справедливо звучит вывод исследователя о том, что «правдивость

и точность древнерусской литературы путешествий, в значительной мере обусловленные жанровыми канонами, которых строго придерживались авторы путевых записок, побуждали к тому, чтобы избегать «глупых» фактов. Само назначение и структура жанра заставляли писателей избирать наиболее важное и достойное» (194, с.19). В этом отношении были примечательны сборники, известные под названиями «Проскинитарий», «Книга Большому Чертежу», «Космография» и др. Такие известные образцы путевых записей, как «Хожение Трифона Коробейникова в Царьград» и «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» избежали «глупых фактов» и вобрали в себя «наиболее важное и достойное», что отвечало требованиям документальной прозы и не выходило за рамки литературных канонов жанра. Однако эти художественные критерии были обязательны не для всех хождений и путевых записей. Выдержки из произведений Афанасия Никитина и Федота Котова свидетельствуют о преобладании художественного вымысла, о бесспорной роли творческого воображения писателя-путешественника. Официально-деловые сообщения и исторические справки обнаруживаются лишь местами и этим отодвигают на задний план повествования историзм и документализм прозы. В целом произведения купцов Афанасия Никитина и Федота Котова послужили примерами слияния документализма (историзма) и художественного вымысла.

«Хожение Трифона Коробейникова в Царьград», осуществленное по повелению Ивана Грозного в 1582-1584 годах, описывает путь от Москвы к Царьграду и до Иерусалима. На наш взгляд, было бы необъективно считать паломническим данное хождение. Как и «хождения» Афанасия Никитина и Федота Котова, оно преследовало другие цели: перед автором стояла задача освещения во-

енно-политической и торгово-экономической ситуации в регионе и духовной жизни населения указанных земель. Описание торгового пути от Москвы до Царьграда, указание на местонахождение отдельных городов Восточной Европы, на их вассальную зависимость от турецкого султана, подчинение литовскому королю и волошескому государю, передача современного состояния взаимоотношений народов и стран региона свидельствуют о том, что Трифон Коробейников больше выполнял дипломатическую, нежели паломническую миссию. Описание городов, караванного пути от одного населенного пункта до следующего напоминает стиль повествования «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, русских историко-литературных и географических сборников XV-XVII веков: «Городок Менск древяной худ, в ыном месте развалился, величиною с Вязму, а под ним река Сыслан поменши реки Березины да пруды. А от Менска до села Патован 20 верст, а от Патован до села Патреши 30 верст, а от Патреши до села Паукова 20 верст, а все ехат болотом, а от Паукова до городка Слутцка 15 верст» (258, с.24).

Вслед за описанием подвластных литовскому королю городов Трифон Коробейников сообщает о положении волошеских земель: «А во Ясех города нет; потому царь Турской города ставит не велит; а живет в Ясех волошеской государь, а около двора его стена каменная на городовое дело и на дворе палаты каменные…» (258, с.26-27); «В Волошеской ж земле городок Сычав.., а ноне ф том городе Турской царь волошеским государем жити не велит, потому что тот городок блиско Литовскаго рубежа, чтоб волошеским государем бегат нелзе к Цысарю и в Литву…» (258, с.27-27). В этих отрывках привлекают внимание сообщения о вассальной зависимости волошеских земель от турецкого султана, о противостоянии

между Литвой и Османской Турцией, а также изображение архитектурных построек и достопримечательностей названных городов.

При описании своего похода в «Турские улусы» русский автор подчеркивает наиболее важную с торгово-экономической и военно-политической точки зрения информацию: «Есть река Дунай, велми широка, в ыных местах и глубока добре, и островиста.., а идет она из Сербские земли скоз Шпанскую землю и Турскую. Ау Турского царя и у Шпанского короля, и у Цысарского, и у Волошеского Дунай река рубеж» (258, с.28).

В изображении турков Трифоном Коробейниковым следовало бы особо выделить два момента: во-первых, вопреки сложившемуся мнению, турки представлены в произведении русского автора веротерпимыми по отношению к совим подданным; во-вторых, образ турецкого султана дан в положительном плане. В подвластных султану землях наряду с мечетями стоят и монастыри. Под воздействием чудес и божьего веления «царь Салтан» воздерживается от разрушения храма святого Георгия: «Царь повеле сотворити тако: обить верх златом и к чюдному образу его приложити гривну злату и з драгим камением и з жемчюгом, и испроси от клироса его дву иереев, да останет божественнаго пения. И нача иереем давати свой корм по десяти денег на день, да по две чюги на год, по червьчатой да по белой чюге, по камчатой; повеле им пети и служити» (258, с. 32). Подобное изображение турецкого султана соответствует пересветовской манере описания «Магмет-салтана», благосклонного к христианской вере. В плане выполнения дипломатической миссии, налаживания взаимовыгодных отношений с Османской Турцией «Хожение Трифона Коробейникова в Царьград» родственно с «Посольством Ивана Новосильцева в Турцию».

В рассказе русского путешественника находим не менее интересное сообщение о благоустройстве торгового и караванного пути через все подвластные турецкому султану земли, в которых были построены имареты (гостиницы или караван-сараи для проезжих): «… а те места устраивает Турской царь, и паши проезжих людей кормят до трех дней и лошадем дают ячмень…» (258, с.30). Как видно, турецкий султан поощрял торговлю с Московской Русью и, вопреки утверждениям европейских историков, не преграждал пути сообщения с Востока на Запад или наоборот. Так было и 200-300 лет назад при Чингис-хане и его последователях, когда для связи между частями огромной империи и для передачи приказов императора народу были организованы отряды верховых, а в дальнейшем учреждены ямские станции. «Чингис-хан хотел доставить торговле такие удобства и такую безопасность, чтобы можно было, как он выражался, во всей его империи носить золото на голове, как обыкновенные сосуды, не подвергаясь ни грабежу, ни притеснениям» (253, с.48), – пишет Э.Хара-Даван, ссылаясь на М.И.Иванина, автора книги «О воинском искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане» (Спб., 1875, с.25). Дипломатические усилия турецкого султана и русского царя были направлены на возобновление торговых связей между Европой и Азией, на обеспечение их безопасности.

Среди посольских повестей XVI-XVII веков особое значение имеет «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию», по стилю и манере повествования напоминающее летописные своды предыдущих столетий. В XIV-XV века оно могло быть включенным в летописи и представляться летописным материалом. Ценность данного историко-литературного источника заключается еще и в том, что

он воспринимается как дружелюбное посольство между странами, не имеющими к тому времени враждебных отношений, но интересующимися военно-политическими проблемами соседнего государства, потенциального соперника или союзника. Русский посол заявляет, что государь послал его «для своего государева дела в Царьгород к брату своему к Селим-салтану»(190, с.192), Маамет-паша же подчеркивает благородство и доброту русского царя: «государь ваш иноземцев жалует, а государь ваш великой, и он делает все доброе, как ему бог велел»(190, с.200). В действительности, посольство Ивана Новосильцева было направлено на разрешение серьезных проблем. Московская Русь, подвергавшаяся внезапным набегам со стороны Крымского ханства, предпочитала заверить Османскую Турцию в своей дружбе: «А ныне, господине, меж государей чаем добра и любви», - получив взамен ответ: «...а государь наш того хочет жа» (190, с.194). Турки, занятые войнами в Европе, были небезразличны к ситуации, сложившейся в бывших землях Золотой Орды, ныне подвластных ... русскому царю. На вопрос Касим-бега о нагайских мурзах и об их отношении к государю Иван Новосильцев отвечал следующим образом: «Нагайской Тинехмат князь и мурзы все государю нашему послушны – куды им государь велит на свое дело идти, и нагайские люди на государеву службу ходят, а государь Тинехмата князя мирз жалует и от недругов их обороняет – приходил на них недруг их Ак-Назар, царь Казацкие орды, со многими людьми, и нагайские люди с государя нашего людьми казатцких людей побили и царевича не одного убили»(190, с.194). Русский посол верно изложил политику царя по отношению к мусульманской части населения, которая, прежде всего, отвечала политическим интересам Московского государства: «в тех городех му-

сульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит – всякой иноземец в своей вере живет» (190, с.200).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» – это не только рассказ о деятельности русского посла в период его пребывания в Турции. Это объемная историческая повесть о самых противоречивых ситуациях и актуальных проблемах военно-политической жизни как Московской Руси и Османской Турции, так и целого ряда государств. Повествование о дипломатической миссии Ивана Новосильцева включает в себя эпизоды, рассказывающие о стремлении московского царя и турецкого султана по обузданию казаков и крымцев, чьи набеги и вылазки не всегда отвечали политическим интересам сторон. В обязанности русского посла входило предотвращение астраханского похода крымского хана, опирающегося на турецкого султана, обеспечение безопасности путей русских купцов и паломников и, конечно же, вручение царской грамоты лично самому султану. Весьма активно выступают турецкие послы Айдар, Касим и Маамет-паша, которые от имени султана требуют разумных объяснений тех или иных неустраивающих турков действий московского царя. Айдар, азовский санчакбек, причину астраханского похода объясняет тем, что «ходят ис Кизылбаша гости в Асторохань торговати, а нашему дей государю Кизылбашской великой недруг» (190, с.192). Русский посол очень убедителен в своих ответах, что соответствует политике его государства на Востоке: «Всяким, господине, иноземцом в нашего государя, царя и великого князя, землю не запрещено с торгом ходити» (190, с.192).

Взаимодоговоренность двух противоположных сторон должна была избавить людей от многих проблем. Маамет-паша и Иван Новосильцев договариваются о

беспрепятственном передвижении паломников и купцов из одной страны в другую: «да только б, господине, велел вперед бухарцев и шамохейцев пропускати из Асторохани к осподню гробу молитись по нашей вере, да и письмо, господине, о том нашего государя к вашему государю будет, а государь наш того хочет, чтоб с вашим государем меж их ссылка и добро было, и гости б ходили, как было наперед сего, а у нашего государя всякому же иноземцу не запрещено во Царьгород ходити, а мы деи того хотим, чтоб меж государей добро было» (190, с.200).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» (как и «Хожение купца Федота Котова в Персию») большое место отводит турецко-кызылбашским связям и отношениям. Увлекателен рассказ русского посла о «Баязы-салтане», который будто бы хотел убить отца и сесть на царство. Когда раскрылись планы сына султана, он нашел приют у кызылбашского шаха, которому было обещано возвращение захваченных Турцией земель. Если в «Хожении купца Федота Котова в Персию» подробно освещались отдельные лица из свиты шаха, дворцовая жизнь, то в «Посольстве Ивана Новосильцева в Турцию» большое внимание уделялось описанию сыновей и дочерей турецкого султана, вопросу о политической роли отдельных пашей, об административной системе страны, а также о взаимоотношениях турецкого султана и крымского хана. Иван Новосильцев, столкнувшись с крымскими татарами в Кафе, убедился, что они не всегда единодушны с турецким султаном и могут навредить торговым, военно-политическим и дипломатическим связям Московской Руси и Османской Турции.

В тематическом плане путевые записи Ивана Новосильцева созвучны с «Повестью о взятии Царьграда турками», с «Казанской историей», с «Исторической», «По-

этической» и «Сказочной» повестями об Азове, в которых взятие городов и крепостей христианами или мусульманами оценивалось как божья воля. Сам «турской салтан», признавший, что «московской деи государь силен ратью своею, и мне деи с ним не за что воеватца, а у меня деи он не взял ни одного города», считает, что «Астрахань ... Московскому бог дал» (190, с.204). В другом посольстве, «Хожении Трифона Коробейникова в Царьград» автор, затрагивая тему взятия Царьграда («И божиим повелением за грех рода человеча приидоша турки под град и по повелению божию тот образ архангелов мощию от столпа подняся на небо, видом бысть всему народу, турки же, видевше отступление божие, взяша град, и ныне в нем царствуют... «(258, с.30-31)), воздерживается от обвинительной интонации в адрес турецкого султана, которому «за храм и за службу патриарх дает великий откуп з году на год золотыми»(258, с.30).

«Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» в художественном отношении сближается с историческими повествованиями и воинскими повестями XV-XVII веков, обнаруживающими наличие тюркской тематики. Официально-деловой язык посланий государей, простая и непринужденная речь русского и турецких послов, многочисленные эпизоды и диалоги с участием крымских и государевых татар, употребление тюркизмов, и, конечно, перечисление вооружения готовящихся к взятию Астрахани крымцев и турков, включение в текст повести дополнительного рассказа, неоднократные упоминания и повторы о захвате города путем подкопов – все эти перечисленные художественные особенности вышеназванного произведения ставят путевые записки русского посла в один ряд с выдающимися образцами как жанров хождения и посольской повести, так и исторических и воинских

повестей. В переписке с великим князем и в общении с русским послом турецкий султан и его паши изображены как очень толковые и трезвые политики, осторожные в своих оценках и эмоциях. Это же самое становится характерным для образов великого князя и его посла. На наш взгляд, данная характеристика русских и турецких политиков соответствует исторической правде, заключающейся в том, что многовековые конфликты и религиозное противостояние русских и турков вплоть до начала XVII века не приводили к войне и разрыву торговых сообщений между двумя великими империями благодаря усилиям этих исторических личностей. Описание путей из Москвы и других русских городов в Турцию, а также торговых и религиозных центров Востока, рассмотрение авторами самых различных вопросов жизни простых людей, изучение ими местных условий мотивируются не только военно-политическими проблемами, но и писательским интересом к увиденному, а в большинстве случаев - и новизной объекта и предмета изображения и исследования.

Интересно, что близкие по времени написания и содержанию к посольской повести Ивана Новосильцева древнерусские произведения («Историческая», «Поэтическая», «Сказочная» повести, «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками», «Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном») заметно расходятся с ней в изображении и оценке турков. Такое расхождение объясняется разным служебным положением сочинителей сравниваемых произведений и разными условиями и причинами их создания. В написанных в казачьей среде и навеянных местным фольклорным материалом повестях, при изобретательности авторов, богатстве их языка и насыщенности текстов просторечиями

отсутствовали присущие светским хождениям документализм повествования и достоверность фактов.

Следует отметить, что торговые и дипломатические поездки русских людей на Восток или приезд купцов и послов из Турции, Крыма, Персии, Азербайджана, Средней Азии и Золотой Орды в русские города ознаменованы не только появлением путевых очерков, хождений и посольских повестей, но и взаимопроникновением фольклорно-литературных мотивов, образов и приемов соседних стран и народов. Безусловно, были и другие пути проникновения восточной тематики в литературу Древней Руси. Не отрицая значения других языков и литератур в процессе обогащения древнерусских произведений восточными мотивами, необходимо подчеркнуть существенную посредническую роль тюркских литератур. Широкая известность одного из древнерусских произведений с восточной тематикой, «Повести о Еруслане Лазаревиче», чаще всего обосновывается популярностью героя Фирдоуси Рустама в казачьей среде, а также среди крымских татар. «Уруслан совершенно непереносим в обычном человеческом быту... не «помещается» в пространственных пределах обыденного мира. Его место в необычном, сказочном, красочном «чистом поле», где стоят прелестные шатры,.. скачут украшенные кони,.. встречаются невиданные существа» (60, с.649). Такой герой-богатырь вполне импонировал бы составителям «Поэтической» и «Сказочной» повестей об Азове, с помощью которых сюжет поэмы Фирдоуси мог попасть в Центральную Русь.

На наш взгляд, не последнюю роль в проникновении восточных, в частности тюрко-татарских сказаний в древнерусскую литературу сыграли авторы хождений и посольских повестей. Тот же Иван Новосильцев в течение своего долгого пребывания среди крымских и астраха-

ских татар, ногайских мурз, наверняка, имел возможность ознакомиться с устными сказаниями местного населения. Не случайно, в двух притчах, входивших в «Повесть о разуме человеческом», создан положительный образ «некого царя именем Сламгирей». Известные под названиями «От книг бытей татарских о разуме человеческом» и «Иная притча о том же царе»(219) сюжеты, продолжая традицию «Сказания о Магмет-салтане», изображают образ жестокого, но справедливого татарского царя, рядом с которым находится его близкий и доверенный человек – Алтын-Золотое Слово. Образ мудрого человека и советника, который так вдохновенно близок самим русским посланникам – «Видишь, разумей, каков человеческий разум. Разумной человек не одну душу свою спасет, но и людцкия многия» (219, с.327) - имел для русской литературы XVI-XVII веков символическое значение. Как и татарский царь, великий московский князь нуждался в советах и сообщениях, необходимых для нормального ведения дел с соседями, что позволило бы русскому государству наладить торгово-экономические, военно-политические и культурные связи с ними.

Целостный анализ образцов жанров хождения, путевых очерков и посольских повестей выявил художественное и идейно-тематическое своеобразие данных произведений. Основные отличительные свойства этих литературных памятников Древней Руси были продиктованы острейшей необходимостью в их создании в эпоху расширения и укрепления Московского царства и потребностью в них официальных кругов, а также простого русского человека, которому так нужна была преподносимая ими историко-литературная информация о тюркском мире, о Востоке.

На наш взгляд, «хождения» Афанасия Никитина и Федота Котова, путевые очерки Ивана Новосильцева и другие образцы этих жанров послужили своеобразным стержнем для развития и обогащения языка, стиля и поэтики литературы Древней Руси, привнося в нее новые темы, мотивы, образы и сюжеты. Оригинальное применение ориентальной лексики и, главное, совершенно иное отношение к тюркской тематике, выявляли объективный взгляд на восточный мир вообще и на восточного человека.

В перечисленных жанрах древнерусской литературы впервые был реально представлен Азербайджан, действительность и реалии азербайджанской жизни, его этнокультуры. Интерес древнерусских купцов-путешественников и послов к азербайджанской (сефевидской) истории, торговым путям, ведущим из Дербента, Шемахи, Баку, Тебриза и Ардабиля в Турцию, Индию, Персию и другие страны служит лишний раз доказательством тому, какое значение придавала Московская Русь торговым и дипломатическим связям с Азербайджаном. Обнаруженные в сборниках «Книга Большому Чертежу» и «Космография» сведения географического и исторического содержания свидетельствуют об огромной значимости представленной в них информации для русского государства, осваивающего к тому времени все новые и новые земли и регионы. В собирании и донесении подобной информации, составлении такого рода сборников не последнюю роль сыграли авторы хождений, путевых очерков и посольских повестей.

ГЛАВА V

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ТЮРКИ В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ИДЕЙ

5.1. Евразийство и азербайджанство: точки соприкосновения и перспективы сближения

Обсуждение проблем современного евразийства и азербайджанства (или азербайджановедения) в одном контексте может показаться парадоксальным. С одной стороны, евразийство как научно-теоретическое направление разработано русскими учёными и в первую очередь отвечает интересам России, с другой, – сегодня его актуальность ещё недостаточно осознана ни в Азербайджане, ни в других тюркских государствах. В то же время есть геополитические, культурно-исторические, социально-этнические и другие аспекты изучения указанных научных сфер и идеологий, которые до сих пор заставляют нас говорить и дискутировать.

Во-первых, Азербайджан как географический регион и историко-культурный ареал представляет собой своеобразную евразийскую модель. Хотя территория Азербайджана не входит в так называемую степную зону - изначальную территорию евразийского культурно-исторического ареала – она вбирает в себя почти все климатические полосы даже самого материка.

Во-вторых, все великие переселения и кочевья на Евразийском материке в той или иной степени охватили исторические рубежи нашей Родины, разведывательные экспедиции, торговые и караванные пути с Запада на Вос-

ток, с Севера на Юг или в обратных направлениях проходили через азербайджанские земли. Вспомним маршруты Джэбэ и Субэдэя - полководцев Чингисхана, европейского путешественника Рубрука, русских купцов-путешественников Афанасия Никитина и Федота Котова, план создания Великой империи Александра Македонского, карту «мировой империи» Тимура и даже план «Барбаросса» Гитлера. Азербайджан находился на пересечении границ величайших цивилизаций и империй, возникших на территории Евразии. Границы Византийской империи, Хазарского каганата и Арабского халифата соприкасались друг с другом именно на месторасположении Азербайджана.

В-третьих, культурологический аспект сравнительного исследования Евразии и Азербайджана открывает перед учёными-евразийцами новые горизонты для научных поисков. Изучение величайших памятников Средневековья в сравнительном плане с азербайджанским эпосом «Книга деда моего Коркута» выявило много интересных моментов для совместного исследования образца нашей письменной литературы в одном ряду с немецкой «Песней о Нибелунгах», французской «Песней о Роланде», восточнославянским «Словом о полку Игореве» и др. А сколько параллелей и сходств обнаруживает сравнительный анализ сюжетов азербайджанских героических и любовных дастанов с фольклорными образцами других народов Евразии! Вспомним близость азербайджанского любовного дастана «Ашыг Гариб» русской былине об Алёше Поповиче в контексте «бродячих сюжетов».

Однако нами были выявлены некоторые неточности в постулатах и предположениях евразийцев.

Среди основных евразийских культур (типов культуры) нет тюркской, хотя этому вопросу посвящены спе-

циальные работы классиков евразийства (Трубецкого, Савицкого). Имеются в виду статьи «Евразийская концепция русской истории» и «Туранские элементы в русской культуре». Английский историк Арнольд Тойнби перечисляет мировые цивилизации, дошедшие до XX столетия (245, с. 40). Но в его списке тюркская культура или же цивилизация не указана. К большому сожалению, этот стереотип проявляется в работах азербайджанских авторов. В частности, А.Агаоглу в книге «Три культуры» в списке мировых культур и цивилизаций «тюркскую» не называет (3). В картах, представленных евразийцами, Азербайджан не входит в «Туркестан». Территория Турции вообще не представлена на картах евразийского ареала. Если исходить из простого расчёта, что все натиски, передвижения и кочевья степняков из Зауралья и Забайкалья на пустынной и степной полосе Евразии (имеется в виду не материк, а ареал) не обходились без этих пунктов и завершались оседанием тюркских племён именно на этих территориях, то некоторые выводы и аргументы евразийцев вызывают недоумение. С другой стороны, классики евразийства, в своих теоретических воззрениях признавая примат культуры, в то же время замалчивают о культурологическом аспекте проблемы. Этот вопрос уже неоднократно рассматривался нами (3), и, тем не менее мы считаем, что он требует более подробного изучения.

Камнем преткновения при обосновании евразийской концепции применительно для всего ареала, включая всю историческую территорию Туркестана, Монголии, Турции и Азербайджана, стала идея превосходства западной (романо-германской) культуры, её несомненного преимущества перед остальными евразийскими культурами. Преобладание западнических настроений в работах не только самих западников, но некоторых сла-

вянофилов и евразийцев (Тойнби, Шпенглер, Данилевский, Страхов), а также многих азербайджанских мыслителей и писателей (А.Агаоглу и др.) вызывает у нас несогласие, потому что такая точка зрения оставляет древние цивилизации и культуры региона в тени. Своеобразной ответной реакцией на общие методологические просчёты названных исследователей стала статья профессора Джавада Хейята «Влияние исламской культуры на развитие западной культуры» (4). В ней выдвигается научно обоснованная мысль о том, что истоками современной процветающей западной культуры были не римская и византийская культуры, а восточная исламская и тюркская. Тем не менее, думаем, что известный деятель южноазербайджанской культуры и редактор журнала «Варлыг» доктор Джавад Хейят, будучи объективным в своих аргументах в пользу воздействия ислама на средневековую западную культуру, в то же время проявляет односторонний подход и однозначно отрицает роль античных культур.

На наш взгляд, подобное отрицание равносильно и равнозначно позиции западников. В отличие от нашего современника в произведении Ахмед бека Агаоглу «Три культуры», изданном в 1927 году в Турции, утверждалась противоположная точка зрения. По его мнению, и исламская, и Брахманская (индийская) культуры стали подражать западной. Но это утверждение было продиктовано объективным положением дел в первой трети XX века. «Европейская культура, идущая мощным потоком и не встречающаяся ни с каким препятствием, убирает на своем пути всё. Единственный выход из этого состояния - принятие данной культуры» - писал А.Агаоглу (2, с. 30). Начиная с М.Ф.Ахундова, данной позиции придерживались многие деятели азербайджанской культу-

ры и литературы второй половины XIX - начала XX века. Но ни М.Ф.Ахундов, ни Н.Б.Везиров, ни Н.Нариманов, ни А.Агаоглу, будучи приверженцами западничества, в то же время не отрицали роль и значение азербайджанского средневекового ренессанса. Ведь неприятие М.Ф.Ахундовым такого мастера слова, как М.Физули, не было отрицанием азербайджанской средневековой литературной мысли вообще, а лишь вопросом художественного вкуса.

Что касается отставания исламской и индийской культур от западной, то это - многовековая проблема противостояния, не имеющая однозначного ответа на поставленный вопрос. Нет ответа на вопрос «Что появилось раньше: яйцо или курица?». Здесь же уместно вспомнить ответ Ф.М.Достоевского противопоставившим Россию и Европу славянофилам и западникам: «Тут вышла одна великая ошибка с обеих сторон, и прежде всего та, что все эти тогдашние западники Россию смешали с Европой, приняли за Европу серьёзно и – отрицая Европу и порядок её, думали, что то же самое отрицание можно приложить и к России, тогда как Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо. Разглядеть, что это не Европа, а другое существо, и приглашали славянофилы, прямо указывая, что западники уравнивают нечто непохожее и несоизмеримое и что заключение, которое пригодно для Европы, неприложимо вовсе к России, отчасти и потому уже, что все то, чего они желают в Европе, - все это давно уже есть в России, по крайней мере в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность её, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-

нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии» (**75**).

Эта мысль так же легко применима к исламскому и тюркскому миру, в частности к Азербайджану, что отчасти и нашло отражение в указанной статье профессора Джавада Хейята. В данном случае было бы уместно напомнить историческую миссию православной христианской и исламской религий, идентифицировать их роль в сохранении евразийских ценностей. Али бей Гусейнзаде в статье «Кто такие тюрки и кто их составляет?» (6) указал на исторические победы в Евразии тюркских народов и этносов под предводительством величайших полководцев Чингисхана и Тимура, фактически обосновал необходимость отсчёта евразийских идей со времён первого Великого Монгольского хана. Как видно, и в политическом, и в научном плане идея евразийства не может обойтись без признания роли исламско-тюркского фактора. Прослеживание азербайджанской литературы конца XIX – первой трети XX века выявляет истинную реакцию культурно-общественной мысли Азербайджана на западничество. На примере работ А.Агаоглу и А.Б.Гусейнзаде мы убедились в том, что эта реакция была неоднозначной. Но Мамед Эмин Расулзаде, автор публицистических размышлений под названием «Сиявуш нашего века», прекрасно ориентирующийся среди западнических, туранских и тюркских настроений своих современников, выдвинул идею азербайджанства и назвал Азербайджан истинным наследником Востока (Ирана и Турана).

Мы согласны с мнением Н.Джафарова о том, что азербайджановедение является органической частью тюркологии и невозможно представить его в отрыве от иранистики, семитологии, кавказоведения. Изучение азербайджанского языка, литературы и культуры вне

тюркологического контекста приводило «...к весьма вольным и вульгарным толкованиям, однозначно серьёзным и грубым ошибкам. В подтверждение тому напомним общеизвестный пример – длительное изучение творчества великого Низами в узких рамках иранистики. Однозначное игнорирование древних общетюркских источников творчества поэта привело к тому, что и по сей день нас тяготит гнетущая неизученность истоков философско-эстетических идей великого мыслителя», - отмечает автор труда «Основы азербайджановедения» (65, с. 101). Мы бы расширили круг проблем и добавили бы в него вопрос необходимости дальнейшего изучения азербайджанской культуры в контексте евразийства. Ведь творчество того же Низами, мир его идей и героев невозможно вместить в узкие рамки. Оно представляется в широком евразийском контексте с этническим и топонимическим разнообразием художественного мира поэта. «Если обратимся к письменной литературе, известным поэмам великого азербайджанского поэта XII века Низами Гянджеви («Семь красавиц» и «Искендернаме»), то обнаружим в них мотивы своеобразия национальных культур и идеи объединения народов под единой системой управления («идеал справедливого государя»)», - пишет проф. К.М.Абдуллаев (8, с.7). Об этом же свидетельствует и текст эпоса азербайджанских огузов «Книга деда моего Коркута».

Конечно, мы вовсе не сторонники механического слияния азербайджановедения с тюркологией и евразийством. Азербайджановедение – это очень перспективная и многоплановая наука. Кроме базовых и теоретических вопросов в нем немало сфер прикладного характера. Здесь мы, первую очередь, подчёркиваем проблему этнокультурного образования с азербайджанским компо-

нентом на школьном и вузовском уровнях. Должны быть выработаны единые образовательные стандарты для всех учебных заведений, нацеленных на усвоение азербайджанского языка, литературы и культуры. Но азербайджноведение должно питаться не только идеологией азербайджансва и тюркского единства. Перспектива перерастания и слияния азербайджановедения с тюркологией и евразийством нами видится в создании науки в науке, мира в мире. Это виртуальное единение по горизонталям и диагоналям.

Кроме того, мы бы хотели коснуться туранского направления неоевразийства, представителем которого выступает президент Казахстана Н.Назарбаев. В своих аргументах он исходит из нашумевшей книги О.Сулейменова «АЗ и Я». «Казахстан начал рассматриваться в качестве государства, способного под эгидой евразийства, а если быть более точным, то туранского неоевразийства, консолидировать тюркские народы бывшего СССР», - пишет автор монографии «Евразийство. Геополитический дискурс» Ф.Алиев (9, с.82). Здесь же им приводятся слова С.Серикбая о том, что «евразийство Казахстана и России – это две стороны одной проблемы, суть которой заключается в длительном неравноправном совместном сосуществовании» (9, с.82). Нам кажется, что без учёта интересов других жителей евразийского дома, исторического прошлого и реалий всего ареала невозможно добиться многосторонней экономической интеграции, культурно-информационного обмена, создания единого гуманитарного пространства. Только в этом случае оправдал бы себя евразийский подход к глобализации, перестали бы говорить об опасной политической подоплёке неоевразийских идей А.Дугина. Мысли последнего о том, что «существование русского народа как органической истори-

ческой общности немыслимо без имперостроительного, континентального созидания. Русские останутся народом только в рамках Новой Империи. <...> Новая империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой» (Цит. по кн. Ф.Б.Алиева, с.79) опасны тем, что они навеяны политической теорией «Москва – третий Рим» церковных кругов России. Эти бредовые планы могут привести Россию к расчленению. Идею спасения и существования России как евразийской державы высказывал гениальный евразиец Л.Н.Гумилёв: «По секрету скажу Вам, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и благодаря евразийским идеям» (10). В отличие от политика Александра Дугина Лев Гумилёв в своих тезисах руководствовался долгими и плодотворными разысканиями в области этногенеза и этнокультурной истории Евразии, в том числе Древней Руси и Великой Степи.

Перспективы и ориентиры развития евразийства в Азербайджане чётко обозначены в объёмной статье проф. К.М.Абдуллаева «Евразийство в Азербайджане: проблемы и перспективы развития» (8, с. 3-18). Мы солидарны с мнением автора о том, что наиболее приемлемой для Азербайджана является экономическая и культурная интеграция с евразийским пространством, с его заключением об осознанном и системном изучении евразийской проблематики в Бакинском славянском университете (БСУ). В данном уникальном вузе, созданном по идее общенационального лидера азербайджанцев Гейдара Алиева, прекрасного знатока интеграционных процессов в Евразии и во всем мире, широко представлены исторические, культурные, литературные и языковые связи тюркских и славянских народов. Приятно констатировать тот факт, что в результате плодотворной деятельности науч-

но-исследовательской лаборатории «Тюрко-славянские связи» при БСУ был подготовлен и издан уникальный научный сборник под названием «Восток-Запад» (11). В данном сборнике наряду с другими историографическими, литературоведческими, лингвистическими и ориентальными вопросами подробно освещаются проблемы классического и современного евразийства, а также проблемы и перспективы его развития в Азербайджане.

На наш взгляд, житель сегодняшнего Азербайджана уже не стоит перед дилеммой об определении своей причастности «к передовой Европе или отставшей Азии», как это было сделано автором романа «Али и Нино», Курбаном Саидом (12, с.7). Рассмотрение евразийских идей, евразийского контекста глобализации, а также привлечение к анализу западнических, славянофильских, тюркских и исламских настроений создают дополнительную сферу для более серьёзных и системных исследований в области азербайджанства и азербайджановедения. Именно в этом заключается перспектива развития нашей национальной идеологии.

5.2. Идеи евразийства в литературных памятниках русского Средневековья

Литературоведческий подход к проблеме евразийства

Евразийство – это относительно молодое теоретическое направление, объединяющее в себе поиски, взгляды и мировоззренческие идеи, не ограничивающиеся какой-либо научной узостью и замкнутостью, но имеющие четко обозначенные ориентиры. Взяв свое начало с трудов филолога, лингвиста и этнографа Н.С.Трубецкого,

географа и экономиста П.Н.Савицкого, историка Г.В.Вернадского, лингвиста Р.О.Якобсона, философа и музыковеда П.П.Сувчинского и др. еще в конце 20-30 гг. XX века, евразийство укрепилось и утвердилось как научно-теоретическая школа в течение краткого времени (к 40-50-м гг.). Будучи крайне актуальным и связанным с лучшими традициями русской классической науки (в том числе исторической и филологической), евразийство, хотя и отрицалось и умалчивалось советской наукой, не было снято с повестки даже в последующие десятилетия. Косвенно присутствовало оно в тюркологических исследованиях русских, советских и зарубежных ученых, а также во многочисленных работах по культурным и литературным связям тюркских и славянских народов. Идеи евразийства возродились после распада Советского Союза и снятия всяких идеологических препонов, искусственно мешающих выявлению объективного обмена культурной информацией и прослеживанию процесса многовекового материального и духовного взаимообогащения между народами континента Евразия. Особый смысл приобрело евразийство с усилением и укреплением качественно новых политико-экономических и дипломатических контактов на Евразийском континенте в конце XX-начале XXI столетий. В новых условиях идеи евразийства пригодились не только русским, заложившим его основу, но и туркам, казахам, азербайджанцам, китайцам и др., кто является заинтересованным в возобновлении нарушенных связей, в восстановлении целостности культурного и экономического ареала, просуществовавшего столетиями и тысячелетиями. Рупором идей новейшего евразийства выступил международный журнал «Диалог Евразия», издаваемый в Турции на русском и турецком языках миллионным тиражом.

Знакомство с проблемой евразийства, нынешним состоянием его изучения вызвало у нас некоторые соображения в плане его включения в сферу современных литературоведческих исследований.

Исходя из принципа автора книги «Древняя Русь и Великая Степь» Л.Н.Гумилева, «в большую цель легче попасть, чем в маленькую» (53, 18), следует сказать, что исключение какого-либо аспекта, в данном случае литературоведческого, приведет к одностороннему освещению и уязвимости «евразийства», базирующегося на сильных историко-географических аргументах и фактах. Эту уязвимость выявляет большинство работ евразийцев. У самого филолога Н.С.Трубецкого, автора статей «О туранском элементе в русской культуре» и «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», отсутствует ориентация на литературный материал. Литературовед Н.С.Трубецкой, исследователь русских летописей, «Слова о полку Игореве», «Жития протопопа Аввакума», «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, Достоевского и Толстого, далек от Н.С Трубецкого-евразийца. Усилия главного евразийца и неповторимого литературоведа, каковым он представляется нам, не направлены в единое русло (251, 544-730).

Не секрет, что все евразийцы, и русские и зарубежные, черпали нужный им материал из историко-литературных источников Древней Руси, из дошедших до нас восточных летописей (в подлиннике или же пересказе европейских путешественников).

Основываясь на целый ряд древнерусских литературных памятников, а также на труды филолога, лингвиста и этнографа Н.С.Трубецкого, заметим некоторую «уязвимость» евразийства как теоретического направления в связи с умалчиванием важной роли историко-ли-

тературных памятников Древней Руси и русской художественной мысли в развитии этой научной школы. Литературное наследие Древней Руси представляет собой уникальный материал для прослеживания евразийских идей в произведениях русского Средневековья, во взглядах древнерусских авторов и книжников, мировоззрении русского человека. Исходя из этого, вопреки утверждениям исследователей истории и теоретического наследия данного направления, мы думаем, что, во-первых, история евразийского движения обнаруживает свои ростки не в 30-х гг. XX столетия и даже не на век раньше, а в XII -XV вв., во времена русско-половецкого сожительства («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»), монголо-татарского присутствия на Руси («Галицко-Волынская летопись», летописные повести о приходе монголо-татар, «Повесть о Темир-Аксаке»). За соседством, сожительством и противостоянием леса и степи (Киевской Руси и Великой Степи) последовали сложные этапы взаимоотношений Московской Руси и Золотой Орды, Московского централизованного государства и Оттоманской порты, нашедшие свое отражение в таких воинских и исторических повестях, как «Повесть о взятии Царьграда турками», «Сказание о Магмет-салтане», «Сказание о князьях Владимирских», «Казанская история», повестях об Азове. О намерениях Чингисхана, Тамерлана, Мехмета II, Ивана Грозного собрать евразийскую часть материка под власть единого правителя свидетельствуют историко-литературные памятники, появившиеся еще в те далекие времена русской истории. Многие литературные памятники русского Средневековья («Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» и др.) примечательны тем, что в них предлагается военно-политический и социально-экономический

рецепт создания евразийского дома и общего гуманитарного пространства на этой территории.

Исходя из мнения одного из основоположников евразийского теоретического направления П.Н.Савицкого о том, что «Влияния Юга, Востока и Запада, перемежаясь, последовательно главенствовали в мире русской культуры... Восток в данном случае выступает, главным образом, в облике «степной» цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной из характерно «азиатских»... Пример монголо-татарской государственности (Чингисхана и его преемников)... несомненно сыграл большую положительную роль в создании великой государственности русской», было бы объективно и уместно говорить о значении историко-литературных источников Древней Руси в утверждении евразийства. Так как история многовековых русско-татарских отношений наиболее полно и объективно отразилась именно в русском летописании, во многочисленных воинских повестях того времени, привлечение их к евразийским исследованиям укрепило бы позиции данной теоретической школы, а с другой стороны, включило бы в повестку научных разысканий и проектов проблему и стереотип «степной» цивилизации или «азиатских культур», без которых вообще не мыслимы какие-либо серьезные исследования. Как ни странно, русская средневековая культура и литература, рассматриваемая с точки зрения евразийца, предлагала идеальную модель сосуществования народов, этносов, и конечно, их культур, навыков и обычаев. К сожалению, искажение историко-литературных источников, их переписывание в пользу европеизации русской культуры, быта, образа жизни в последующие столетия (начиная со времен церковных реформ Никона) повлияли на облик литературы эпохи. Примечательно, что в плане евразийских идей

свою актуальность и литературную значимость отстояли произведения светского характера (хождения, космографии, посольские повести и др.). Литературное наследие Древней Руси имеет не меньшее значение, чем взгляды славянофилов, Гоголя и Достоевского, на пути к возникновению евразийской теоретической школы.

Из этого следует, что без литературоведческого аспекта проблемы, привлечения и анализа русской художественной мысли «евразийцам» не обойтись. А литературоведам, посвятившим себя этой проблеме, предстоит создать определенную систему восприятия фольклорного и литературного материала Востока и Запада в нужном русле, и конечно, исходить из той ориентации сравнительного литературоведения, которой в свое время придерживались В.В.Бартольд, В.М.Жирмунский и др. В таком случае им обязательно пригодятся элементы реконструкции, «воображение не только ученого, но и художника» (138, 9), сулейменовский путь постижения русского эпоса и, в целом, русской литературы.

По евразийской концепции русской истории, русское государство XII-XX веков является в большей мере продолжением скифской, гуннской и монгольской державы, чем государственных форм дотатарской Руси. Видимо, эта концепция страдает некоторой неточностью и недоработанностью по той простой причине, что сама Киевская Русь в свое время входила в систему государств гуннской и монгольской держав, в IX-XII вв. сосуществовала вместе с Аварским, Хазарским, Булгарским, Печенежским и Половецким государствами, а в дальнейшем оказалась в составе одного из улусов Великой Монгольской империи. Вся эта история нашла яркое отражение в Начальной летописи, в большей части русского летописания, «Слове о полку Игореве», «Задонщине», и т.д.

Подытожила тему «Казанская история», выявляющая широкий ретроспективный взгляд на русскую - евразийскую историю. «Слово о полку Игореве» и «Казанская история» - это два обобщающих художественных полотна разных эпох евразийской истории, естественного хода пестрых исторических событий. Наряду с ними можно было бы назвать еще три важнейших литературных памятника - «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Повесть о взятии Царьграда турками» и «Сказание о Магмет-салтане», в которых обнаруживается мировоззрение и миропонимание истинного евразийца. Разрешение проблем формирования евразийского пространства, перемещения религиозных и культурных центров, духовного вырождения человека-евразийца и возникновения средневековой модели евразийского государства входило в литературную компетенцию авторов названных произведений.

Будучи исторической, русская средневековая письменность и в дальнейшем выдавала немало примеров, служащих утверждению идей евразийства в общественном сознании, в научных, культурных и дипломатических кругах России. В этом плане немаловажное значение имели светские хождения, историко-литературные сборники, посольские повести и исторические повествования, переводные сочинения и трансплантации, литературная обработка сюжетов «Хамсе» Низами русскими авторами XУП века. Это не простое перечисление известных произведений русской средневековой литературы, а выражение нашего беспристрастного отношения к литературным образцам, представившим образ России-Евразии как особого историко-географического и культурно-экономического региона.

Петровские преобразования начала XVIII столетия, дальнейшее расширение границ Российской империи в южном и восточном направлениях (XIX в.) дали толчок новому осмыслению и переосмыслению исторических судеб России-Евразии. Этим проблемам посвящены ориентальные произведения А.Бестужева-Марлинского, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, С.Есенина и многих других, почвеннические идеи Ф.М.Достоевского.

5.3. Катарсис в героических эпосах Евразии

(на материале «Слова о полку Игореве», «Книги отца нашего Коркута» и «Песни о Нибелунгах»)

При рассмотрении героических эпосов Средневековья – азербайджанского дастана «Книга отца нашего Коркута», немецкой «Песни о Нибелунгах» и восточнославянского «Слова о полку Игореве», отражающих в себе происходившие в евразийском культурно-историческом ареале процессы, выявляются общие и близкие в идейно-тематическом и типологическом плане особенности.

На современном этапе народы, стремящиеся установить друг с другом определённые культурные, экономические и дипломатические отношения, ищут точки соприкосновения в своих исторических судьбах и этнокультурном происхождении и развитии. При этом доминирующим фактором выступает культурный аспект. Ведь перечисленные литературные памятники, взявшие на себя определённую историко-литературную и культурологическую миссию и выступающие как образцы синтеза духовных ценностей евразийских народов и этносов, вобрали в себя несколько пластов цивилизации данного культурно-исторического ареала. Одним из главных факторов, объединяющим героические эпосы Средневековья, выступают священные кни-

ги, наложившие свою печать на стиль и поэтику данных литературных памятников, на образ мышления и поведение их героев. Этим также мотивировано сходство сюжетов, композиции, общность идей и тем. Герои «Слова о полку Игореве», «Книги отца нашего Коркута» и «Песни о Нибелунгах», выдержав серьезные испытания, склоняются к мысли о текучести и бренности человеческой жизни, о неизбежности судного дня, о необходимости извлечения людьми урока из необдуманных поступков, которые привели героев названных эпосов к гибели. В этих литературных памятниках отражаются не только мифические, религиозные и фольклорные представления евразийских народов, но и их история; данные эпосы в то же время характеризуются объективным и реалистическим описанием фактов и событий, историческим монументализмом. Во всех героических эпосах встречаемся с реальными историческими персонажами, образами правителей, членов их семей, а также воинов и полководцев.

Свои наблюдения по теме мы ведём на текстологическом материале трёх известных литературных памятников, относящихся к разным и специфическим частям евразийского историко-культурного ареала. «Слово о полку Игореве», характеризующееся как общий культурный памятник восточнославянских и тюркских народов, вбирает в себя период с середины IX по конец XII века. Здесь представлена широкая историческая панорама взаимоотношений Киевской Руси и Великой Степи, потому так внушительны и пространственны рамки событий. В «Книге отца нашего Коркута» охвачен Туркестанский культурно-исторический ареал Евразии с его пёстрой географической, этнокультурной и исторической картой. Временные рамки событий охватывают раннее Средневековье и простираются до его поздних границ. «Песня о Нибелунгах», хотя и повествует о событиях чуть позднего времени, создаёт определённое впечатление о времени Великого переселения народов, о взаимосвязи

Востока и Запада, о зыбкости разграничивания определённых культурных и материальных ценностей на европейские и азиатские.

В данном разделе нас интересует проблема катарсиса в названных эпосах. Мы собираемся рассматривать её не как элемент мифопоэтического описания, а как идейно-тематический компонент, ибо каждый из этих памятников, будучи героическим эпосом, в то же время полон печальных страниц истории народа, в которой имели место ссоры, распри, братоубийства. Лишь под самый конец, после серьёзных потерь и глубоких разочарований люди осознают никчёмность данных распрей и ухищрений, приведших к гибели лучших сынов, растрате сил и энергии народа на бесславные дела. Эта вековечная проблема, проходящая красной нитью через художественные полотна известных эпосов, актуальна и по сей день, когда в разных частях мира разрываются бомбы и в междоусобных войнах ежедневно погибают сотни людей. К сожалению, ни политические лидеры, ни простые люди не хотят учиться на ошибках прошлого, хотя со школьной скамьи всех нас учили реалиям, а также извлекаемым из эпосов урокам, и мы воспитывались на них.

Понятие *катарсис* (трагическое очищение) известно нам из «Поэтики» Аристотеля; оно больше имеет отношение к искусству, сценическим произведениям, послужившим внутреннему очищению и возвышению человека. Применительно к эпосу термин *катарсис* впервые был использован акад. Д.С.Лихачёвым, превосходным исследователем «Слова о полку Игореве» (133). Говоря о жанре названного памятника, он определил его как «произведение славы и плача». За перечислением славных деяний и исторических подвигов следовало оплакивание, осмысление и осознание содеянного, признание неминуемости Божьего наказания за грехи. На наш взгляд, не менее важное значение имеет катарсис в двух других памятниках Средневековья – «Книге отца нашего Коркута» и «Песни о

Нибелунгах», где вся сюжетная линия, ход событий, идея произведений также опредлённо ведут к одной единственной мысли - покаянию уцелевшихся героев из-за совершившегося. Поэтому, исходя из текста «Слова о полку Игореве», Д.С.Лихачёв утверждает, что здесь имеет место «катарсис не личный, не главного героя только»: «Слово» рассматривает события 1185 г. как результат ошибок всех русских князей. Катарсис «Слова» - это катарсис лирический, в который втягивается, помимо Игоря, вся русская история и все русские князья-современники» (133, 267). То же самое следует сказать о «Книге отца нашего Коркута» и «Песни о Нибелунгах», характеризующихся развёрнутостью и динамичностью сюжета. Как известно, в «Слове» имеется немало пропусков и «тёмных мест», а также лирических отступлений, что может быть неоднозначно рассмотрено и в плане катарсиса. Но отражение истории похода Игоря на половцев в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях не позволило редакторам-компиляторам внести ощутимые изменения в текст (сюжет) памятника. И обращение великого Киевского князя Святослава к другим русским князям, и плач Ярославны, и лирические отступления данного литературного памятника ведут участников повествования к духовному возрождению и внутреннему очищению. Воспевание вернувшегося из плена князя Игоря воспринимается читателем как следующее после «золотого» слова великого князя Святослава и плача Ярославны звено трагического очищения. Вместо пира в конце сюжета логичнее было бы осознать свои грехи, как это происходит с героями «Песни о нибелунгах» и «Книги отца нашего Коркута». Кстати, эта традиция была присуща также некоторым произведениям-современникам «Слова о полку Игореве». «Слово о погибели русской земли» может рассматриваться образцом жанра славы и плача, где объективно звучат мотивы прославления и оплакивания. Если строго подходить к жанровой характеристике «Слова о полку Игореве», данной акад.

Д.С.Лихачёвым, то в ней мы встретимся с моделью «слава и слава», а не «слава и плач». Однако искусственность концовки сюжета не нарушает ритма произведения, конец повествования читатель воспринимает как оплакивание.

Последняя – двенадцатая песнь «Книги отца нашего Коркута», называемая «Об отложении дальних огузов от ближних огузов и убиении Бейрека поведает» в определённом смысле напоминает нам финал русского героического эпоса. Сказание об разделении огузских племён и смерти Бейрека завершается «победной песней» отца Коркута. Но это не песня, воспевающая героизм победившего Казана, а урок-исповедь с нравственным умиротворением:

Где вы, герои, воспетые и победившие!
Где они – мой весь мир! говорившие?
Смерть забирает, земля сокрывает.
Кому бренный мир остаётся? Кто знает?
О мир, где и жизни конец настаёт!
О смерть, долгой жизни последняя мука.
О смерть, последняя в жизни разлука!

(109, 217)

Катарсис в «Книге отца нашего Коркута» - это не случайный элемент поэтики. Им пропитаны все песни дастана. Обратимся к «Песне о том, как Басат убил Темяглаза». Причиной появления на свет Темяглаза является пастух Коджа Аруза по имени Конур Коджа Сары. Но огузы избавились от этого людоеда благодаря другому сыну Коджа Аруза – Басату, «с божьей помощью» спасённому. Вместе с тем, зачинщику отделения дальних огузов от ближних огузов и убийства Бейрека была отрублена голова; ему не дали даже покаяться. Увидев это, беки дальних огузов бросились к ногам Казана, просили пощады и прощения. Отомстив своему дяде Арузу за смерть Бейрека, Казан простил беков. И в данной песне, завершившейся триумфом

огузов, но триумфом над самим собой, а не в борьбе с чужеземцами, присутствует катарсис, трагическое очищение.

Бессмысленный спор между Кримхильдой и Брюнхильдой положили конец дружбе и союзу между Зигфридом и Гунтером. Обман, окутанный мифом и волшебством, в конце концов сделал несчастными короля Гунтера и богатыря Зигфрида. И Хаген, виновный в убиении Зигфрида, а также в исчезновении сокровищ бургундов в водах Рейна, был обречён на смерть. Над трупами убитых рыцарей король гуннов Этцель (Атилла) и рыцарь Дитрих Бернский проливают слёзы:

Бесстрашнейшим и лучшим досталась смерть в удел.
Печаль царила в сердце у тех, кто уцелел.
Стал поминальной тризной весёлый, пышный пир.
За радость испокон веков страданьем платит мир

(158, 63)

Психологическое развитие характера главной героини «Песни о нибелунгах» Кримхильды, сыгравшей ключевую роль в обеих частях произведения, пройденный ею путь следует воспринимать как настоящий образец катарсиса. Эта гордая и самодовольная женщина, овдовев, всю свою оставшуюся жизнь посвятила мести. То же самое следует сказать о Хагене, вассале и родственнике бургундских королей. В героической поэме с трагическим исходом событий Кримхильда и Хаген олицетворяют собой дьявольскую силу. Но именно в концовке герои осознают ошибки и переживают катарсис. Кримхильда, стоящая в центре всех этих событий и не сдержавшая свое обещание, также была убита. Оставшиеся в живых в битве между бургундами и гуннами рыцари, а также сам Этцель (Атилла) не в силах были сдержать горькие слёзы. Говоря о финале «Песни о нибелунгах», исследователь приходит к мысли, что здесь

якобы речь идёт не о битве между гуннами и бургундами, а о судьбе всего человечества (3, 333).

Рассматривая катарсис в идейно-тематическом плане невозможно и нелогично исследовать его вне мифопоэтических систем обсуждаемых эпосов. Если исходить из текстов и провести параллели в них, можно с твёрдой уверенностью сказать, что катарсис здесь часто достигается за счёт использования солнечной и водной символик, анимистическими воззрениями на жизнь, сновидениями и т.д. При этом обращение к воде, солнцу, волку и собаке и т.д. чаще выступает элементом сюжета, определённым звеном в развитии действия. Затмение солнца в «Слове о полку Игореве», обращение Казана, дом которого был разграблен врагами, к воде и волку в «Книге отца нашего Коркута», исчезновение сокровищ бургундов в водах Рейна в «Песне о нибелунгах» - это элементы мифопоэтики. Если углубиться в суть этих фактов и событий можно осознать значимость мифопоэтической основы каждого из этих эпосов. Интересны наблюдения автора монографии «Тайный Деде Коркуд» по поводу мифологемы *вода*: «В мифологических системах вода, река, море имеют сакральную, священную суть. Святые старцы, герои, правители в большинстве случаев с помощью воды достигали своих заветных целей. В древнееврейских, древнегреческих и древнеегипетских легендах достаточно часто говорится о том, что вода является первоосновой всего сущего. И в Дастане отношение к воде точно такое же, т.к. вода может символизироваться как первичный признак отделения от хаоса. Вода ассоциируется с процессом течения, изменения, с переходом из одного состояния в другое, и, в этом смысле, указывает на отход от хаоса, т.е. от состояния неизменности. А отделение от хаоса может быть рассмотрено, прежде всего, как процесс отдаления от природы, т.е. как явление из ряда культуры» (1, 16). Если исходить из противопоставления «Хаос - Космос», то *вода* в текстах русского и немецкого эпо-

сов указывает на отход от хаоса, т.е. является напоминанием о необходимости избавиться от неверных действий, вернуться к «Космосу». Перешагнушего реку Дон князя Игоря автор часто предупреждает словами: «О Русская земля / уже ты за холмом». Король Гунтер, несмотря на предупреждения приближённых, решается на переправу через Рейн. Ослушание и брошенный ими вызов судьбе обернулись несчастьем для обоих героев и их дружин.

Изображение в немецком эпосе Атиллы в роли идельного монарха вызывает большой интерес и может показаться странным в рамках сегодняшнего противостояния Востока и Запада, Европы и Азии. Описание короля гуннов Атиллы, продемонстрировавшего Европе высочайшее воинское искусство, который вместе с Дитрихом Бернским проливает слёзы по убитым рыцарям, говорит о мудрости и мультикультурной значимости немецкого эпоса.

Как известно, азербайджанские и немецкие учёные с 2010 года начали осуществлять совместное исследование «Книги отца нашего Коркута» и «Песни о нибелунгах», что уже имеет ощутимые научные результаты. Один из активных участников этого научного проекта проф. З.Хартман, обращаясь к своим немецким коллегам, подчёркивала: «Пожалуйста, немного потерпите, и вы скоро увидите, как изумительно поможет нам «Книга отца нашего Коркута» в раскрытии некоторых загадок в «Песне о Нибелунгах»... Ведь в отличие от других народов мира изучение этого тюркского эпоса тесно связано с Германией...» (278, 134).

Известный азербайджанский коркутовед проф. К.Абдуллаев, инициатор научных проектов совместного исследования «Книги отца нашего Коркута» в сравнительно-сопоставительном плане с западноевропейскими героическими эпосами, исходя из системы инвариантов (архетипов) поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», представляет огузский эпос в качестве моста

между культурными ареалами «Восток и Запад». В поисках инвариантов азербайджанский учёный сосредатачивает своё внимание на сходствах и различиях эпосов, приводит интересные сюжетные параллели (Одиссей, Басат и Бейрек; Полифем и Тепегёз; Адмет, Геракл и Удалой Домрул; Сельджан хатун в желтом одеянии и Елена Прекрасная; Салур Казан и Агамемнон и др.) (1). Примечательно, что в процессе реализации данного научного проекта в этом русле появились работы Зиглинде Хартман (277, 32-35; 278, 131-135) и германоведа Фахраддина Вейсалова (283, 255). Продолжая наблюдения проф. Камала Абдуллаева над текстами средневековых эпосов, указанные авторы делают акцент на том факте, что сравнительное изучение этих памятников берёт начало с исследований посла Прусии в Турции Ф.фон Дица, переводчика «Песни о том, как Басат убил Темяглаза» на немецкий язык, который подчёркивал, что Темяглаз древнее Полифема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе была предпринята попытка рассмотрения ряда литературных памятников русского Средневековья в плане оценки и роли тюркского фактора в формировании литературного облика Древней Руси.

Анализ русских летописей, исторических и воинских повестей, произведений других жанров, а также материалов русской историографии, научно-исследовательских работ, в том числе книг и статей постсоветского времени выявил, что данная тема была и остается актуальной для русской и зарубежной историко-литературоведческой науки. Поставленная в книге проблема взаимодействия и взаимопроникновения материальных и духовных ценностей проживавших на огромных пространствах Евразии этносов и народов, в частности восточнославянских и тюркских, требовала комплексного рассмотрения вопросов исторической, экономической, культурной и других сфер жизни древнерусского общества.

Историко-филологический анализ произведений дополовецкого и половецкого периодов русско-тюркских связей - «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», Ипатьевской летописи и других - выявил особое значение данных памятников для изучения истории, культуры, военного искусства и дальнейшей судьбы таких тюркских этносов и народов, как авары, хазары, торки, гузы,

черные клобуки, ковуи, булгары, угры, печенеги, половцы и др., имевших с Древней Русью кровнородственные связи, тесные политические, экономические и военные отношения. Древнерусские памятники X-XII веков представляют многие тюркские народы частью древнерусского общества. Сопоставление сюжетов и мотивов героической эпики восточнославянских и тюркских народов доказало тематическую и типологическую близость созданных ими литературных памятников Средневековья. Тождество языческих и мифологических представлений, поэтической символики и архетипов образного мышления, почерпнутые из ранних воинских повестей Древней Руси и тюркского (азербайджанского) героического эпоса, послужило неопровержимым доказательством этих контактов. С другой стороны, рассмотрение древнерусского и тюркского произведений в контексте литературы мирового Средневековья свидетельствует о высоком культурно-историческом развитии Древней Руси и Великой Степи, о промежуточном положении «Слова о полку Игореве» между восточным и западным героическими эпосами, о заимствовании древнерусской поэмой мотивов и поэтических элементов тюркского эпоса.

Изучение воинских повестей монголо-татарского цикла и русского летописания о монголо-татарском присутствии на Руси показало, что, хотя «нашествие Батыево ниспровергло Россию», в то же время оно имело «благотворные следствия» для дальнейшей судьбы русского народа. Политика золотоордынских ханов в отношении к русским княжествам, русской православной христианской церкви привела к объединению русских земель вокруг Москвы, упрочению позиций христианства и усилению церковной идеологии в условиях определенной изоляции Древней Руси от Запада.

Русские воинские повести и летописные своды XIII-XV веков, вобравшие в себя не только сцены разорения и разграбления русских городов и поселений, сведения о княжеских междоусобиях в условиях татарщины, но и сообщения о нравах, обычаях и верованиии, о высокой культуре монголо-татар, об исторической роли и миссии Золотой Орды в объединении русских земель и создании централизованного государства стали ценными историко-литературными источниками для исследования исторического прошлого народов империи Чингисхана.

Наводнение русской средневековой литературы воинскими повестями и произведениями других жанров на монголо-татарскую тему изменило литературный облик Древней Руси, придало ему сугубо религиозную направленность. Наряду с традиционными воинскими формулами и устойчивыми словосочетаниями в литературу проникло огромное количество сравнений и эпитетов, построенных на мотивах религиозных книг. Переход литературного дела из рук летописцев и подобных Даниилу Заточнику авторов к церковнослужителям затормозил развитие древнерусской литературы, имевшей в своем поэтическом арсенале такие выдающиеся произведения, как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», переводные повести с греческого и болгарского языков. Использование «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище» плана написания и жанрово-стилистических возможностей «Слова о полку Игореве» обеспечило литературную преемственность произведений Древней Руси.

Тюркская тематика имела особое значение в развитии русской литературы XV-XVII веков. Условно названный нами «турецким» период русско-тюркских контактов в литературном отношении оказался самым плодот-

ворным. Это было связано с расширением художественного кругозора древнерусских авторов, опирающихся на экономические и политические интересы человека Древней Руси. «Сказание о Железных вратех», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Космография», «Хожение купца Федота Котова в Персию», «Хожение Трифоно Коробейникова в Царьград», «Посольство Ивана Новосильцева в Турцию» и другие произведения в жанре хождения, посольских писем и посланий путешественников устремляли взоры человека Древней Руси на соседние и дальние страны, сообщали важные торгово-экономические, историко-этнографические сведения о них. Эти сообщения нередко освещали экономические и культурные связи Древней Руси с тюркским миром, часть важной информации передавалась на тюркском языке. В большинстве случаев отдельные слова и выражения тюркских наречий активно использовались древнерусскими авторами. Большое значение для русской письменности XV-XVI веков имело «использование и переосмысление тюркских документальных источников в собственно литературных целях» (60, с.676), т.е. переводы ярлыков монголо-татарских ханов, грамоты и послания татарских князей и мурз включались в русские летописи, и «русские повести также оказались восприимчивыми к восточным официальным формулам» (60, с.678).

Расширение границ Московской Руси за счет присоединения к ней территорий распавшейся Золотой Орды, противостояние с Крымским ханством и Османской Турцией мотивировались не одной военно-политической необходимостью, но и торгово-экономическими интересами централизованного русского государства. Активное внедрение турецкой темы в произведения Нестора Искендера и Ивана Пересветова, создание ими об-

раза турецкого правителя и полководца Магмет-салтана, сумевшего покорить центр мирового христианства, Константинополь, и осуществившего важные военно-политические реформы внутри своей страны, подготовило благодатную почву для написания «Казанской истории». Главный герой данного исторического повествования XVI века, великий князь и царь Иван IV, подобно Магмет-салтану, сам руководил осадой и взятием Казани, как и он, был милосерден к плененным. Летописи, рассматривающие тему русско-турецкого, русско-крымского и русско-казанского противостояния, подверглись нами отдельному рассмотрению в целях выявления жизненной важности и политической перспективы этих отношений для Московского царства.

«Казанская история» и повести («Историческая», «Поэтическая» и «Сказочная») об Азове стали свидетельством новой разработки тюркской темы в русских исторических и воинских повествованиях XVI-XVII веков. Создание этих произведений оценивается в работе как шаг вперед русской средневековой литературы к демократической прозе - сатирическим и нравоучительным повестям второй половины XVII века - и как яркое проявление синтеза литературы и фольклора. Удачное литературное применение в них сложившихся мотивов, военной терминологии, типичных словосочетаний совпало с процессом демократизации языка и литературы.

Прослеживание отдельных русских летописей и всесторонний анализ произведений различных жанров привели нас к выводу об ощутимом вкладе тюркской тематики в русскую средневековую художественную мысль. Русско-тюркские литературные связи X-XVII веков, проявляющиеся в идейно-тематических, жанрово-стилистических и лингво-поэтических особенностях

древнерусских произведений, имели существенное значение для дальнейшего развития литератур этих народов. Литературные результаты этих связей неоспоримы.

Исследованию тюрко-татарской темы в русской литературе XV-XVII веков посвящены две главы диссертации. «Турецкий», последний период русско-тюркских контактов, и в литературном плане оказался самым плодотворным и интересным этапом взаимоотношений русского и тюркских народов. В историю развития русской литературы данный этап вошел с выдающимися образцами жанров воинской и исторической повестей, хождений и путевых очерков (посольских повестей). Светскость литературы, документализм, живость и динамичность повествования, тематическое разнообразие и другие несвойственные ей до последних веков черты древнерусская литература приобрела благодаря произведениям указанных жанров. Процесс освобождения памятников древнерусской литературы от церковных шаблонов и религиозной окраски, гармонический синтез литературы и фольклора, творческие поиски писателей-публицистов, включая авторов русских хронографов разных лет, самого Ивана Грозного, продолжались до конца XVII века. В результате целенаправленной, точнее, контролируемой государством и церковными кругами деятельности русская литература пережила кризис Возрождения и Барокко, созданием исторических, житийных, нравоучительных и сатирических повестей, демократизацией стиля и поэтики она перешагнула в XVIII столетие. Идейно-тематическая насыщенность, жанрово-стилистическое и поэтическое богатство древнерусской письменности предопределили будущую судьбу литературы XVIII века. Благодаря преобразованиям Тредиаковского, Ломоносова, Державина, Сумарокова, Фонвизина, Карамзина, Новикова и других

в области русского стихосложения, прозы, драматургии, публицистики и журналистики она беспрепятственно и быстро восприняла и преодолела литературные направления и течения, веками зарождавшиеся и состоявшиеся в Западной Европе. Вся древнерусская литература, включая произведения тюркской тематики, послужила основательной базой для последующего развития литературы XVIII и XIX веков. Залогом успеха произведений Бестужева-Марлинского, Полонского, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова и других выдающихся образцов русской романтической и реалистической поэзии и прозы на тюркскую и восточную тему стал интерес их авторов к древнерусской истории и культуре, тюркское участие и элементы в которой сыграли незаменимую роль.

Последняя глава монографии, посвященная проблемам евразийства, свидетельствует о значимости и перспективности изучения литературных памятников Древней Руси в более широком плане. Вовлечение историко-литературных источников русского Средневековья в орбиту евразийских исследований привело нас к определённым наблюдениям и выводам по теме «Евразийство и азербайджанство», дало возможность рассмотреть русский эпос в контексте мирового героического эпоса, ещё раз обосновало актуальность и объективность изучения литературных памятников Древней Руси в аспекте выявления тюрко-татарской темы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdullayev K.M. Gizli Dədə-Qorqud, Bakı, Yazıçı, 1991, 152 s.
2. Ağaoğlu Ə. Üç mədəniyyət, Bakı, Mütərcım, 154 s.
3. Адмони В.Г. «Песнь о Нибелунгах» - ее истоки и художественная структура // Песнь о Нибелунгах, Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.
4. Аджи М. Полынь половецкого поля, М., ТОО «Пик-Контекст», 1994, 350 с.
5. Аджи М. Европа, тюрки, Великая Степь, М., Мысль,1998, 334 с.
6. Аджи М. Кипчаки, огузы. Средневековая история тюрков и Великой Степи, ОАО «Типография «Новости», М, 2001, 215 с.
7. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947, 184 с.
8. Адрианова-Перетц В.П. Слово о Куликовской битве Софония-рязанца. Воинские повести Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.143-165.
9. Адрианова-Перетц В.П. Об основах художественного метода древнерусской литературы. Рус. лит., 1958, №4, с.61-70.
10. Азбелев С.Н. О художественном методе древнерусской литературы. Рус. лит., 1959, №4, с.9-22.
11. Азбелев С.Н. К датировке русской повести о взятии Царьграда турками. ТОДРЛ, т.17, Л., 1961, с. 334-337.
12. Азбелев С.Н. К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками. Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М.П.Алексеева, Л., 1976, с.18-22.
13. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. X cilddə, IX c., Bakı, 1986, s.629.

14. Алексеев Ю.Г. Государь всея руси, Новосибирск, Наука, 1991, 240 с.

15. Алиев Р. Низами Гянджеви. Низами. Стихотворения и поэмы, Л., Сов. писатель, 1981, с.5-42.

16. Артамонов М.И. История хазар, Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962, 523 с.

17. Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье, Баку, Элм, 1993, 204 с.

18. Ахмедова С. Азербайджан в «Хождении» Ф.Котова. Лит. Азербайджан, Баку, 1989, №9, с.114-116.

19. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века), М., Территория, 2001, 544 с.

20. Баймухаметов С. Варяги или «братки»? М., Огонек, 2002, №40, с.40-43.

21. Бартольд В.В. Сочинения. В 9-ти тт., т.7, М., Наука, 1971, 623 с.

22. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве», Л., Наука, 1985, 207 с.

23. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. ТОДРЛ, т.21, М.-Л., Наука, 1965, с.126-131.

24. Бегунов Ю.К. Когда и кем было написано «Сказание о Железных вратех». Учен. зап. Азерб. гос. ун-та, Баку, 1966, Сер. яз. и лит-ры, №3, с.39-43.

25. Бегунов Ю.К. Комментарий к «Повести о приходе Темир-Аксака».1395 г. Из Софийской второй летописи. Россия героическая: Рассказы русских летописей и воинские повести XIV-XVI вв., М., Молодая гвардия, 1988, с.148-150.

26. Безертинов Р.Н. Татары, тюрки – потрясатели вселенной (история великих империй), в 3-х тт., Набережные Челны, Калкан, 1997.

27. Бельченко Г.П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С.Орлова, Л., 1934, с.507-513.

28. Бигеев Б.А. и др. Культурология: Евразийский контекст. Учебник, Астрахань, Изд. дом «Астраханский университет», 2007, 370 с.

29. Болдур А. Ярославна и русское двоеверие в «Слове о полку Игореве». Рус. лит., М., 1964, №1, с.84-86.

30. Буслаев Ф.И. Древнерусская литература и православное искусство /Ф.И.Буслаев, 20.09.2002/57 Kb/http: / proceedings.usu.ru / books/ selib USU / VIII 2002 / bu 184.htm.

31. Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы, М., АЛМА-ПРЕСС; СПб., НЕВА; Красноярск, Бонус, 2001, 608 с.

32. Васильев А.Д. Стилеобразующая роль военной лексики в Посланиях А.М.Курбского Ивану Грозному. Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI-XVIII вв., Красноярск, 1981, с.3-12.

33. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка, М., Индрик, 2002, 336 с.

34. Вернадский Г.В. Московское царство. Пер. с англ., Тверь, ЛЕАН; М., АГРАФ, 1997, 512 с.

35. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Перс с англ., Тверь, ЛЕАН, 1999, 448 с.

36. Веселовский Н. О религии татар по русским летописях. ЖМНП, М., 1916, ч.LXIV, №7, отд.2, с.84-101.

37. Водовозов Н.В. История древней русской литературы, М., Просвещение, 1972, 382 с.

38. Волков В.К. СССР разодрали на куски этнократические кланы... Лит. газ., 2002, №8, 27 фев., ЛАД, вып.1.

39. Волкова Т.Ф. «Казанская история» и троицкие литературные памятники о взятии Казани. ТОДРЛ, т.37, Л., Наука, 1983, с.104-117.

40. Волкова Т.Ф. Работа автора «Казанской истории» над сюжетом повествования об осаде и взятии Казани. ТОДРЛ, т.39, Л., Наука, 1985, с.308-322.

41. Волобуев О.В. Роль художественной литературы в формировании исторических знаний. Художественно-историческая хрестоматия. Средние века, М., Просвещение, 1977, с.4-17.

42. Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. т.26, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1959, 416 с.

43. Все народы едино суть (Сост., предисл., коммент. Н.В.Савицкой), М., Мол.гвардия, 1987, 684 с.

44. Галицко-Волынская летопись. ПЛДР. XIII век, М., Худож.лит., 1981, с.236-425.

45. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слово о полку Игореве», М., Аграф, 2000, 608 с.

46. Гребенюк В.П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI-XVII веках. Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.), М., 1971, с.185-206.

47. Гребенюк В.П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века. Куликовская битва в литературе и искусстве, М., 1980, с.52-71.

48. Гребенюк В.П. Легендарная биография Тимура в русской и южнославянской литературах. Славянские литературы. X международный съезд славистов, София, сентябрь, 1988, М., Наука, с.81-97.

49. Гудзий Н.К. История древней русской литературы, М., Просвещение, 1966, 544 с.

50. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Диалог, Л., Сов.писатель, 1990, 128 с.

51. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия, Баку, Азернешр, 1990, 312 с.

52. Гумилев Л.Н. Древние тюрки, М., Товарищество «Клышников-Комаров и К°», 1993, 527 с.

53. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., ООО «Фирма» изд-во АСТ, 2000, 848 с.

54. Гухман С.Н. К истории русско-азербайджанских литературных связей (Азербайджан в посольских повестях XVI-XVII веков). Рус. яз. и лит. в азерб. шк., Баку, 1982, №8, с.17-20.

55. Гухман С.Н. Азербайджан в русской литературе XV-XVII веков. Азербайджанско-русские литературные взаимосвязи, Баку, Элм, 1988, с.26-49.

56. Гянджеви Н. Собр.соч. в 3-х т., Баку, Азернешр, 1991.

57. Güngör E. Tarihte türkler, İstanbul, Ötüken, 1990, 426 s.

58. Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождении». ТОДРЛ, т.18, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962, с.21-37.

59. Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации, М., Языки славянской культуры, 2001, 800 с.

60. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы, М., Языки русской культуры, 1998, 848 с.

61. Демин А.С. Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории». ТОДРЛ, т.43, Л., Наука, 1990, с.124-130.

62. Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII вв. Новые художественные представления о мире, природе, человеке, М., Наука, 1977, 296 с.

63. Демин А.С. «Языци»: Неславянские народы в русской литературе XI-XVIII вв. Древнерусская литература. Изображение общества. М., Наука, 1991, с.191-205.

64. Державин Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., Изд-во АН СССР, 1945, 216 с.

65. Джафаров Н. Основы азербайджановедения // Mütərcim, 2005, № 2-3, s. 98-114.

66. Джафаров Т.Г. К вопросу о периодизации русско-тюрских контактов IX-XVII вв. Тезисы докладов респуб. межвуз. науч. конференции (27-28 янв., 1998), Баку, 1998, с.35-36.

67. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха (IX-XVII века). Баку, Элм, 1981, 175 с.

68. Дмитриев Л.А., Творогов О.В. «Слово о полку Игореве» в интерпретации О.Сулейменова. Рус.лит., 1976, №1, с.251-258.

69. Дмитриев Л.А. Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV в. История русской литературы, т.1. Древнерусская литература. Литература XVIII века (Под. ред. Д.С.Лихачева и Г.П.Макагоненко), Л., Наука, 1980, с.126-184.

70. Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»), Автореф. диссерт. на соиск. канд. филол. наук, М., 1966, 14 с. (Моск. гос. пед. ин-т).

71. Добродомов И.Г. Новая одежда старых слов. Рус.речь, М., 1972, №2, с.67-72.

72. Добродомов И.Г. Загадочная параллель: бур (бор) орхонских рунических надписей и боръ ~ (i * бръ) «Повести временных лет». Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова, Л., 1976, с.241-246.

73. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. Тюркологический сборник, М., 1978, с.102-129.

74. Довженок В.О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия. Древняя Русь и славяне, М., 1978, с.76-82.

75. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы, М., Современник, 1989, 557 с.

76. Древняя русская литература в исследованиях: Хрестоматия (Сост. Л.Н.Гусева, Л.Л.Короткая), Минск, Изд-во БГУ, 1979, 312 с.

77. Древняя Русь. Город, замок, село, М., Наука, 1985, 431 с.

78. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней, Варшава, Научн. изд-во ПВН, 1995, 381 с.

79. Еремин И.П. К спорам о реализме древнерусской литературы. Рус. лит-ра, 1959, №4, с.3-8.

80. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М., 1962, 435 с.

81. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избр. труды, Л., Наука, 1974, 727 с.

82. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Избр. труды, Л., Наука, 1979, 493 с.

83. Житие Сергия Радонежского. ПЛДР. XIV – середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.256-429.

84. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности, Л., 1991, 25.11.2002 / 131 Kb /http:/ antrology.ru /ru/ texts /gurin/ marigin biblio. html.

85. Зимин А.А. И.С.Пересветов и его сочинения. Сочинения И.Пересветова, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1956, с.3-27.

86. Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв., М., Молодая гвардия, 1990, 302 с.

87. Ивакин Г.Ю. Киев в XIII-XV веках, Киев, Наук. думка, 1982, 104 с.

88. Ивакин Г.Ю. К вопросу о роли нашествия Батыя для исторических судеб России. Славяне и Русь (в зарубежной историографии), Киев, Наук. думка, 1990, с.139-147.

89. Иловайский Д. Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов. ЖМНП, М., 1881, ч. CCXV, №5, отд. 2, с.1-34.

90. Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т.2, М., Изд-во вост. лит., 1982, 1046 с.

91. «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. Воинские повести Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.45-56.

92. История Дона (с древнейших времен до падения крепостного права), Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского ун-та, 1973, 300 с.

93. История Донского края, Ростов-на-Дону, Ростовск. книж. изд-во, 1971, 342 с.

94. История России с древнейших времен до начала XX века. Под ред. В.В.Керова, 03.10.2002 /114Kb /http:/www. auditorium.ru /books/ 1999/st 20600 b.htm.

95. История русской литературы XI-XIX веков, в двух частях, ч.1, Под ред. Л.Д.Громовой, А.С.Курилова, М., Владос, 2000, 272 с.

96. История русской литературы X-XVIII веков. Под ред. Д.С.Лихачева, М., Просвещение, 1980, 462 с.

97. Каган М.Д. Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. ТОДРЛ, т.14, М.-Л., 1958, с.309-315.

98. Каган М.Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям – публицистическое произведение второй половины XVII в.. ТОДРЛ, т.15, М.-Л., 1958, с.225-250.

99. Казанская история. ПЛДР. Середина XVI в., М., Худож. лит., 1985, с.300-569.

100. Кайев А.А. Русская литература, М., Учпедгиз, 1948, с.275.

101. Карамзин Н.М. История государства Российского, в 12-ти тт., т.1, М., Наука, 1989, 640 с.

102. Карамзин Н.М. История государства Российского, в 12-ти тт., т.4-6, Тула, Приок. кн. изд-во, 1990,620 с.

103. Каргалов В.В. На степной границе (Оборона «Крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия), М., Наука, 1974, 183 с.

104. Кирпичников А.Н. Куликовская битва, Л., Наука, 1980, 124 с.

105. Киселева М. Древнерусские книжники и власть. Вопросы филологии, 1998, №7, 01.09.2002 /64Kb / http:/ www.krotov.org./ yakov/ drevnik/19981230.html.

106. Ключевский В.О. Сочинения, в 8 тт., т.1, Курс русской истории, ч.1, М., Гос. изд-во полит. лит., 1956, 428 с.

107. Ключевский В.О. Сочинения, в 8 тт., т.3, Курс русской истории, ч.3, М., Гос. изд-во полит. лит., 1957, 426 с.

108. Книга Большому Чертежу, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, 230 с.

109. Книга отца нашего Коркута (Перевод с древнетюркского Аллы Ахундовой), Баку, Язычы, 1989, 224 с.

110. Книжные центры Древней Руси XI-XVI вв. Разные аспекты исследования (Ответ. ред. Д.С.Лихачев), СПб., Наука, 1991, 365 с.

111. Ковалев Н.С. Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки, Волгоград, 03.12.2002 /168 Kb / http:/ web.saratov.ru/ nbsgu / n 03-98 htm.

112. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси, Л., Изд-во ЛГУ, 1986, 310 с.

113. Комнина А. Алексиада, М., Наука, 1963, 686 с.

114. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России, Л., Наука, 1972, 272 с.

115. Короглу Х.Г., Набиев А.М. Азербайджанский героический эпос, Баку, Язычы, 1996, 308 с.

116. Королев А.С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е-70-е годы X века, М., Прометей, 2000, 296 с.

117. Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь, М., Наука, 1964, 383 с.

118. Костомаров Н.И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования, СПб., 1905, кн. 5,т.XII, с. 5-288.

119. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, М., Мысль, 1991, 616 с.

120. Кришна Пал. Жанрово-композиционное своеобразие произведения Афанасия Никитина. Герменевтика древнерусской литературы, сб.9, М., Наследие, 1998, с.172-185.

121. Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учебник для филол. спец. ун-тов, М., Высш. школа, 1982, 296 с.

122. Кучкин В.А. Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV века. Вопр. истории, М., 1965, №3, с.204-205.

123. Kösoglu N. Türk dünyası tarihi ve türk medeniyeti üzerinde düşünceler, İstanbul, Ötüken, 1991, 771 s.

124. Лапин А.М. К истории культурных связей России и Азербайджана в VIII-XVIII веках. Учен. зап. Азерб. пед. ин-та рус. яз. и лит-ры, Баку, 1958 (1959), вып. VII, Сер. филолог., с.27-48.

125. Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. ПЛДР. XVII век, кн. вторая, М., Худож. лит., 1989, с.16-21.

126. Летописная повесть о Куликовской битве. ПЛДР. XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.112-131.

127. Летописные повести о монголо-татарском нашествии. ПЛДР. XIII век, М., Худож. лит., 1981, с.132-175.

128. Липатов А.В. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литератур как системы. Барокко в славянских культурах, М., Наука, 1982, с.14-77.

129. Липатов А.В. Проблемы общей истории славянских литератур от средневековья до середины XIX в.. Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX века, М., Наука, 1987, с.5-83.

130. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы, Л., Наука, 1967, 372 с.

131. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси, М., Наука, 1970, 180 с.

132. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили, Л., Наука, 1973, 254 с.

133. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, Л., Худож. лит., 1978, 359 с.

134. Лихачев Д.С. Литература трагического века в истории России. ПЛДР. XIII век, М., Худож. лит., 1981, с.5-26.

135. Лихачев Д.С. В защиту «Слова о полку Игореве». Вопр. лит., 1984, №12, с.80-99.

136. Лихачев Д.С. Литература «государственного устроения» (середина XVI века). ПЛДР. Середина XVI века, М., Худож. лит., 1985, с.5-16.

137. Лихачев Д.С. «Чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее». Вопр. лит., М., 1986, №12, с.111-123.

138. Лихачев Д.С. Предисловие. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., АСТ, 2000, с.9-12.

139. Лурье Я.С. Истоки жанра в литературе Древней Руси. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра, Л., Наука, 1973, с.23-34.

140. Лурье Я.С. Литература в период образования единого Русского государства. Середина XV-XVI веков. История русской литературы, т.1, Древнерусская литература. Литература XVIII века, Л., Наука, 1980, с.185-291.

141. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община, СПб., Университетская книга, 2001, 640 с.

142. Малышев В.И. Некоторые замечания к Повести о Сухане. Рус. лит-ра, 1961, №3, с.195-196.

143. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4, М., Наследие, 1995, 768 с.

144. Mahmudov Y. Odlar yurduna səyahət, Bakı, Gənclik, 1980, 120 s.

145. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV-начало XVII века), Баку, Изд-во Бакинского университета, 1991, 264 с.

146. Мейлах Б.С. Введение. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра, Л., Наука, 1973, с.3-20.

147. Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», 1-я статья. Изв. отд. рус. яз. и словесности АН, 1902, т.VII, кн.2, с.273-302.

148. Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве», 2-я статья. Изв. отд. рус. яз. и словесности АН, 1905, т.X, кн.2, с.66-92.

149. Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», Л., Наука, 1979, 266 с.

150. Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси, СПб., Алетейя, 2000, 384 с.

151. Моисеева Г.Н. Казанская история. Казанская история. Подгот. текста, вступ. статья и примечания Г.Н.Моисеевой, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, с.6.

152. Моисеева Г.Н. Царица Сююн-бике и Сумбекэ «Казанской истории». ТОДРЛ, т. , М.-Л., Изд-во АН СССР, 1956, с.174-187.

153. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века, Л., 1980, 03.12.2002 /196 Kb / http:. art.rsuh.ru / Progr / eekr.html.

154. Морозов А.А. Проблема барокко в русской литературе XVII-начала XVIII века. Русская литература, 03.12.2002 /196 Kb/ http:// art.rsuh.ru / Progr/eekr.html.

155. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ, т.25, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, 462 с.

156. Муминов И.М. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, ФАН, 1968, 45 с.

157. Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования, М., Прогресс-Традиция, 2000, 432 с.

158. Немецкий героический эпос // История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение, М., Высш. шк., 1987.

159. Насонов А.И. Монголы и Русь, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940, 178 с.

160. Новосельцев А.П. Об исторической оценке Тимура. Вопр. истории, М., 1973, №2, с.3-20.

161. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика, гипотезы, т.1, М., Учебно-научный центр довузовского образования МГУ, 1995, 384 с.

162. Обсуждение книги О.Сулейменова «Аз и Я». Изв. АН СССР, ОЛЯ, т.35, М., 1976, №4, с.376-385.

163. О персидском царстве или о софийском цесарстве. Космография 1670, СПб., 1878-1881, вып.24-33, с.333-336.

164. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (до конца XVII в.). ЧОИДР, М., 1902, кн.4, ч.203, с.1-49.

165. Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. Обзор стиля «воинских» повестей XI-XVI вв.. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т.4, вып.2, 1945, с.69-85.

166. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива, М., НОРМА, 1998, 280 с.

167. Осипова К.С. К вопросу об изображении человека в историческом повествовании второй половины XVI века. Учен. зап. Харьк. гос. ун-та, 1962, т.116, Труды филол. фак., вып.10, с.30-51.

168. О турском цесарстве. Космография, 1670, СПб., 1878-1881, вып.24-33, с.299-309.

169. Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века. Древнерусская литература и русская культура XVII-XXвв., Л., 1971, 09.09.2002 |27 Kb| http:/avantgarde.narod.ru / Bibliogr/hl M-R htm.

170. Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, сб.III, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940, с.391-393.

171. Патриаршая или Никоновская летопись. ПСРЛ, т.13, М., Наука, 1965, 534 с.

172. Пашуто В.Т. Древнерусское государство и его международное значение, М., Наука, 1965, 476 с.

173. Переписка турецкого султана с чигиринскими казанами. ПЛДР. XVII век. Кн. вторая, М., Худож. лит., 1989, с.25.

174. Пиккио Р. Древнерусская литература. Пер. с итал., М., Языки славянской культуры, 2002, 352 с.

175. Плетнева С.А. Половцы, М., Наука, 1990, 208 с.

176. Повесть временных лет. ПЛДР. Начало русской литературы. XI-начало XII века, М., Худож. лит, 1978, с. 23-278.

177. Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году. ПЛДР. XIII век, М., Худож. лит., 1981, с.106-113.

178. Повесть о взятии Царьграда турками. ПЛДР. Вторая половина XV века, М., Худож. лит., 1982, с.216-267.

179. Повесть о Еруслане Лазаревиче. ПЛДР. XVII век. Кн. первая, М., Худож. лит., 1988, с.301-322.

180. Повесть о Казанском царстве, откуда начинается. Казанский вестник, 1823, ч.9, кн. 10, с.101-108.

181. Повесть о нашествии Едигея на Москву. Россия героическая: Рассказы русских летописей и воинские повести XIV-XVI вв., М., Молодая гвардия, 1988, с.53-59.

182. Повесть о нашествии Тохтамыша. ПЛДР. XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.190-207.

183. Повесть о приходе Темир-Аксака. Россия героическая: Рассказы русских летописей и воинские повести XIV-XVI вв., М., Молодая гвардия, 1988, с.45-51.

184. Повесть о разорении Рязани Батыем. ПЛДР. XIII век, М., Худож. лит., 1981, с.187-199.

185. Повесть о стоянии на Угре. ПЛДР. Вторая половина XV века, М., Худож. лит., 1982, с.514-521.

186. Повесть о Сухане. ПЛДР. XVII век. Кн. первая, М., Худож. лит., 1988, с.135-138.

187. Повесть о Темир Аксаке. ПЛДР. XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.230-243.

188. Поляковский В.Т. Татаро-монголы. Евразия. Многовариантность, М., 2002, 231 с.

189. Попов И.А. Кипчаки и Русь. Учен. зап. ЛГУ, Сер. ист. наук, вып. 14, Л., 1949, №112, с.94-119.

190. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию. Записки русских путешественников XVI-XVII вв., М., Сов. Россия, 1988, с.187-219.

191. «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 г.. Воинские повести Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.57-82.

192. Преображенская М. Литературный памятник героям XVII века (о «Повести об азовском осадном сидении донских казаков»). Русская речь, М., 1978, №5, с.125-131.

193. Прокофьев Н.И. Древнерусские хождения и литература путешествий нового времени. Актуальные проблемы литературы, Ростов-на-Дону, 1971, с.164-173.

194. Прокофьев Н.И. Литература путешествий XVI-XVII вв. Записки русских путешественников XVI-XVII вв., М., Сов. Россия, 1988, с.5-20.

195. Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня, М., Лабиринт, 2001, 368 с.

196. Прохазка Е.А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей. ТОДРЛ, т.42, Л., 1989, с.228-240.

197. Псковские летописи, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, 148 с.

198. Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса, СПб., Петербургское Востоковедение, 1999, 288 с.

199. Пушкарев Л.Н. «Повесть о разуме человеческом». ТОДРЛ, т.14, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958, с.322-325.

200. Пушкарев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче, М., Наука, 184 с.

201. Рагимова Э.А. Азербайджанские дастаны «Деде Коркуд» и «Кероглу» в русских переводах, Баку, Шур, 1997, 254 с.

202. Расовский Д.А. Печенеги, тюрки и берендеи на Руси и в Угрии, Прага, Seminarium Kondanovianum, 1933, с.3-10.

203. Робинсон А.Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении. Воинские повести Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.166-243.

204. Робинсон А.Н. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских» повестей Древней Руси. Основные проблемы эпоса восточных славян, М., 1958, с.131-158.

205. Робинсон А.Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского этноса в ранне-феодальный период. Славянские литературы. VII Международный съезд славистов, Варшава, август 1973 г., М., 1973, с.178-224.

206. Робинсон А.Н. «Слово» в поэтическом контексте мирового Средневековья. Вопр. лит., М., 1985, №6, с.118-139.

207. Рудаков В.Н. Отражение монголо-татар в древнерусской литературе XII-XV веков: эволюция представлений, сюжетов и образов. Автореферат диссерт. на соиск… канд. филол. наук, М., 1999, 24с.

208. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия, М., АГРАФ, 1997, с. 123-126.

209. Садыхов М. М.Ф.Ахундов и русская литература, Баку, Язычы, 1986, 237 с.

210. Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша. ТОДРЛ, т.34, Л., 1979, с.134-151.

211. Севернорусский летописный свод 1472 года. ПЛДР. Вторая половина XV века, М., Худож. лит., 1982, с.410-443.

212. Сеид-Мухамед-Ризи. Изъяснение слов: Алаф, Ярык и Сайгат, встречающихся в некоторых наших летописях. Казанский вестник, Казань, 1829, ч.25, кн.2-3, с.204-208.

213. Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина, М., Наука, 1980, 144 с.

214. Симокатта Ф. История, М., Изд-во АН СССР, 1957, 224 с.

215. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. ПЛДР. XIII в., М., Худож. лит., 1981, с.228-235.

216. Сказание о Мамаевом побоище. ПЛДР, XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.132-189.

217. Сказание о нашествии Едигея. ПЛДР. XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.244-255.

218. «Сказочная» повесть об Азовском взятии и осадном сидении. Воинские повести Древней Руси, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1949, с.83-112.

219. Скрипиль М.О. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. ТОДРЛ, т.6, Л., Изд-во АН СССР, 1948, с.324-327.

220. Скрипиль М.О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искендера. ТОДРЛ, т.10, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, с.166-184.

221. Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып.1, XI – первая половина XIV в., Л., Наука, 1987, 494 с.

222. Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.), ч.1, А-К, Л., Наука, 1988, 516 с.

223. Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып.2 (вторая половина XIV-XVI вв.), ч.2, Л-Я, Л., Наука, 1989, 528 с.

224. Словарь литературоведческих терминов, М., Просвещение, 1974, 509 с.

225. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. ПЛДР. XIV-середина XV века, М., Худож. лит., 1981, с.208-229.

226. Слово о полку Игореве. ПЛДР. XII век, М., Худож. лит., 1980, с.373-388.

227. Слово о полку Игореве, Л., Сов. писатель, 1985, с.498 с.

228. «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи: Сб. науч. тр. АН УССР, Ин-т философии, Киев, Наук. думка, 1990, 178 с.

229. Смирнов А. Как создавалась «История государства Российского», ст.1. Карамзин Н.М. История государства Российского, тома I-III, М., Рипол классик, 1998, с.5-24.

230. Соловьев С.М. О нравах и обычаях, господствовавших в Древней Руси. ЧОИДР, М., 1846, №1, ч.1, с.46-60.

231. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн., Кн.2, т.3-4, История России с древнейших времен, М., Мысль, 1988, 766 с.

232. Софийская вторая летопись. ПСРЛ, т.VI, вып.2, М., Языки русской культуры, 2001, 240 с.

233. Сочинения И.Пересветова, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1956, 388-с.

234. Сперанский М.Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI-XVII веков. ТОДРЛ, т.10, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, с.138-151.

235. Сперанский М.Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками. ТОДРЛ, т.12, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1956, с.188-223.

236. Сулейманоглу О. Правда о Коркут Ате (Деде Коркут) // Диалог Евразия, Анкара, 2000, № 1.

237. Сулейменов О. «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», Алма Ата, Жазуши, 1975, 304 с.

238. Сум П.Ф. Историческое рассуждение о пацинаках и печенегах. ЧОИДР, М., 1846, №1, ч.4, с.I-IV, с.1-48.

239. Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве», М., Изд-во МГУ, 1983, 142 с.

240. Тагиев М.Т. Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских письменных памятниках XVI-XVII вв.. Тюркизмы в восточнославянских языках, М., 1974, с.148-160.

241. Татищев В.Н. История Российская. В 7 тт. Т.6, М.-Л., Наука, 1966, 438 с.

242. Творогов О.В. Свое и чужое: переводные и оригинальные памятники в древнерусских сборниках XII-XIV веков. Рус.лит., М., 1998, №3, с.135-145.

243. Титаренко Н.А. Восточная лексика в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина». Изв. Воронеж. пед. ин-та (Вопросы грамматики и лексики русского языка), т.126, Воронеж, 1972, с.152-170.

244. Тихомиров М.Н. Русское летописание, М., Наука, 1979, 383 с.

245. Тойнби А. Постижение истории, М., Прогресс, 2001

246. Toqan A.Zeki Velidi. Ümumi türk tarixine giriş, İstanbul, Enderun Kitab evi, 1981, 538 s.

247. Троицкая повесть о взятии Казани. Библиотека литературы Древней Руси, т.10, СПб., Наука, 2000, с.533-555.

248. Трофимова Н.В. О некоторых закономерностях жанра древнерусских воинских повестей. Герменевтика древнерусской литературы, М., 1994, сб.7, ч.1, с.38-50.

249. Трофимова Н.В., Каравашкин А.В. Древнерусская литература: Практикум для студентов-филологов, М., Флинта: Наука, 1998, 64 с.

250. Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII вв. Курс лекции; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару, М, Флинта: Наука, 2002, 208 с.

251. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык, М., Прогресс, 1995, 800 с.

252. Филипповский Г.Ю. Развитие древнерусской литературы XII века. Автореф. диссерт. на соиск. д-ра филол. наук, М., 1992, 40 с.

253. Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера, М., Аграф, 2002, 320 с.

254. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. ПЛДР. Вторая половина XV века, М., Худож.лит., 1982, с.444-477.

255. Хождение на Флорентийский собор. ПЛДР. XIV – середина XV века, М., Худож.лит., 1981, с.468-493.

256. «Хождение» Стефана Новгородца. ПЛДР. XIV – середина XV века, М., Худож.лит., 1981, с.28-41.

257. Хожение купца Федота Котова в Персию, М., Изд-во вост.лит., 1958, 111 с.

258. Хожение Трифона Коробейникова в Царьград. Записки русских путешественников XVI-XVII вв., М., Сов. Россия, 1988, с.23-32.

259. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв., М., Эдиториал УРСС, 2001, 336 с.

260. Xəlilov P. «Kitabi-Dədə Qorqud» - İntibah abidəsi, Bakı, Gənclik, 1993, 176 s.

261. Черная Л.А. «Честь»: Представление о чести и бесчестии в русской литературе XI-XVII вв.. Древнерусская литература. Изображение общества, М., Наука, 1991, с.56-85.

262. Шалкина М.В. Иранизмы в языке Афанасия Никитина («Хожение за три моря»). Совр. рус. яз. и методика его преподавания, Душанбе, 1971, с.77-92.

263. Шалкина М.В. Персидские слова в «Хожении купца Фетода Котова в Персию». Вопросы рус. языкознания, Душанбе, 1973, с.55-63.

264. Шахматов А.А. Путешествие М.Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г., Изв. отд-ния рус.яз. и словестности АН, М., 1899, т.4, кн.1, с.200-222.

265. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Русский народ: Терминология, исследования, анализ, М., Кучково поле; Полиграфические ресурсы, 2001, с.9-81.

266. Штернбах Л. К толкованию терминов в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. Народы Азии и Африки, М., 1964, №6, с.75-77.

267. Штро В.А. Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе. ТОДРЛ, т.42, Л., Наука, 1989, с.262-267.

268. Щепкина М.В. Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати, М., Сов. Россия, 1958, 86 с.

269. Эрдман Ф.И. Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве». ЖМНП, М., 1842, ч.36, окт. 11 отд., с.19-46.

270. Эрсанлы Б., Октам Д. От геополитики до других перспектив. Диалог Евразия (ДА), Стамбул, 2000, №1, с.28-34.

271. Эфендиева А.Ж. Теоретические основы заимствования применительно к ориентализмам в средневековом русском языке. Учен. зап. Азерб. пед. ин-та языков. Серия 12 (язык и литература), Баку, 1974, №3, с.15-22.

272. Эфендиева Ч.А. Тюркизмы в лревнерусском языке: на материале «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Диссерт. на соиск. кандид. филол. наук, 1997, Баку, 184 с.

273. Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. В 3-х тт., т.2, Киев, Наук. думка, 1990.

274. Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX-X вв. Изв. АН СССР, Серия ист. и философии, М., Т.3, №5, 1946, с.461-472.

275. Якубовский А.Ю. Тимур. Вопр. истории, М., 1946, №8-9, с.67.

276. Hammer. Büyük Osmanlı tarihi. X ciltde. Birinci cilt, İstanbul, Üçdal Neşriyyat, 1992, 696 s.

277. Hartmann S. Die Entdeckung der Liebe im Mittelalter, Bakı, Mütərjim, 2011, s. 32-35.

278. Hartmann S. «Nibelunqlar nəğməsi» eposu və dünya mədəniyyətlərarası rəqabətdə germanistikanın gələjəyi // Bakı Slavyan Universitetinin Elmi əsərləri (Dil və ədəbiyyat seriyası), «Kitabi Dədə Qorqud»un alman şərqşünası H.F.fon Dits tərəfindən nəşrinin 195 illiyinə həsr olunmuş birgə nəşr, Bakı–Frankfurt am Main, s. 131-135.

279. Heyət C. İslam mədəniyyətinin Qərb mədəniyyətinin inkişafına təsiri // 525-ci qəzet, 2010, 19 mart.

280. Hüseynzadə Ə. B. Türklər kimdir və kimlərdən ibarətdir? - Bakı, Mütərcim, 1997, s.210-218.

281. Cəfərov T.H. «Kitabi-Dədə Qorqud» və «Nİbelunqlar nəğməsi» ədəbi abidələrində katarsis // «Kitabi-Dədə Qorqud» və «Nİbelunqlar nəğməsi» ədəbi abidələrin müştərək tədqiqinə həsr olunmuş Simpoziumun materialları, Mayns, Almaniya, 2011.

282. Cəfərov (Vəlixanlı) T.H. Avrasiyaçılıq ideyaları müasirlik prizmasında, Bakı, Mütərcim, 2010, 196 s.

283. Veysəlli F.Y. İki dastanın müqayisəsi: Oxşarlıqlar və fərqlər // Bakı Slavyan Universitetinin Elmi əsərləri (Dil və ədəbiyyat seriyası), «Kitabi Dədə Qorqud»un alman şərqşünası H.F.fon Dits tərəfindən nəşrinin 195 illiyinə həsr olunmuş birgə nəşr, Bakı – Frankfurt am Main, s. 255.

Список сокращений

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы

Cəfərov Telman Həmzağa oğlu

QƏDİM RUS və TÜRKLƏR XII-XVII əsrlər ədəbi abidələrində

Xülasə

XII-XVII əsrlər rus ədəbi abidələri, ədəbi-tarixi mənbələrində türk mövzusunun tədqiqinə həsr olunmuş bu monoqrafiya beş fəsildən ibarətdir.

Monoqrafiyanın əsas qayəsi bu günədək hələ də rəsmi rus elmi dairələri tərəfindən tanınmamış çoxəsrlik intensiv slavyan-türk əlaqələrini qabartmaqdan, türk-tatar dövlətçiliyi, o cümlədən Böyük Monqol imperiyasının dağıntılarından ibarət ərazilər (Kazan, Həştərxan, Krım, Sibir xanlıqları, Noqay Ordası və s.) üzərində yüksələn, güclənən və genişlənərək, möhtəşəm Avropa dövlətinə çevrilən Moskva Rusunun (gələcək Rusiya imperiyasının) obyektiv siyasi-diplomatik, iqtisadi-ticari və mədəni-mənəvi inkişafı və formalaşmasını göstərməkdən ibarətdir. Türk-tatar mövzusunu ehtiva edən ədəbi abidələrin, o cümlədən salnamə və səyahətnamələrin, tarixi və hərbi povestlərin, çoxsaylı ədəbi-tarixi məcmuələrin mətnindən, eyni zamanda, klassik rus avrasiyaçılığının və bu nəzəri məktəbin müasir təmsilçilərinin elmi-siyasi platformasından çıxış edən müəllif rus ədəbi mətnlərinin istər mövzu-ideya, istərsə də üslub və poetika cəhətdən ciddi elmi nəticələrə gəlməyə imkan verdiyini sübut etməyə çalışır.

Avrasiyaçı-alim L.N.Qumilyovun məhşur «Rusiya yalnız Avrasiya dövləti olmaqla və avrasiyaçılıq ideyalarına sadiq qalmaqla xilas ola bilər» tezisinə söykənən müəllif sonrakı dövrlərdə Rusiyanın avropalaşdırılmasını və Asiyadan uzaqlaşdırılmasını qeyri-təbii və qondarma proseslər kimi qiymətləndirir.

Birinci fəsildə (*«Şərqi slavyan və türk xalqları arasında mövcud olmuş erkən tarixi əlaqələrin Qədim rus ədəbiyyatında əksi»*) «Ötən illərin hekayəti» və «İqor polku haqqında söyləmə» ədəbi abidələrində türk motivləri təhlil olunur, ortacağ qəhrəman-

lıq eposları «Kitabi-Dədə Qorqud» və «İqor polku haqqında söyləmə» arasında ideya-məzmun və tipoloji oxşarlıqlar araşdırılır.

İkinci fəsildə («*Qədim rus ədəbiyyatında monqol-tatar istilasının təsviri*») monqol-tatar mövzusuna həsr edilmiş salnamələrin və hərbi povestlərin təhlilindən bəhs olunur.

Üçüncü və **dördüncü fəsillər**də (*«XV-XVII əsrlərə aid tarixi və hərbi povestlərdə türk-tatar mövzusu»* və *«XV-XVII əsrlərə aid rus səyahətnamələri və səfir povestlərində türk-tatar mövzusu»*) salnamə mətnləri, tarixi və hərbi povestlər, səyahətnamə və səfir povestləri tədqiqata cəlb edilir.

Beşinci fəsildə (*«Qədim Rus və türklər avrasiyaçılıq ideyaları işığında»*) Orta əsrlər rus ədəbiyyatı nümunələrinin avrasiyaçılıq ideyalarının və bu elmi-nəzəri məktəbin formalaşmasında əhəmiyyəti vurğulanmaqla yanaşı, avrasiyaçılıq və azərbaycançılığın təmas nöqtələri və yaxınlaşmağa perspektivləri işıqlandırılır.

Telman Hamzagha Jafarov

The ancient Russians and Turks in the XVI-XVII Centries Literary monuments

Summary

The Monography dedicated to the XII-XVII centuries of Russian literary monuments, literary histor ical source of Turkish researchable theme consists of 5 chapters.

The main idea of the monography is to enlarge the multicentral intensive slavic-turkish relationship, turkish-tatar government, and also the Great Mongol Empire`s lands (Kazan, Hashtarkhan, Crimea, Sibirian Khanate, Nogar and others).

It also shows the future of Russian Empire which is the objective political-diplomatic economical and cultural-logical developmental country.

H.M.Gumilyov called the Russians Europeanization is unnatural in his famous thesis "Russia can be saved only after being Euroasian government and devoting euroasian ideas".

The first chapter deals with the interaction of the relationship between Northern Slavic and Turkish people in the ancient Russian literature. The turkish literary monuments are discussed in "The last year`s story" and "The saying about Igor`s regiment".

The second chapter deals with the deseription of mongol-tatar conquer in the ancient Russian literature.

The turkish-tatar theme and Russian adventures and embassy novels of the XV-XVII centuries are dealt in the III and IV chapters.

The fifth chapter deals with the euroasian ideas of the ancient Russians and Turks.

The book deals with the similarities between "The saying about Igor`s regiment" and "Kitabi-Dede-Gorgud".

Книга сверстана и отпечатана
в издательско-полиграфическом центре «Мутарджим»

Редактор издательства- Алиш Мирзаллы
Оформление и дизай обложки – Джавид Кишиев

Подписано к печати 01.02.2013.
Формат: 84x108 1/32. Гарнитура: Antiqua.
Объем: 21,5 п.л. Тираж 500. Заказ № 15.
Цена договорная

ИПЦ «Мутарджим»
Az1014, Баку, ул. Расула Рзы, 125
тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru
www.mutercim.az